

**В «Форуме о форуме»
(или о состоянии
дискуссионного поля науки)
приняли участие:**

Николай Павлович Антропов (Институт языка и литературы
Национальной Академии наук Беларуси, Минск)

Павел Людвигович Белков (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Юрий Евгеньевич Березкин (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург,
Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Александра Юрьевна Брицына (Институт искусствоведения,
фольклористики и этнографии им. М.Ф. Рылского НАН Украины,
Киев)

Николай Борисович Вахтин (Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

Катерина Сергеевна Губа (Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

Евгений Александрович Добренко (Университет Шеффилда,
Великобритания)

Варвара Евгеньевна Добровольская (Государственный
республиканский центр русского фольклора, Москва)

Майкл Дэвид-Фокс (Michael David-Fox) (Университет Мэриленда,
Колледж Парк, США)

Катриона Келли (Catriona Kelly) (Оксфордский университет,
Великобритания)

Владимир Леонидович Кляус (Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Москва)

Галина Александровна Комарова (Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва)

Ив Левин (Eve Levin) (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Стивен Ловелл (Stephen Lovell) (Кингс Колледж, Лондон,
Великобритания)

Михаил Лазаревич Лурье (Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств)

Александр Леонидович Львов (Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

Андрей Борисович Мороз (Российский государственный
гуманитарный университет, Москва)

Михаил Анатольевич Родионов (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Светлана Игоревна Рыжакова (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

Нариман Скаков (Nariman Skakov) (Оксфордский университет, Великобритания)

Стивен Смит (Stephen Smith) (Эссекский университет, Колчестер, Великобритания)

Михаил Михайлович Соколов (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Государственный университет — Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал))

Андрей Львович Топорков (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

Марк Д. Штейнберг (Mark D. Steinberg) (Университет Иллинойса, Урбана, США)

Татьяна Борисовна Щепанская (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Дина Рафаиловна Хапаева (Смольный институт свободных искусств и наук, Санкт-Петербург)

Юнна Хирамацу (Junna Hiramatsu) (Оксфордский университет, Великобритания)

Форум о форуме (или о состоянии дискуссионного поля науки)

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Наш журнал, как следует из его названия, ориентирован в первую очередь на проведение дискуссий. Десятый номер мы решили посвятить дискуссии о дискуссиях в современной науке¹. Организуя это обсуждение, редакционная коллегия хочет привлечь внимание читателей к проблемам самоорганизации научного сообщества, его способности профессионально оценивать результаты исследований. Нам хотелось бы не просто получить представление о состоянии дискуссионного поля науки (оно более или менее очевидно), но и выяснить причины низкого уровня дискуссионности, обменяться мнениями о том, что необходимо сделать для того, чтобы профессиональная полемика, критика, рецензирование стали необходимым условием научной жизни. В этой связи редколлегия журнала обратилась к участникам дискуссии с просьбой ответить на несколько вопросов.

¹ Формулировка темы данного форума предложена Олегом Хархординым, которому мы выражаем свою благодарность. Редколлегия также благодарит Николая Копосова за помощь в составлении вопросов.

- 1** *Какие дискуссии, состоявшиеся в последние годы в вашей или соседних областях, вам запомнились? Как бы вы их охарактеризовали (по типу проблем, составу участников, способам обсуждения и т.д.)?*¹
- 2** *Нередко приходится слышать о том, что в антропологии и смежных дисциплинах (истории, социологии, фольклористике, социолингвистике и др.) практически отсутствуют серьезные дискуссии. В качестве причин обычно называются:*
- раскол гуманитарного сообщества на «партии» и «фракции», когда дискуссии внутри партии считаются неэтичными, а между партиями — бессмысленными;
 - инертность, лень или чрезмерная загруженность ученых;
 - традиция.
- Согласны ли вы с таким мнением?*
- 3** *Одной из форм научной дискуссии является рецензирование. По мнению многих, состояние института рецензирования близко к тому, чтобы констатировать постепенное отмирание жанра рецензий (а тем более обзоров). Конечно, почти в каждом журнале есть соответствующий раздел, который как-то заполняется, но процент действительно интересных и полезных рецензий стремится к нулю.*
- Как вы полагаете, чем вызвано такое положение в области научной критики?*
- 4** *До какой степени принятые ритуалы обмена мнениями (презентации и «кулуарные беседы» на конференциях, рецензии — внутренние и внешние, форумы, обсуждения в Интернете) способствуют дискусионности? Можно ли их сделать более эффективными?*
- 5** *Каким образом, по вашему опыту, влияет «глобализация» научного мира на научные дискуссии? Существует ли опасность конфликтов из-за столкновения разных «национальных» традиций ведения дискуссии (рецензирования и проч.)?*
- 6** *Кажется ли вам желательным, чтобы в дискуссиях по научным проблемам, в обсуждениях академических текстов участвовала так называемая «широкая публика»? Какова функция «научно-популярных» текстов в современном научном мире? Ваше отношение к обсуждению научных и научно-популярных текстов на веб-форумах и в открытых блогах?*
- 7** *Могут ли что-то сделать научные журналы (в частности, «Антропологический форум») для того, чтобы повысить уровень дискусионности?*

¹ Первый вопрос был добавлен уже в ходе опроса, и не все участники дискуссии отвечали на него.

НИКОЛАЙ АНТРОПОВ

1

Если говорить о дискуссиях, которые бы имели некую «продолговатость», т.е., возникнув на страницах какого-либо журнала в виде проблемной публикации, продолжились бы там же в следующих номерах (выпусках), то таких в последние годы у нас в Беларуси, сколько мне помнится, просто не было. Собственно, и традиция таких дискуссий, популярных в советской научной периодике (достаточно пересмотреть, например, «Вопросы языкознания» за 1960–1980-е гг.), у нас как-то не прижилась, а потому продолжиться не могла.

Другое дело конференции. Здесь на любой из них предусмотрено время для обсуждения, и практически всегда какая-то дискуссия возникает. Хотя, конечно, многое зависит и от состава участников, и от уровня докладов — прежде всего в смысле проблемности. Думаю, у каждого на памяти не одна конференция, которая и вовсе обошлась без дискуссии, особенно по пленарным докладам (когда вопросы и обсуждение по всем докладам выносятся в конец заседания), с известными аргументами типа «временной лимит почти исчерпан, осталось только 10 минут», «скоро обед (это уж святое!)», «обсудим в кулуарах». Если же обсуждение состоялось, то скорее это дань традиции, а потому вполне художочной наполненности: этот докладчик говорил то-то, а следующий то-то, и все это, безусловно, очень важно, а если учесть еще то-то и то-то... ну и далее в соответствующем роде. В сущности — тоска зеленая, отчасти скрашиваемая присутствием коллег, которых давно не видел, или симпатичными соседом/соседкой.

Мне вспоминается одна традиционная конференция в Витебске по польско-белорусско-русским языковым и культурным связям, когда председательствующий на пленарном заседании после первого доклада несколько опрометчиво спросил, есть ли

вопросы. Как часто бывает, установилась напряженная тишина. У меня особых вопросов не было, но и скуки не хотелось, поэтому я все-таки что-то спросил, затем еще, затем прокомментировал ответы. Аудитория немедленно оживилась, и дальше пошло уже веселей.

Поэтому важна и организация. В последнее время вспомнили (но тоже не везде, конечно) основательно забытое, а именно: организаторы конференции заранее договариваются с кем-либо из участников, и необязательно из числа выступающих, либо со специально приглашенным специалистом (что, может быть, еще лучше) об открытии дискуссии по пленарным, например, докладам или какой-либо части секционных. Сравнительно недавно мне пришлось быть в роли такого «договорного» дискуссионного на конференции, посвященной полевой фольклористике в нашем университете культуры. Участники были самых разных профилей: и университетские фольклористы-филологи, и музыковеды, и лингвисты-диалектологи, и музейные работники. Я не выступал, поэтому своим докладом занят не был, а только с обязывающим вниманием слушал и все время помнил о том, что потом все-таки что-то надо говорить, и поэтому наиболее интересное — и потенциально дискуссионное — фиксировал, укладывая в рождающуюся схему будущего спича. Во время произнесения этой «дискуссионной» речи я совершенно намеренно какие-то вещи еще и обострил (чего бы в иной ситуации наверняка не сделал). Это сразу вызвало (в сущности, спланированное мною) не то что неприятие, но желание объясниться, прояснить, развить и т.п. Далее вполне заинтересованный разговор (например, о содержательном объеме ареалогических терминов в фольклористике, диалектологии и этномузыковедении) пошел уже без меня, остановило его уже действительно вышедшее время. Мне представляется, что такой вид организации с дискуссионным-«забойщиком» вполне перспективен для начала обсуждения, особенно на конференциях с разнородным (в смысле научной специализации) составом участников, и может вернуться на наши конференционные площадки.

Ничего подобного, конечно, не предполагают научные встречи, в которых участвуют ученые серьезного уровня, известные — пусть и не лично — всем (или почти всем) участникам, особенно если тема, обсуждаемая на конференции, не то что узкая, но все-таки с обозначенными границами, поэтому приглашаются те коллеги, которые подходят под определение «все свои». Из таких за последние два-три года у меня в памяти отложились несколько, но особенно этнолингвистическая конференция в Люблине в ноябре 2006 г., посвященная проблеме

«свой — чужой» в славянских языках и культурах. Конечно, участие ученых такого класса, как Ежи Бартминьский или Светлана Михайловна Толстая (жаль, невозможно назвать всех коллег и друзей), любую конференцию сделает настоящим праздником мысли, но самое главное — всегда обеспечит высокий (и в высшей степени культурный!) уровень дискуссии, проявляющийся и в вопросах, и в комментариях, и в выступлениях по докладам.

Ну и, разумеется, необходимо отметить «дискуссионные поля» XIV Съезда славистов, прошедшего в сентябре прошлого года в македонском Охриде. Понятно, что на организованных круглых столах и тематических блоках со специализированной проблематикой дискуссия подразумевалась априори. Более того, некоторые их организаторы (точно знаю о профессоре Герде Генчеле из Ольденбурга) разослали потенциальным участникам предварительные материалы. На некоторых круглых столах, в частности по проблемам так называемых «малых» славянских языков (= микроязыков), языкового смешения (белорусская «трасянка», украинский суржик и под.), места славянских языков и состояния славистики в мире или, например, фразеологии, уровень обсуждения, по мнению участников, был совершенно замечательным. Но этого и следовало ожидать: на таких форумах присутствует славистический научный бомонд, представляющий, что исключительно важно, разнонациональные направления, традиции, школы и проч.

Однако и на обычных секционных заседаниях с общей проблематикой, характеризующейся, как обычно и бывает, многообразием, а часто и некоторой пестротой тем, небольшие дискуссии (5–7 минут) после докладов бывали достаточно (иногда и весьма) острыми. Такими, например, мне запомнились выступления Владимира Антоновича Дыбо по одному из докладов, посвященному этногенетической проблематике, и Андрея Львовича Топоркова по докладу профессора Азбелева. Весьма острыми, порой и неожиданными были и вопросы к выступающим, порождавшие новые витки дискуссий.

Между прочим, любопытно, что на таких разноязычных форумах (а рабочими языками являются на съездах славистов все славянские, а также английский, французский и немецкий) существенную роль для возможной дискуссии играет фактор языковой, а именно — на каком языке был сделан доклад. Я присутствовал на одном из заседаний, где два доклада, и оба весьма интересных, были на верхнелужицком. Оба докладчика получили только по одному вопросу: на немецком (от, сколько мне помнится, Райнера Эккерта) и на родном от своего же коллеги-лужичанина. А вот этимологи Александр Лома из Белгра-

да и Илона Янышкова из Брно, социолингвист Янез Дулар из Любляны (на заседании круглого стола) читали свои сообщения по-русски, поэтому (или осторожней — в том числе поэтому) и вопросы, и дискуссия имели место. Впрочем, конечно, это ни в коей мере не призыв (даже и скрытый) к монополии какого бы то ни было языка на любой из конференций.

3

Я не разделяю мнения об отмирании жанра рецензии, хотя проблемы здесь, конечно, имеются. Все-таки он более жив, чем мертв. Причем в значительной мере этой жизнестойкости способствуют серьезные издания, в которых рецензии и интересны, и полезны. Между прочим, для меня в части научных интересов, связанных с этнолингвистикой, этнографией и фольклором, это, конечно, «Антропологический форум» с отличными рецензиями, а иногда просто образцами жанра (не могу не упомянуть здесь отзыв А.Л. Топоркова на книгу В.Ф. Райана «Баня в полночь» в № 7). Особенно полезны рецензии на зарубежные издания, к нам, к сожалению, практически не доходящие, а поэтому и неизвестные. Да и российские если и добираются до нашей красивой новой библиотеки, то с существенным запозданием и далеко-далеко не все. Хорошими, обстоятельными рецензиями отличается, например, «Живая старина» и издания с традицией вроде «Вопросов языкознания».

У нас ситуация похуже, потому что, как правило, рецензия стала представлять собой своеобразную презентацию: вот вышла такая-то книга, она в основном хорошая (при этом в чем хороша не совсем — не сообщается), ее полезно прочитать. Дело здесь, как известно, в том, что рецензии подобного рода пишутся «под заказ» автора, которому она актуальна, например для предстоящей докторской защиты. Ну как здесь писать что-нибудь «против шерсти»?! Кроме того, по-прежнему жива традиция ложно понимаемой корпоративности, результатом чего является беззубый, с закрытыми глазами пропуск работ определенно слабых. В лучшем случае их как бы не замечают.

Кстати, это встречается довольно часто (сначала едва не написал — обычно) в такой разновидности рецензирования, как отзывы на диссертации. Мне вспоминается один отзыв, прозвучавший на защите лет уж семь-восемь назад, просто разгромный, содержание которого не оставляло никаких сомнений: кандидатская работа должна быть отклонена. Однако в последней части прозвучало требуемое — «соответствует». На самом деле все это отнюдь не соответствует ни духу науки, ни ее прогрессу. Понятно, что на следующем уровне (т.е. на уровне аспирантов вот этих «соответствующих» научных руководителей) работы еще безнадежней. Увы, примеры имеются.

4

Однако как-то способствовать хорошему рецензированию все-таки необходимо, и в периодических изданиях это тоже может быть заказ, но уже редакционный. Причем хорошо, как правило, известно, кому именно заказывать, чтобы было и основательно, и критично, но и вместе с тем если уж не до конца благожелательно, то все-таки «без обид». Хотя по-разному выходит...

Безусловно, неофициальные беседы вне конференциальных залов и аудиторий составляют (для меня во всяком случае) не менее существенную часть пребывания на научных встречах. Часто они не менее, а может быть и более, интересны, чем официальные. И они не просто «способствуют дискуссионности», но прямо дискуссионны, ведь ни круг проблем, в них обсуждаемых, ни форма этого обсуждения совершенно не регламентированы. Вероятно, какие-то прямые корреляции с теми или иными реалиями будущего прослеживаются не так уж явно, но они, безусловно, существуют. Кстати, если уж из личного опыта, то в результате этих славных «постсекционных» посиделок у меня появились несколько статей и даже рецензий(!).

ПАВЕЛ БЕЛКОВ

Дискуссионное поле этнографии: план содержания

Еще в 1904 г. Л.Я. Штернберг в статье «Этнография» писал, что хаос названий данной дисциплины вызывает хаос в самом понимании предмета [Штернберг 1904: 181]. Франц Боас в 1908 г. писал, что границы поля деятельности антрополога более или менее случайны, поскольку еще до развития современной антропологии часть его была занята другими науками [Boas 1908: 9].

Судя по многим высказываниям в современной литературе, в этом отношении мало что изменилось. По словам американского исследователя Р. Борофски, определение антропологии как научной дисциплины является весьма сложной проблемой. Он говорит о «величайшей разнородности» антропологии, широте (надо полагать, необы-

Павел Львович Белков

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург
pavel.belkov@kunstkamera.ru

чайной) ее предметной области и концептуальном разнообразии. Как бы в подтверждение им приводятся эпатажные заявления коллег по цеху о том, что антропология является «занятием», когда «никто, включая самих антропологов, не знает точно, что же это такое» (Клиффорд Гири), или о том, что она «создала себя из разного рода отходов и остатков других отраслей науки» (К. Леви-Строс) [Борофски 1995: 5–6]. Подобный скептицизм находит отклик и в работах российских ученых.

На первый взгляд, приведенные примеры лишь иллюстрируют естественное состояние науки. «Со времени своего возникновения, — писал Б.С. Грязнов, — наука постоянно вынуждена решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли объекты, знанием о которых она является, а если существуют, то как они существуют и что собой представляют» [Грязнов 1982: 13]. Эта проблема в явном или неявном виде формулируется работающими учеными только в кризисных ситуациях, связанных с «перерывами постепенности» в развитии науки, когда становится почти невозможным решение конкретных проблем существования, т.е. научных задач в собственном смысле слова.

В российской этнографической науке признаком такого кризисного состояния выступает заметно усилившаяся критика (или просто игнорирование) до недавнего времени вроде бы незыблемых понятий племени, рода, общины, этноса, первобытной или традиционной культуры и некоторых других. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет о законах роста научного знания. Так называемый кризис 1990-х гг., связанный со сменой общественной идеологии, не был обусловлен внутренними потребностями науки. Поэтому в интересующем нас отношении более показательна работа О.Ю. Артемовой «Охотники/собиратели и теория первобытности» (2004), при прочтении которой выясняется, что собственно никакой теории первобытности нет, а следовательно, нет и этнографии как науки о первобытной культуре/обществе. Если судить по оглавлению упомянутой книги, вместо теории первобытности существует некая совокупность проблем: проблема племени, проблема общины, проблема собственности на землю, проблема рода, проблема классификационного родства, проблема первобытного общества в целом.

Со стороны фольклора проблема формирования предметной области этнографии служит предпосылкой книги А.К. Байбурина «Ритуал в традиционной культуре» (1991). Вводя понятие «культура ритуального типа», автор фактически выступает за единство предмета исследования этнографии с вполне естественным акцентом на те «знаковые» в прямом и переносном

смысле вопросы, которые должны интересовать ученого, занимающегося фольклором. Со стороны этнографии выступает Г.В. Дзибель в своей книге «Феномен родства» (2001). Основная идея состоит в создании «науки о родстве» путем синтеза этнологического и лингвистического подхода именно в рамках проблемы предмета исследования антропологии (этнологии).

В западной науке пересмотр (или переосмысление) основных понятий этнографии начался уже довольно давно. То, что с некоторым запозданием стало происходить в российской науке вследствие возможности отхода от марксистской парадигмы «базиса» и «надстройки» или принципа «историзма», выражавшегося в построении всяческих периодизаций, явилось лишь результатом снятия идеологических барьеров. Это хорошо прослеживается в исследованиях «основного объекта этнографии», т.е. понятия этноса. Вера в создание единой теории этноса, которой пронизаны книги Л.Н. Гумилева («Этногенез и биосфера земли», 1979) и Ю.В. Бромлея («Этнос и этнография», 1973), сменилась сомнениями в разумности самой проблемы этноса.

Насколько далеко зашла ревизия прежних взглядов, можно судить по появившимся вскоре высказываниям о том, что этнография (этнология) вообще не является наукой, так как не имеет собственного предмета исследования. Следовательно, в настоящий момент вопрос стоит о существовании даже не отдельных теоретических объектов исследования, а самой этнографии как системы знаний об особом фрагменте реальности. С этой точки зрения понятие, ставшее в свое время заглавием авторитетного учебника «Основы этнографии», вышедшего под редакцией С.А. Токарева (1968), теряет всякий смысл, ибо никаких общепризнанных «основ этнографии» уже вроде бы не существует (или вообще не существовало).

Таким образом, происходящее в этнографии (или этнологии, или социальной антропологии, или культурной антропологии) затрагивает более глубокие слои научной культуры, поскольку речь идет о существовании предмета исследования и его границах. Тем более что этнос в чисто дискурсивном плане обычно рассматривается не как теоретический объект, а как предмет исследования этнографии (мн.ч. «этносы»).

Все это, вероятно, хотя бы частично объясняет то отношение к социальным наукам, которое сложилось в философии науки. Томас Кун писал в свое время: «Более важно то, что, проведя один год в обществе, состоявшем главным образом из специалистов в области социальных наук, я неожиданно столкнулся с проблемой различия между их сообществом и сообществом ученых-естественников, среди которых обучался я сам. В осо-

бенности я был поражен количеством и степенью открытых разногласий между социологами по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. Как история науки, так и личные знакомства заставили меня усомниться в том, что естествоиспытатели могут ответить на подобные вопросы более уверенно и более последовательно, чем их коллеги-социологи. Однако, как бы то ни было, практика научных исследований в области астрономии, физики, химии или биологии обычно не дает никакого повода для того, чтобы оспаривать самые основы этих наук, тогда как среди психологов или социологов это встречается сплошь и рядом» [Кун 1975: 10; курсив наш. — П.Б.].

И далее: «В значительной степени термин “наука” как раз предназначен для тех отраслей деятельности человека, пути прогресса которых легко прослеживаются. Нигде это не проявляется более явно, чем в повторяющихся время от времени спорах о том, является ли та или иная современная социальная дисциплина действительно научной. Эти споры имеют параллели в допарадигмальных периодах тех областей, которые сегодня без колебаний наделяются титулом “науки”» [Кун 1975: 202]. Приведенные высказывания удивительно точно передают современную картину, но это не означает, что понятие парадигмального знания неприменимо к социальным наукам в целом и к этнографии в частности.

Мы можем сделать выбор между двумя вариантами. Первое: мы присоединяемся к философам науки, с высоты точных наук изумленно взирающим на то, что происходит в так называемых социальных науках, «недоразвитых», по выражению Имре Лакатоса [Lakatos 1978: 9]. Второе: мы считаем, что в современной этнографии налицо признаки временного кризиса, содержанием которого является борьба парадигм, в терминах Куна, или исследовательских программ, в терминах Лакатоса. В первом случае этнография не имеет собственного предмета, что абсурдно с точки зрения факта длительного исторического существования этой науки. Во втором случае, который кажется более вероятным, следует исходить из того, что даже в работах «критиков» этнографии уже содержатся многие идеи, указывающие на пути выхода из кризиса, связанного с распадом предмета исследования этнографии и ее возвращением в первобытное (допарадигмальное, аморфное) состояние. Следовательно, задача заключается в том, чтобы воссоздать этот предмет заново, собрать воедино знание, рассыпавшееся на части, почти не взаимодействующие друг с другом.

В рамках обсуждения вопроса о современном состоянии дискуссионного поля этнографии сказанное выше имеет перво-

степенное значение, поскольку в данном случае понятие дискуссионного поля совпадает с понятием предмета исследования. Дискуссия — это категория «нормальной науки» (в терминах Куна). Стандарты постановки и решения научных задач зависят от границ предметной области данной науки. Например, если мы определяем этнографию или социальную/культурную антропологию преимущественно как «науку о первобытных народах» (обществах, культурах), мы не можем ставить перед собой те задачи, которые решают ученые, считающие себя представителями «науки о человеке». Трудности возникают даже на терминологическом уровне.

Как должен (точнее — может) себя именовать «этнограф» в тот момент, когда он дискутирует с «антропологом», пытаясь доказать синонимичность терминов «этнография» и «антропология» (имея в виду значение ‘не-биологическая антропология’, однажды употребленное Лесли Уайтом)? Приходится говорить об этой (т.е. своей) науке, ибо в противном случае заранее игнорируется мнение «антрополога», стоящего на своей точке зрения. Понятно, что в рамках объектного языка у обеих сторон нет никаких логических средств, чтобы перейти от понятия «этой науки» к конкретному («излюбленному») наименованию.

Таким образом, необходимо двигаться не от субъекта высказывания (этимологии) к предикату, а от предиката — к субъекту, т.е. в данном случае через указание на предмет исследования, что относится к сфере истории науки. В сущности, выделение из реальности особого предмета исследования в момент первого крещения исполняет роль первой парадигмы (образцовой теории) зарождающейся конкретной науки. Выделение первобытных народов («народов, не имеющих письменной истории») в качестве предмета исследования особой науки, получившей имя «этнографии», произошло в первой половине 70-х гг. XVIII в. [Фермойлен 1994: 102].

Вместе с тем появление первой, простейшей парадигмы не исключает, но подразумевает в дальнейшем возникновение ее модификаций или даже ее смену новой парадигмой (хотя «новая», т.е. более молодая исторически, не обязательно означает «верная»). Борьба между этнографией (этнологией) и антропологией, «наукой о народах» и «наукой о человеке» является борьбой между двумя парадигмами. Фактически это соревнование идет с конца 60-х гг. XIX в., когда британское Этнологическое общество было переименовано в Антропологическое общество. Все, что происходило в западной антропологии в течение XX в., — это попытка обосновать преимущество «антропологической» парадигмы над «этнографической» (непонятно

только, как эта убежденность в превосходстве согласуется с откровенно уничижительными оценками антропологии со стороны самих антропологов).

Следует также добавить, что с точки зрения метода речь может идти о противопоставлении двух подходов к исследованию: синхронического, или структурного, и диахронического, или эволюционного. Географически это разделение совпадает с известным противостоянием двух исторически сложившихся тандемов: с одной стороны, российско-немецкой научной традиции, восходящей к ярлычку «этнография» (XVIII в.), с другой — англо-американской школы, ведущей свое начало от первых попыток этнографов/этнологов примерить ярлычок «антропология» (XIX в.). Французская школа, судя по некоторым «инсайдовским» высказываниям, ведет свое происхождение от социологии в лице Эмиля Дюркгейма, что ставит ее в более неопределенное положение относительно двух упомянутых традиций.

Таков план содержания дискуссионного поля в современной этнографической науке. Соответственно можно выделить три уровня теоретических споров. Первый уровень — это споры между этнографами или антропологами по поводу определения границ предметной области: первобытные народы или народы вообще, этнография или антропология, социальная или культурная антропология («общество» или «культура»), биологическое или социальное, фольклор или этнография. При решении этих, казалось бы, схоластических вопросов мы выполняем задачу по удержанию «этой» науки в ее собственном дискуссионном поле, создавая своего рода координатную сетку. (Вообще можно вспомнить, что схоластика питается скорее эмпиризмом, чем стремлением к теоретическим построениям.) Второй уровень — это споры о существовании/несуществовании («призрачности») теоретических объектов вроде «эволюция», «культурный круг», «структура разума», «этнос», «община», «сюжет» и т.п. Третий уровень — это споры о способах решения конкретных задач, например происхождения экзогамии, системы родства типа кроу и омаха или волшебной сказки. Как показывает практика, оценка достоверности полевых этнографических наблюдений, которая сама по себе представляет очень широкое поле для научных споров, во многом зависит от решения (*обсуждения*) теоретических вопросов, но это отдельная тема.

Библиография

Борофски Р. Введение к книге «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 3–18.

Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия Völkerkunde (1771–1843) (Возникновение и развитие понятий «Völkerkunde», «Ethnographie», «Volkskunde» и «Ethnologie» в конце XVIII и начале XIX веков в Европе и США) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 101–109.

Штернберг Л.Я. Этнография // Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. 81.

Boas F. Anthropology. N.Y., 1908.

Lakatos I. The Methodology of Scientific Research Programmes. N.Y., 1978.

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

Серьезных дискуссий в антропологии и фольклористике действительно нет, но я не уверен, что в смежных дисциплинах ситуация аналогична. Те лингвистические конференции, на которых мне удалось побывать, равно как и обсуждение поставленных в докладах вопросов в Интернете, сопровождались оживленными, а порой и ожесточенными дискуссиями. На конференциях историков сам не присутствовал, но, судя по публикациям, там доклады тоже обсуждаются весьма активно. Так что говорить имеет смысл именно об антропологии и фольклористике. Ситуация в археологии промежуточная — лучше, чем в антропологии, и хуже, чем в лингвистике. Мое мнение обусловлено личным опытом и на статистическую достоверность, конечно, не претендует.

При этом существенной разницы в характере обсуждений докладов и публикаций в России и за рубежом я не заметил. В этом смысле российская наука вполне интегрирована в евро-американскую. Обсуждения продолжаются на страницах Current Anthropology, но это отдельно, там другая антропология.

Что же мешает дискуссиям в антропологии?

Юрий Евгеньевич Березкин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург/
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
berezkin1@gmail.com

Во-первых, недопустимо низкий уровень не просто некоторых, но большинства докладов на конференциях и многих статей в сборниках и журналах (повторю еще раз, что разницы между внутривосточными и международными конференциями я не вижу). Плохие тексты, как устные, так и письменные, я бы классифицировал следующим образом. Во-первых, откровенно слабые — мало фактов, примитивная теория или вообще без нее, «заключение» совпадает с «введением». Во-вторых, тексты намеренно усложненные, заумные, когда выводы и послылки проверке не поддаются. В-третьих, тексты-размышления, эссе, лишённые выводов и никого ни к чему не обязывающие. В-четвертых, тексты вторичные, скучные, тривиальные, повторяющие — с отсылкой к «классикам» — то, что давно известно. Есть еще пятая категория — тексты описательные, касающиеся очень частных вопросов. Сами по себе подобные работы могут быть неплохими, но их бессмысленно выставлять на широкое обсуждение.

Очевидно, что плохие статьи и доклады дискуссии не предполагают — что там обсуждать? Даже и раскритиковать такие работы нельзя. Если критика уничтожающая, то вы рискуете вступить в конфликт с коллегами, от которых порой зависит и финансирование проектов. Если критика мягкая, то она скорее поддерживает, нежели опровергает плохого докладчика. Есть и другая существенная причина, блокирующая дискуссии. Подавляющее большинство участников антропологических конференций не в состоянии оценить материалы друг друга ни теоретически, ни тем более фактически. В общем и целом слушатели чувствуют разницу в уровне докладов, но ничего конкретного сказать не могут.

Есть и еще более серьезная проблема. Дискуссия возможна постольку, поскольку на обсуждение выдвигаются опирающиеся на факты концепции. Распространились финно-угорские языки в балтийском регионе во 2 тыс. до н.э. или были здесь с раннего голоцена? Сложилась ли миссисипская культурная общность под мезоамериканским влиянием или сходство культурных проявлений в двух регионах обусловлено древнейшим общим наследием? Понизился или нет уровень жизни местного населения после присоединения Пскова к Москве? Собирались ли СССР напасть на Германию в начале июля 1941 г. или позже? Во всех подобных случаях возможны разные мнения, апеллирующие к тем или иным фактам. Даже если фактов недостаточно, потенциально проблема имеет совершенно определенное решение: либо так, либо иначе, либо комбинация причин в той или иной пропорции. Существенный момент: от участников дискуссий требуются специальные знания, но приводимые ими аргументы должны быть понятны и очевидны. Все мы — невежды в области физики или биологии, но в состоя-

нии примерно понять суть гипотез, объясняющих вымирание динозавров или смысл экспериментов, которые планируется осуществить на европейском коллаидере. А вот в антропологии и фольклористике масштабные вопросы, предполагающие конкретные альтернативные решения, логику которых легко объяснить неспециалистам, в последние десятилетия, по-моему, не ставились. Откуда же взяться дискуссиям?

Убежден, что если проблема возникнет, то понуждать к выступлениям и рецензиям не придется — дискуссия развернется естественным образом. Если же авторы затрудняются сформулировать те вопросы, на которые собираются получить ответ, или же эти вопросы конкретных ответов вообще не предполагают, то коллеги тем более останутся равнодушны.

Подобная ситуация не является следствием какой-то ущербности антропологов как исследователей. Лоббирование неинтересных тем, недостаток знаний, стремление замаскировать тривиальности и халтуру под наукообразие естественным наукам тоже не чужды. Сомневаюсь и в том, что в прошлом средний научный уровень был выше сегодняшнего — не был, достаточно почитать старые журналы. Проблема, скорее, в самом предмете антропологии, который эта наука для себя определила. Альтернативность решений и обусловленный ею детективный момент в исследовании свойственны прежде всего историческим реконструкциям. Люди впервые проникли в Америку либо вдоль побережья Аляски, либо по долинам Юкона и Маккензи. Летом 1941 г. Сталин либо был готов захватить Европу, либо нет. Однако исторической дисциплиной антропология быть перестала. Не занимается она и тем, как функционирует общество, — это дело социологии, политэкономии, политологии. Антропологи в большинстве своем стараются понять, как люди воспринимают и интерпретируют свою и другие культуры, какие символы они при этом используют. Подобной темой никто другой, кроме антропологов, заниматься не может, однако за обращение к ней антропология платит как раз утратой дискуссионности. Коль скоро речь идет об интерпретациях, альтернативность решений размывается, если не утрачивается вовсе. Кроме того, самые убедительные выводы, сделанные на основе изучения системы значений в одной культуре, вряд ли приложимы к другой — и тогда исследователи замыкаются в собственных материалах.

Можно ли, оставаясь в рамках интерпретативной антропологии, поставить вопрос, который требовал бы конкретного ответа и вовлек бы в поиск его многих специалистов, — не знаю. Но если такой вопрос будет поставлен, то за дискуссиями дело не станет.

АЛЕКСАНДРА БРИЦЫНА

1

К сожалению, глубокие, посвященные на- сущным проблемам науки дискуссии столь малочисленны, что назвать недавние за- трудняюсь. Однако трудно удержаться от того, чтобы не упомянуть принципиально важную и практически не утратившую своего значения и ныне дискуссию между представителями контекстуально ориен- тированной и «литературоцентричной» фольклористики относительно соотноше- ния и роли текста и контекста как предмета фольклористического внимания. Она рас- тянулась на несколько десятилетий и во- влекла не только приверженцев различных направлений фольклористики, но и ряд периодических изданий США. Ее основ- ной нерв и ныне обозначает существенную для исследователей различных направле- ний «болеую точку». Эта дискуссия была преемственно связана с важнейшими, воз- никшими в последней трети XX столетия попытками определения предмета и спе- цифики фольклора. Именно поэтому в нее были вовлечены многие ведущие амери- канские фольклористы, но она преодолела океан и отразилась в проблематике обсуж- дений и исследовательской практике фоль- клористов скандинавских стран, не оста- лись равнодушными к этим проблемам и польские, русские, украинские фолькло- ристы.

Дискуссию отличала непримиримость по- зиций и толерантность тона, а завершившая ее статья Д. Бен-Амоса блестяще подыто- жила важнейшие наблюдения и выводы, до- стигнутые в ее ходе. К сожалению, не всегда посвященные столь существенным пробле- мам обсуждения получают развитие, но еще более огорчительным является безразличие к ним одних членов научного сообщества и агрессивность других. Думаю, что каж- дый читатель без труда припомнит подоб- ные примеры.

Александра Юрьевна Брицына

Институт искусствоведения,
фольклористики и этнографии
им. М.Ф. Рылского НАН Украины,
Киев
britsyna@mail.ru

2

Безусловно, все названные причины актуальны. Если умение решать этические проблемы лежит вне сферы науки (хотя порой и оказывается для ее судеб весьма существенным), а преодоление скептицизма, основанного на «глухоте» оппонентов, также не происходит с помощью научных процедур, то важно уже само их осознание. Вместе с тем сформировавшаяся и, как представляется, все более утверждающаяся традиция «обходить острые углы» связана не только с этическими, но и с сугубо прагматическими аспектами. Ведь за наличие творческой индивидуальности ученому часто приходится платить достаточно высокую цену не только в переносном, но и в прямом смысле. Вместе с тем требовательность к другим и отстаивание собственного мнения предполагают в первую очередь не просто требовательность к себе, но и бескомпромиссную внутреннюю дискуссию, которая предшествует любому научному результату.

Дискуссионные мнения (при условии готовности оппонентов настроиться на взаимопонимание и приближение к истине через обсуждение) очень ценны, и отношение к ним отличает настоящего исследователя от научного работника по должности. Поэтому столь печально видеть панический страх и желание избежать обсуждений. Вместе с тем кроме этических проблем, вероятно, весьма важны и формы организации науки, которые, на мой взгляд, пока не способствуют доминированию собственно научных мотивировок, часто они стоят в конце длинного списка, который возглавляют финансирование, должности, амбиции, связи и проч. К сожалению, безупречное решение этой проблемы пока не найдено, но ее порочным примерам несть числа.

3

Форма рецензии стала, пожалуй, не менее традиционной, чем фольклорные стереотипы или каноны древней литературы. Мне кажется целесообразным разграничивать обзоры, которые знакомят и привлекают внимание к интересным идеям коллег (их авторами часто бывают талантливые «читатели» из числа ученых, а даром со-думания, со-чувствия и со-переживания, к сожалению, обладает далеко не каждый!), и дерзкие, острые, порой беспощадные рецензии, которые предостерегают от легковесности, недобросовестности, псевдонаучности. Отмечу, что такая практика характерна для «Живой старины», она применяется, например, современным украинским журналом «Критика», который публикует короткие и порой весьма критичные, но меткие рецензии на новые издания. К сожалению, уровень их критичности, как мне показалось, снизился, когда эти рецензии стали подписываться. Вместе с тем сама возможность попасть в эту рубрику казалась столь угрожа-

ющей, что хотя бы кого-то останавливала от легковесности и недобросовестности. Редакция честно предупреждает, что авторы, отважившиеся отдать свои работы на суд критиков, должны быть готовы к нелицеприятной оценке. Поэтому знакомым является уже сам факт отклика на работу, он свидетельствует о готовности автора воспринимать критику, а рейтинг положительного отклика значительно возрастает. Но это лишь один из возможных путей решения проблемы.

4

Любой обмен мнениями, не отягощенный уже упомянутыми факторами и направленный на движение вперед, чрезвычайно полезен. Как правило, при этом отсутствует комплиментарность (вполне достаточно того, что автор смог заинтересовать коллегу своими идеями), нет места и мизантропам, ведь они подчас не решаются на открытую дискуссию. Огромный же плюс — тот импульс, который получает исследователь, почувствовавший в ходе обсуждения свои слабые места. Я решусь повторить еще раз: внутренняя дискуссия ученого, на мой взгляд, является непременным условием успеха, поэтому чем талантливее критик, тем больше он помогает автору (ведь даже самые абсурдные претензии бывают полезными, если понять, в чем причина их появления).

5

Мне представляется, что авторам и идеям, которые стали предметом обсуждения ученых разных стран, можно лишь позавидовать. Вместе с тем не исключено и непонимание, обусловленное не только национальными научными традициями, но и состоянием науки, ее насущными потребностями и проблемами, актуальными в данный момент. Игнорировать этот фактор невозможно. Думается, однако, что на данном уровне интеграции постсоветских научных школ в мировую науку обозначенная вопросом проблема пока не приобрела актуальность и существенна лишь там, где возникают политические аспекты, определяющие различные толкования.

6

Мне кажется, что фундаментальная наука и интересы «широкого читателя» различны не только в сфере теоретической физики, к примеру. В определенной степени они даже противоположны, ведь научный продукт не всегда может быть «потреблен» в необработанном виде. В этом нет ничего трагичного для науки. Попросту необходимо четко разграничивать эти сферы. Популярность — это не синоним простоты или, тем более, низкого качества. Популярность изложения появляется там, где автор сам горит тем, о чем пишет, и способен заечь других. К сожалению, это доступно не всем, и тем более нужно ценить тех, кто обладает этим даром.

Вместе с тем недопустимо руководствоваться ориентирами, порожденными околonaучной средой, при оценке результатов,

при выборе актуальных проблем для исследования и обсуждения. Поэтому я считаю совершенно необходимым четкое уяснение того, кому адресован научный продукт, а формы и место его обсуждения могут быть различными. Важно лишь, чтобы не смешивались критерии.

7

Отвечая на этот вопрос, не могу не сказать о том, что, как известно, истина часто гибнет в дискуссиях, даже если диспутанты остаются невредимыми (что тоже происходит не всегда). Поэтому, вероятно, нужно повышать не интенсивность дискуссий, а их качество и целенаправленность.

Поиск проблем и участников таких дискуссий представляется сложной задачей и требует, в сущности, такой же серьезной подготовки, как и проведение проблемных конференций. Они, как правило, отличаются небольшим количеством участников, но имеют наибольший резонанс и результативность.

Хочется высказать надежду, что разрушение сложившихся стереотипов, многие из которых стали оковами, может не только оздоровить научную жизнь, но и продлить ее, в чем мы все заинтересованы.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

2

Дискуссии, как боксерский матч, интересны и имеют смысл, когда проходят между равными по силе противниками. Одно дело, когда Н.С. Трубецкой пишет Р.О. Якобсону, что не согласен с ним относительно изменения долгих гласных в истории чешского языка, и на десяти страницах аргументирует свою точку зрения. Такая дискуссия интересна и участникам, и далеким потомкам. В нашей же российской науке — в тех областях, по крайней мере, о которых мы здесь говорим — равных по силе противников очень немного. Ну нет лингвистов сильнее, чем А, нет этнографов значительнее, чем В, или фольклористов — чем N. С кем им дискутировать? Друг с другом? Но они заняты все-таки исследованиями в разных областях знаний и, относясь друг к другу с уважением, вряд ли станут тратить время на профессиональную критику друг друга, просто

потому что для профессиональной критики исследований в соседней области даже им нужно все-таки потратить несоразмерно большое время.

Прочие же ученые, рангом пониже, может быть, и хотели бы поспорить друг с другом, по diskutieren, но в редколлегиях серьезных журналов сидят именно эти самые А, В и N, которые тут же видят слабость аргументации — с обеих сторон! — и просто не пропускают эти рецензии в печать.

Как это происходит в реальности, я наблюдаю на заседаниях редколлегии одного почтенного академического журнала, куда я с недавних пор вхожу. Должен признаться, что общее и априорное недоверие к официальной академической жизни, свойственное моему поколению, начинавшему свою научную карьеру под бдительным оком партбюро, на этих заседаниях довольно быстро сменилось удивлением, а затем и удовольствием: оказалось, что в редколлегии этого журнала всё — о, чудо! — происходит всерьез. Всерьез пишутся рецензии на поступающие материалы, всерьез обсуждаются статьи, причем большинство из них совершенно справедливо отвергаются, и даже положительные отзывы почти всегда содержат серьезную критику и дельные предложения. Испытываешь странное и очень приятное чувство, когда замечательный специалист А. читает вслух подробную пятистраничную рецензию на не слишком внятный текст, присланный автором из провинции, детально и с полным блеском разбирая ошибки, недосмотры и глупости этого текста, или когда другой не менее известный специалист Д. читает вслух подробный отзыв на рецензию (sic!), убедительнейшим образом показывая, почему эту довольно резкую и едкую рецензию необходимо печатать без изменений. На последнем заседании полушутливо, полусерьезно обсуждалось, не начать ли печатать в журнале эти внутренние рецензии, которые, видит Бог, не в пример интереснее и полезнее, чем многие рецензируемые статьи. Несомненно, это и есть та самая «научная дискуссия», отсутствием которой озабочена редакция «АФ», — однако выносить ее на страницы научных журналов как-то неловко: слишком уж разный уровень рецензируемых и рецензирующих...

Дискуссий, проще выражаясь, нет, потому что очень мало равных по силе противников. Ну не с ... же diskutieren! (пускай каждый подставит вместо многоточия то имя, которое ему первым придет на ум).

Почему так? Почему у нас — так, а у других — иначе? Все потому же: наши социальные науки многие десятилетия росли и развивались под бдительным оком партбюро, и то небольшое

серьезное, что в них действительно получилось, выросло не благодаря, а вопреки (с чистой совестью могу включить сюда, в «серьезное», и некоторых бывших членов партбюро — но тоже вопреки, а не благодаря...). И не следует думать, что все это осталось в далеком прошлом: во-первых, 20 лет для развития науки не очень большой срок, а во-вторых, достаточно посмотреть на кафедры философии, политологии, культурологии (бывшие истории партии, диамата и истмата), и сразу ясно, что никуда эти люди не делись, а просто сменили вывеску. Ну не с ними же дискутировать...

Для того чтобы дискуссии вернулись в нашу научную жизнь, нужна критическая масса профессиональных (в значении образованных, грамотных, хороших) антропологов, историков, социологов, лингвистов, культурологов, фольклористов, которые делились бы на научные школы, занимались бы профессионально сходными сюжетами, читали бы друг друга. Такая критическая масса профессионалов есть во многих странах, в России же она пока не выросла. Только несколько цифр: в США 12 000 профессиональных социологов — у нас едва две тысячи. Американская Ассоциация антропологов насчитывает свыше 10 000 членов, из них примерно половина собирается на ежегодные съезды. У нас Конгресс этнографов собирает максимум 600–700 человек. Не удивительно: американская Ассоциация была создана в 1902 г., российская пока еще не создана.

А вообще-то дискуссии есть. Вот недавно мне попался в руки журнал «Пушкин: русский журнал о книгах». Большой, прекрасно изданный, страниц 200 формата А4. Интересные рецензии на книги по политологии, философии истории, просто истории, культурологии. Огромное количество иллюстраций, в основном концептуальная живопись, иногда вполне приличная, местами хорошая. Но вот я прочитал на титуле: издатель — Глеб Павловский. И как-то сразу расхотелось читать, а тем более учитывать этот журнал в числе дискуссионных... Какие уж с господином Павловским могут быть дискуссии...

3

Журнальные рецензии и обзоры — другое дело. Если под журнальными рецензиями понимать, как формулирует редакция, «научную критику», тогда см. выше. Однако можно ведь подойти и с другой стороны: одну из возможных задач этого жанра я вижу не в высказывании собственного мнения по тому или иному вопросу и не в развенчивании позиции (пусть и неумного) оппонента, а в информировании. Книг и статей по каждой специальности выходит море, причем во всем мире и на разных языках (как сказала одна моя знакомая, «книг

печатается столько, что даже как-то неловко писать еще одну»); уследить за всем нет никакой возможности. Вот тут бы и помогли...

В одном малоизвестном и узкопрофессиональном журнале, издающемся в США, есть исключительно полезная рубрика: короткие рецензии, фактически аннотации, на все книги (по полстраницы) и статьи (по абзацу) по данной узкой специальности, вышедшие за полгода (журнал выходит раз в шесть месяцев). Специальность действительно узкая, поэтому изданное по ней обозримо. Тем не менее это огромный труд, за который редакции большое спасибо. Пусть не так, пусть не в полном объеме, но какой-то аналог старого доброго «РЖ» в наших науках совершенно необходим: иначе мы все утонем в этом море слов. «Очень много букв», как принято теперь выражаться...

5

«Конфликты из-за столкновения разных национальных традиций ведения дискуссии», несомненно, существуют, только я не понимаю, почему редакция говорит об «опасности» таких конфликтов. Никакая это не опасность. Конфликты вообще, как известно, единственный способ нормального существования, нормального со-творения общей позиции. Столкновение с чужими привычками, традициями, стереотипами, нормами — единственный способ осознать собственные нормы и стереотипы не как единственно верное учение, а как вариант поведения. Так что «конфликты» — это хорошо. Если, конечно, не понимать под «конфликтами» грязную коммунальную ругань с плеванием в суп и писанием доносов на соседей.

А существование разных традиций — еще как! Приведу один пример из собственной практики.

Однажды мне пришлось выступать оппонентом по докторской диссертации моего коллеги — ничего, казалось бы, особенного, но защита проходила не в России, а в Одной Европейской Стране. Такой опыт был у меня впервые, и я слегка волновался: все-таки старый, уважаемый университет, с традициями, мантиями, латынью — и тут вдруг я со своим отзывом... Как-то боязно. Но ничего, диссертация была блестящая, с ее автором я был знаком давно и хорошо и поэтому написал ему вполне откровенно, спрашивая, чего от меня ждут. Ответ был: не волнуйся, просто *kurze Gutachtung*, а потом выпьем.

Насчет «выпьем» я понял и обрадовался, а вот слова «*Gutachtung*» я тогда не знал, полез в словарь, нашел перевод — «отзыв» — и опять-таки обрадовался, потому что *kurze*.

Ну, чего же не написать кратенький отзыв на диссертацию? Не в первый раз, чай.

А дальше чуть было не получилось некоторое фиаско. Как у нас принято, я написал курце кудахтунг (так этот жанр у нас в семье с тех пор и называется), на двух примерно страницах расписав достоинства работы (действительно очень хорошей), а еще на полтора — насобиравши замечаний, как положено. А написавши — отправил его автору (было это примерно дня за три до защиты), распечатал, сунул в чемодан, сел в самолет, полетел в столицу Одной Европейской Страны и стал по ней гулять в ожидании. Не имея, следовательно, доступа к электронной почте.

Как выяснилось позднее, два дня автор диссертации пытался найти меня, чтобы сказать, что у них так не принято: что отзыв у них не должен содержать никаких замечаний, а должен быть чистый панегирик, иначе может получиться конфуз. Но я был недоступен, неуловим и наивен и, придя на церемонию, зачитал свой курце кудахтунг как есть. Ничего, сошло, ученые мужи сделали скидку на диковатого оппонента из России, который просто не в курсе веками сложившихся традиций, тем более что положительная часть отзыва была очень и очень комплиментарна (вполне, повторю, заслуженно).

Все эти научные и околонучные жанры очень сильно регламентированы и кодифицированы, причем в каждой стране по-разному. Мы все писали (а некоторые из нас рецензировали) заявки на гранты, и мы все знаем, как по-разному их пишут аспиранты, скажем, из Осло, и аспиранты, скажем, из Барнаула. Дело не в том, кто лучше, — дело в том, что очень по-разному. То же — со статьями: все знают, что просто перевести даже собственную научную статью с русского на английский нельзя, ее приходится переписывать, менять последовательность подразделов, манеру изложения, язык. Как точно написал рецензент в уже упомянутом журнале «Пушкин», касаясь перевода одной из недавних книг, «переводчики <...> дело свое выполнили профессионально: скудость языка, которой неизбежно грешат все написанные иностранцами диссертации, блестяще передана по-русски» [Пушкин: русский журнал о книгах. 2009. № 1. С. 122]. То, что для иностранных диссертаций — норма, для русских оказывается бросающейся в глаза языковой скудостью.

Но никакой опасности тут, повторю, нет. Это как с иностранными языками: чем больше (и лучше) их знаешь, тем богаче твой мир. Не так уж сложно освоить эти различия научных жанров и просто писать (говорить, рецензировать) для каждой научной традиции так, как в ней принято.

КАТЕРИНА ГУБА

Рецензирование как способ оценивания научных результатов: случай социологии

Редакционная коллегия в своих пожеланиях избавила возможных участников обсуждения от описания удручающего состояния дискуссионного поля науки, признав последнее достаточно очевидным фактом. Несмотря на то что почти каждое российское академическое издание заполняет специальную рубрику «Рецензии», едва ли кто-либо проявляет интерес к содержащимся там материалам. Любое оценочное суждение существует в контексте фоновых представлений об ином более «правильном» варианте. Попытка найти случай, когда рецензии, не имея статус истины в последней инстанции, играли бы существенную роль при определении последующей значимости работы, заставила меня обратиться к американской социологии. К сожалению, даже заметки американских редакторов из социологических журналов оказались полны критическими замечаниями, согласно которым журнальные рецензии являются скорее вторичным жанром, едва ли более важным, чем библиографии или аннотации [Champion, Morris 1973: 1257–1258].

Некоторые трудности, с которыми сталкиваются американские рецензенты, касаются дисциплинарных особенностей социологии¹, затрагивающих социальную организацию науки в виде сравнительно успешно действующей системы оценивания научных результатов. В случае российских социальных наук последнее вызывает сомнение, что находит свое отражение и в состоянии дискуссионного поля науки. Главная мысль заключается в том, что сама организация науки скорее препятствует профессиональ-

Катерина Сергеевна Губа
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
guba_katia@mail.ru

¹ Дальнейшие рассуждения в основном касаются случая социологии, исключительно из-за лучшего знакомства с текстами, порождаемыми социологами.

ной дискуссии, чем создает заинтересованность сообщества в ее реализации. В этом случае трудно предложить какие-то конкретные меры по изменению ситуации, поэтому дальнейший текст не идет дальше размышлений о препятствиях такому варианту, когда бы рецензирование стало действительно необходимым условием научной жизни¹.

Легко предположить, что рецензии начинают играть заметную роль, когда они способны оказать влияние на последующую оценку работы в частности и академическое продвижение в целом. Ожесточенные споры об открытиях в науке возникают, когда существует согласие о том, что является открытием и как можно оценить его значимость. Когда их результаты способны изменить расстановку сил, ученые начинают бороться за признание. В естественных науках новый текст может стать той точкой, после которой ситуация не останется прежней. Ученые, понимая, каким образом может фиксироваться открытие, осознают значимость своей деятельности, признание которой со стороны сообщества конвертируется в разнообразные ресурсы. Им становится более выгодно исследовать новые проблемы, чем продолжать заниматься бесконечной интерпретацией старых позиций [Collins 1994]. Достаточно продолжить рассуждения, и становится понятно, какую роль тогда начинают играть споры ученых и как внимательно они должны относиться к критике научных результатов.

В социальных науках отсутствует механизм, с помощью которого можно было бы фиксировать открытие за открытием, что означало бы и внимание к происходящему в науке. Это может происходить в силу отсутствия важной особенности исследовательских технологий, организация которых делает возможным не только валидацию новых открытий, но и саму технологичную цепочку от одного открытия к другому. В результате создается уверенность, что новые открытия всегда возможны, так же как и уверенность, что ученые всегда могут добиться согласия, тем самым объективируя прошлые результаты научной деятельности [Collins 1994: 165]. Валидированное знание быстро перемещается из переднего края науки и становится устойчивым массивом, по поводу содержания которого ученые до-

¹ Безусловно, для некоторых групп и сейчас рецензии играют важную роль. Например, для аспирантов рецензии засчитываются как полновесная публикация, список которых необходим для защиты кандидатской диссертации.

стигли договоренности и согласия¹. В этом случае система оценивания научных результатов, через которую знание переходит из периферийного края науки в основной массив, не дает сбоев. Соглашаясь с тем, что является основой дисциплины, ученые могут успешно пользоваться критериями для оценки деятельности своих коллег.

Социология же в меньшей степени обладает устоявшимся знанием, когда отсутствуют механизмы, которые переводили бы знание из исследовательского края собственно в основную часть дисциплины². В результате социологи едва ли могут найти книгу по социологии³, которая бы признавалась большей частью сообщества достоверной и одновременно заслуживающей внимания [Cole 1994: 134]. Вместо изучения одной проблемы, завязанной на использовании конкретных исследовательских технологий, способных порождать оцениваемые результаты, социологи предпочитают работать каждый над своей собственной проблемой. Это вызывает несколько важных для настоящих размышлений последствий. С одной стороны, ученым тогда не нужно вступать в дискуссии по поводу результатов деятельности друг друга, ведь последнее часто просто не имеет соответствий их собственным идеям и проблемам. С другой стороны, даже работая над одной и той же проблемой, социологи всегда могут указать на свое следование отличному от других интерпретаций подходу, который с их точки зрения является если не единственно верным, то заслуживающим такого же внимания⁴. В итоге социальным ученым вы-

¹ О различии *research frontier* и *core knowledge* в случае социологии пишет Стивен Коул [Cole 1994]. Среди его эмпирических данных — количество и «возраст» ссылок в основных дисциплинарных учебниках. Сравнительно небольшое количество ссылок на более отдаленную литературу в случае социологии позволяет ему сделать вывод если не об отсутствии *core knowledge*, то о его небольшом объеме [Cole 1983: 133].

² Некоторые особенности паттерна цитирования, характерные для социальных наук, показывают, как в последних достаточно просто обойтись без цитирования предыдущих исследований, результаты которых не в силах коренным образом изменить расстановку сил. Социальные ученые чаще всего тяготеют, с одной стороны, к тому, чтобы цитировать отцов-основателей для того, чтобы убедить возможных читателей в легитимности своего исследования [Hargens 2000]. С другой стороны, они ссылаются на недавних исследователей, «забывая» о многих своих предшественниках [Gaps 1992]. Что изменится, если социолог не включит в свой текст исследование по изучаемой им тематике? Он вполне может обойтись цитированием классиков — «эта проблема стоит еще со времени Вебера» — ситуация не изменится радикальным образом, если его современный коллега не будет процитирован.

³ Например, с одной стороны, социология научного знания (SSK) получила некоторое признание за последние несколько десятилетий. Но если рассматривать основные учебники по социологии как кристаллизацию *core knowledge* дисциплины, то в них не находит отражения ни сама SSK, ни социологическое осмысление науки [Lynch, Vogen 1997].

⁴ Не так давно через одну из институциональных рассылок распространялся файл-иллюстрация современных «академических нравов». Один из документов содержал ответную реакцию социолога, деятельность которого оценивалась экспертами как не относящаяся собственно к социологии. Его позиция исчерпывалась утверждением о том, что в этой сфере вообще никто никому не вправе

годнее рассредоточивать свое внимание между бесконечным количеством теоретических позиций и исследовательских проблем, выраженные отличия которых позволяют сосредоточиться на себе и не выходить на уровень концептуальной критики [Collins 1994: 165].

Разрушение ортодоксального консенсуса в виде когда-то единого интеллектуального поля и его замена на множество едва ли согласующихся теоретических групп неизбежно способствовали снижению роли дискуссий в целом и критического рецензирования в частности. В версии Р. Коллинза, жесткая интеллектуальная сегментация стала результатом расширения академического рынка, когда институциональный уровень не смог обеспечить всех социологов необходимыми ресурсами, которые те получали в обмен на научное признание. Новая теория или методология помогла инноваторам создать новые сегменты, которые успешно включились в борьбу за финансовые и академические ресурсы. В итоге интенсивная конкуренция привела к четкой теоретической сегментации сообщества с тщательно проводимыми символическими границами¹ [Collins 1986]. В таких условиях необходимо постоянно поддерживать символические границы между различными частями, тогда, например, «научные конференции превращаются в разновидность академической борьбы, которые, как и всякие ритуализированные собрания, существуют для того, чтобы укреплять преданность своего племени к сакральным тотемам» [Turner 1986: 278].

Огромное количество не связанных между собой исследовательских проблем, так же как замыкание на собственных теоретических сегментах, позволяет в первую очередь перестать интересоваться деятельностью своих коллег, принадлежащих к иной части социологии². В других дисциплинах существует способ перевода интереса к знанию из одной области в другую часть. Например, биохимик, интересующийся свинцовым отравлением, может найти интересное и необходимое знание для

ничего инкриминировать: Допустим, что X — прогрессивный позитивист, а Y — махровый консерватор-христианин. X близки стереотипы советского атеизма и бездуховной позитивистской психологии, а Y нравится христианская социология Серебряного века. Ну и что из этого? Каждому из них флаг в руки!

¹ Например, в Великобритании социологический рынок был поделен между исследованиями девинантного поведения, этнометодологией, социологией знания, марксизмом, структурной лингвистикой, которые заняли свою нишу в публикационной активности, исследовательских центрах и на университетских кафедрах [Turner 1986: 277].

² Некоторая попытка собрать книги, представляющие интерес для разных социологов, являет собой список наиболее важных книг для «обязательного чтения», воспевающий «методологическое, содержательное и концептуальное разнообразие социологии» [Clawson, Zussman 1998: 7].

себя в неорганической или физической химии, но едва ли можно предположить такое взаимодействие между исторической социологией, криминологией и социологией семьи [Stinchcombe 1994: 284].

Социология позволяет концентрироваться лишь на собственном интересе к той или иной тематике. Если же тексты, как пишет Стинчкомб, оцениваются на том простом основании, интересны они или нет, то тем самым создаются вариации и в их значимости. Ведь в разных фрагментах дисциплины категория интереса будет различаться: интересный текст с точки зрения феноменолога и социолога, увлекающегося неонституциональным анализом, будет отсылать к разному наполнению. При этом интеллектуальная децентрализация дисциплины привела не только к разным оценкам результатов деятельности социологов, но и к продвижению идеи о равенстве разных подходов и предлагаемых ими интерпретаций действительности¹.

Безусловно, фрагментированное состояние дисциплины не приводит к тому, чтобы мы вообще не находили критической реакции ученых на тексты своих коллег. В любом случае почти каждое уважаемое научное издание до сих пор заполняет соответствующий раздел рецензиями на важнейшие для своей дисциплины публикации. Вероятнее всего предположить, что рецензии стали порождаться и иметь значение лишь внутри появившихся теоретических сегментов, каждый из которых создает собственные оценки правильной социологической работы. В итоге рецензирование превращается в оценку, помещенную внутри определенной перспективы, когда теоретические позиции рецензента и автора книги совпадают. В некоторых случаях редактор даже принимает прямые меры, которые способствовали бы такой организации рецензирования, начиная с открытой публикации предложений об отзывах на книги и заканчивая назначением специальных редакторов, ориентирующихся в разных перспективах, от экологии до интеракционизма [Zelditch 1979: 810].

Одним из неприятных последствий здесь становится все возрастающий поток положительных отзывов [Gove 1979: 801]. Даже в самых признанных американских социологических журналах обычно публикуются благожелательные рецензии, число которых достигает 70%. Все предложенные авторами

¹ Описывая такую ситуацию, социологи часто пользуются интересными метафорами. Например, Р. Коллинз пишет: «Let a thousand flowers bloom», — что перекликается с известной цитатой Мао Цзэдуна «Let a hundred flowers blossom» [Collins 1994: 165]. М. Линч и Д. Боген сравнивают поток социологических идей с бурным потоком воды, бегущим по извилистым каналам горной реки [Lynch, Vogen 1997: 484].

интерпретации результатов исходили из простой уверенности: научные рецензии действительно могут играть существенную роль для научного сообщества. Именно поэтому каждый в отдельности социолог заинтересован в положительном отзыве на свою работу, что обычно поощряет сплоченность в рядах ученых или вызывает такую же благоприятную рецензию в ответ [Champion, Morris 1973: 1257–1258]. Если каждый из ученых исходит из того, что рецензия может способствовать или препятствовать академическому продвижению, это приводит к потоку положительных отзывов, которые в итоге перестают читать вовсе. Норвал Гленн (бывший редактор специального социологического журнала для рецензий «Contemporary Sociology») высказывается более чем определенно: «Мы знаем, что журнал никогда не сможет обеспечить точную и репрезентативную оценку рецензируемых работ, так же как мы знаем, что это содействует несправедливости в вознаграждении академических социологов <...>. Мы были бы рады услышать о том, что деканы и прочие важные люди не воспринимают наши рецензии слишком серьезно» [Glenn 1978].

В случае российской социологии возникают сложности несколько иного рода. Многие лишь в последнюю очередь будут говорить об интеллектуальных различиях или теоретических группах, которые, предоставляя разные способы описания и объяснения реальности, занимают свое место в академическом пространстве. Вероятно, описание западной социологии через отсутствие единого интеллектуального поля и замена его на множество едва ли согласующихся теоретических групп¹ здесь стали бы даже желаемым явлением. Вместо интеллектуального деления сообщества социологи указывают на иные основания фрагментации². Существующие сегменты так же обособлены друг от друга, как и теоретические группы, описанные в начале этой заметки. Замыкание происходит не за счет эксплуатации теории или методологии, а за счет доступа к соб-

¹ Например, Бикбов и Гавриленко пишут о том, что социология сегодня не испытывает особой нужды в строгих теоретических различиях [Бикбов, Гавриленко 2002], Л. Гудков говорит о трудновообразимой мешанине и эклектике теоретических подходов, языков описания и объяснений [Гудков 2006]. Кроме того, еще в 1997 г. А. Филиппов констатировал отсутствие теоретической социологии [Филиппов 1997].

² Здесь нужно упомянуть несколько трудов. В одной из первых работ, содержащих серьезную рефлексию по поводу российской социологии, А. Бикбов и С. Гавриленко настаивали на замещении схемы научного самоопределения политическими основаниями [Бикбов, Гавриленко 2002]. На примере петербургской социологии Ф. Погорелов и М. Соколов предлагают иную картину деления сообщества, ориентированного на различные академические рынки [Погорелов, Соколов 2005]. В. Радаев говорит в целом о социологии, раздробленной по специализированным структурам в зависимости от ориентации на различные практики: фундаментальная наука, образование и прикладные исследования [Радаев 2008].

ственному списку официальных достижений. Каждый из сегментов распределяет разные статусные символы, имеющие ценность лишь для тех, кто тесно связан с присваивающей группой и сегментом. В результате внутри социологии мы застаем «хаос исследовательских областей и специализаций, представители которых, как правило, совершенно невежественны в отношении характера работы друг друга и нуждаются в подсказках, чтобы оценить, кого им имеет смысл слушать, читать, цитировать, приглашать выступить с докладом или заманивать на освободившуюся позицию на факультете» [Соколов 2008: 14]. Возможно, участники каждого сегмента не испытывают трудностей с оцениванием значимости результатов внутри собственного круга, но, выходя за его пределы, они попадают в ситуацию неопределенности, не имея возможности полагаться на формальные маркеры научной деятельности.

Сложность системы оценивания научных результатов приводит к некоторой дискредитации всей процедуры, что в том числе находит отражение в зафиксированном редколлекцией «Антропологического форума» низком уровне дискуссионности. В случае научного рецензирования перестает срабатывать одно из важнейших условий, позволяющих рецензиям играть заметную роль в сообществе. Оно касается авторов, которые должны быть компетентными специалистами в своей области, способными беспристрастно оценивать результаты своих коллег. Если американские редакторы больше озабочены беспристрастностью рецензий, то для российских редакторов встают более сложные препятствия. Первые готовы усмотреть у авторов рецензий умысел, вызванный их эгоистическим интересом к собственному продвижению, а отнюдь не стремлением к непредвзятой оценке научной деятельности. Обычно люди, которые пишут рецензии, исследуют те же вопросы, что и авторы рукописей, что заставляет рассматривать их как конкурентов в борьбе за внимание со стороны сообщества. Кроме того, они могут быть движимы чувством признательности, что принуждает их писать скорее благожелательные отзывы. И если даже социолог напишет истинно критическую рецензию, действительно указывающую на слабость работы, его могут заподозрить не столько в желании донести свое профессиональное мнение, сколько в стремлении показать свой ум и проницательность [Glenn 1978: 254–255].

Возможно, американские редакторы не так много размышляли бы об эгоистических мотивах рецензентов, если бы сталкивались с более серьезными препятствиями. Предположим, что российские редакторы действительно озадачились превратить рецензии в социальных науках в критический инструмент,

способный изменить расстановку сил. Оставим пока за скобками трудности, связанные с предметом социологии и своеобразным «распадом» интеллектуального поля. Здесь нам придется сделать еще одно важное допущение и представить, что российские социологи пожелают не только писать рецензии, но и читать их. Каким образом редакторы должны отбирать тех самых компетентных исследователей, способных оценить деятельность своих коллег?

Американские редакторы в этом случае обычно полагались на видимые официальные символы, указывающие на академический статус ученого. Это позволяло им ориентироваться в социологическом сообществе, достаточно прозрачном для любого пожелавшего найти основную информацию об академических достижениях его членов. При поиске возможных рецензентов задействовались неформальные связи, с помощью которых редакторы идентифицировали людей, известных в той или иной исследовательской области. Когда редактор сомневался в собственном знании способностей тех или иных социологов, он обращался на конкретные социологические факультеты за советом в виде рекомендаций, пользуясь справочником высших учебных заведений или справочником профессиональной ассоциации. В других случаях редактор пользовался специальной картотекой, организованной вокруг списка известных в своей области социологов. Список создавался следующим образом: редактор связывался с деканами всех социологических факультетов с просьбой указать на известных им социологов из собственного отделения, которые способны были бы писать рецензии. В другом случае редактор пользовался списком всех авторов, опубликовавшихся за последние пять лет в двух дисциплинарных журналах «American Journal of Sociology» и «American Sociological Review», включив туда же всех выступивших с докладами на сессии Американской социологической ассоциации [Riley 1970: 360].

Путь американских коллег вызывает сомнение в его применимости для российских редакторов. Допустим, что последние обратились к списку авторов российских социологических журналов, движимые мыслью, что если они оказались достойными опубликоваться в таком журнале, то способны рецензировать деятельность своих коллег, что уже предполагает большие допущения. В этом случае конечный список рецензентов потребует огромного количества журналов, так как невключение одного из них может привести к тому, что возможные рецензенты вообще не войдут в окончательный вариант. Даже основные социологические журналы укоренены в локальные

контексты институционального или географического характера. Каждый из них будет предлагать свой список авторов, практически не имеющий совпадений с каким-либо другим изданием¹.

Легко предположить, что та же участь постигнет редакторов, если они обратятся к спискам членов профессиональной социологической ассоциации. В российском случае организации представлены в самых разнообразных вариациях, начиная от Российского общества социологов и заканчивая Союзом социологов России. Легитимность каждой из них потребует своей верификации, что будет зависеть от решения редактора: будет он опираться на публичные письма социологов, направленные на дискредитацию одной из ассоциаций, или же на список видимых академических достижений членов последней.

Безусловно, озадачившемуся редактору социологического журнала легче определить who is who в сообществе, чем аналогично озадачившемуся чиновнику из статьи М. Соколова [Соколов 2008]. Являясь членом своего сообщества, он знает о профессиональных достоинствах и достижениях своих коллег. Однако, вероятно, его знание ограничено контекстом его позиции и сегмента, к которому если и не он себя относит, то за него это делают другие. Сложность с неформальной информацией заключается в том, что ее невозможно перенести в другой контекст: обычно мнению ученых доверяют внутри одного сегмента, но пытаются подвергнуть дискредитации за его пределами. Кроме того, редактору просто может не прийти в голову мысль о существовании других специалистов, например в области социологии семьи. Но, даже выяснив сам факт их наличия, он столкнется с проблемой определения профессионального уровня. И мы опять наблюдаем ту же самую ловушку, ставящую под вопрос все существующие возможности системы оценивания научных результатов.

В двух случаях возможностям успешной работы всей системы оценивания научных результатов препятствуют трудности разного характера. Американское сообщество больше озабочено отсутствием единых критериев оценки интеллектуального вклада социологов, что проявляется при теоретическом «разномыслии» последних. Как вариант рецензирование помещается в определенную теоретическую перспективу через меха-

¹ Например, в «Социологических исследованиях» за период с 2002 по 2006 г. опубликовалось 1335 человек, но только 56 из них оказались представителями петербургской социологии. Таким образом, невключение в список такого издания, как «Журнал социологии и социальной антропологии», может привести к тому, что туда не войдет значительная часть петербургских социологов.

низм соответствия рецензента и автора рукописи, что предполагает свои издержки.

Российские редакторы оказываются в более сложном положении, сталкиваясь скорее не с интеллектуальными группами, а с сегментами институционального или политического характера. Ориентация на собственные для каждой части критерии оценки кажется едва ли привлекательным вариантом решения проблемы. Сбои в социальной организации позволяют говорить о дальнейшем забвении настоящей дискуссионности, несмотря на фактическое присутствие рецензий.

Чаще всего академические репутации формируются через оценки значимых других, что позволяет заниматься наукой, самостоятельно не подвергая сомнению каждый текст, попавший к нам в руки. Если система оценивания дает сбой, становится не совсем ясно, кому следует воздавать должное в своих собственных работах. Это может привести к переориентации на «нормальную» систему, символы которой дают некоторую уверенность в качестве исследовательских результатов и интерпретации автора. Дабы сократить время на поиск нужной информации, нам выгоднее обращать внимание на статьи, опубликованные в действительно значимых и признанных журналах, даже если они доступны только через библиотечную электронную подписку¹.

В случае российской социологии мы не всегда можем положиться на значимых других. Можно ожидать, что в одной дисциплине, но в разных контекстах их места займут разные люди. Стивен Коул предполагал, что если дисциплина не может породить собственных «звезд» естественным путем, то не остается ничего другого, как создать их искусственно. Выверенный пантеон наиболее значимых фигур мог бы способствовать превращению профессиональной полемики в необходимое условие научной жизни. Если же мы не можем придумать работающие критерии для создания «звездного» сообщества, то можно выбрать наиболее модный социологический стиль работы — *most fashionable style of work* [Cole 1983: 138].

Даже просто полистав статьи в российских социологических журналах, легко вообразить, в чем он будет заключаться. Тогда во многом способом ориентации в потоке текстов остается опора на узкий круг авторов, выход за пределы которых влечет

¹ Побочным результатом может стать список литературы, почти исключительно состоящий из иностранных источников.

за собой значительные временные затраты. Некоторым утешением может послужить мысль о том, что именно твой хорошо известный круг авторов, фиксируемый в библиографии, занимается «настоящей» социологией, если бы только не догадка о том, что эта мысль является общей для каждой из совместно существующих закрытых групп.

Библиография

- Бикбов А., Гавриленко С.* Российская социология: автономия под вопросом // Логос. 2002. № 5–6. С. 51–85.
- Гудков Л.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339.
- Погорелов Ф., Соколов М.* Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: Фрагментация петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 76–92.
- Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 24–33.
- Соколов М.* Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 8–32.
- Филиппов А.Ф.* О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 5–37.
- Champion D., Morris M.* A Content Analysis of Book Reviews in the AJS, ASR, and Social Forces // The American Journal of Sociology. 1973. 78 (5). P. 1256–1265.
- Clawson D., Zussman R.* Canon and Anti-Canon for a Fragmented Discipline // Required Reading: Sociology's Most Influential Books. University of Massachusetts Press, 1998. P. 3–19.
- Cole S.* The Hierarchy of the Sciences? // The American Journal of Sociology. 1983. 89 (1). P. 111–139.
- Cole S.* Why Sociology Doesn't Make Progress like the Natural Sciences // Sociological Forum. Special Issue: What's Wrong with Sociology? 1994. 9 (2). P. 133–154.
- Collins R.* Is 1980s Sociology in the Doldrums? // The American Journal of Sociology. 1986. 91 (6). P. 1336–1355.
- Collins R.* Why the Social Sciences Won't Become High-Consensus, Rapid-Discovery Science // Sociological Forum. Special Issue: What's Wrong with Sociology? 1994. 9 (2). P. 155–177.
- Gans H.* Review: Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science // Sociological Forum. 1992. 7 (4). P. 701–710.
- Glenn N.* The Editor's Column // Contemporary Sociology. 1978. 7 (3). P. 254–255.
- Gove W.* Review: The Review Process and Its Consequences in the Major Sociology Journals // Contemporary Sociology. 1979. 8 (6). P. 799–804.

- Hargens L.* Using the Literature; Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship // *American Sociological Review*. 2000. 65 (6). P. 846–865.
- Lynch M., Bogen D.* Sociology's Asociological «Core»: An Examination of Textbook Sociology in Light of the Sociology of Scientific Knowledge // *American Sociological Review*. 1997. 62 (3). P. 481–493.
- Riley L., Spreitzer E.* Book Reviewing in the Social Sciences // *American Sociologist*. 1970. 5. P. 358–363.
- Stinchcombe A.* Disintegrated Disciplines and the Future of Sociology // *Sociological Forum*. Special Issue: What's Wrong with Sociology? 1994. 9 (2). P. 279–291.
- Turner B.* Sociology as an Academic Trade: Some Reflections on Centre and Periphery in the Sociology Market // *Journal of Sociology*. 1986. 22. P. 272–282.
- Zelditch M.* Review: Why Was the ASR So Atheoretical? // *Contemporary Sociology*. 1979. 8 (6). P. 808–813.

ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО

2

Кто же станет с этим спорить? Причины также перечислены в самом вопросе довольно точно. Именно: речь должна идти о «серьезных дискуссиях». Как правило, то, что мы называем сегодня «дискуссиями», — это склока, перебранка обиженных. Кто-то пишет разносную статью. В ответ журнал печатает обиженное письмо, сопровождаемое новой статьей нападавшего с новыми обвинениями. Далее обычно печатаются тексты в поддержку редакционной позиции. Это сегодня называется «дискуссией». Уровень взаимной грубости иногда зашкаливает. Есть люди, вся репутация которых основана на участии в подобных петушиных боях. Иногда, кроме участия во всевозможных скандалах, у человека за душой ничего нет. Примеров тому — бесчисленное множество в Интернете и газетах, но, к сожалению, этот стиль проник и в научные журналы.

Приведу в качестве примера последнюю «дискуссию» на страницах «Вопросов литературы» (2008. № 1). Серьезный архивист Леонид Максименков, много сделавший для публикации ранее закрытых архивных

материалов, в последнее время посвятил себя неистовой борьбе с российским архивным начальством. Битва эта носит явно личный оттенок, и репутация серьезного ученого разрушается на глазах: автор превратился в назойливого склочника, цепляющего и оскорбляющего всех вокруг без разбору. В топку «дискуссии» бросаются совершенно дикие обвинения — чуть ли не в служебных преступлениях и коррупции архивных начальников. Место подобным обвинениям не в научном журнале, а в суде, но по российской традиции к суду, разумеется, никто не прибегает. Серьезный историк превратился в озлобленного журналиста, изливающего потоки брани со страниц академического журнала. Напечатав разоблачительный опус, написанный в стиле крокодильских фельетонов о ворах и бюрократах, редакция «Вопросов литературы» вынуждена печатать опровержение обвиненного, а затем ответ Максименкова. И все это идет под рубрикой «Полемика». На самом деле академический журнал оказался втянут в склоку.

Вместо того чтобы печатать развязные тексты Максименкова, «Вопросы литературы» сослужили бы ему добрую службу, посоветовав вернуться к занятиям архивами. Между тем Максименков печатает подобные тексты в разных изданиях, обвиняя всех вокруг в плагиате и воровстве. Причем сам повод для полемики — откровенно слабая книга — уже мало кого занимает. В литературоведении подобные полемики можно вести бесконечно: везде — в «булгаковедении», «платоноведении», «бабелеведении», «манделыштамоведении», «цветаеведении», «шолоховедении» и т.д. — есть свои непримиримые партии, которые ведут многолетние тяжбы разве что не в судах, обвиняя друг друга чуть ли не в уголовщине. В каждом лагере есть свои генераторы «дискуссий», подобные Максименкову, и если всем дать выход на страницы академических журналов со взаимными нападками, то градус дискусионности вырастет невероятно. И все же назвать это признаком здоровой научной дискуссии вряд ли можно.

Мне кажется, что это с точностью до наоборот повторяет советскую ситуацию, когда «дискуссии» придумывались в редакционных кабинетах от начала и до конца. Если тогда они велись на максимально далекие от реальных проблем темы, то сегодня, наоборот, дискуссия-склока с персональными оскорблениями является едва ли не единственным способом для рекламной раскрутки издания. Боюсь, впрочем, что это не столько поднимает тираж, сколько разрушает репутацию академического издания.

3

Проблема здесь, как мне представляется, не только жанровая. С одной стороны, институт рецензий действительно вымирает,

с другой — рецензия потеряла прежнюю функцию, когда в ней могла быть сформулирована альтернативная позиция или даже контрконцепция. Сегодня в западных специальных журналах рецензии окончательно превратились в развернутые аннотации к книгам, критические суждения обычно высказываются в последнем абзаце, а если превышают его, то рецензия тянет чуть ли не на «review article». Дело в том, что сам объем книжной продукции настолько вырос, что рецензирование превратилось в рекламу книг и ориентир для библиотечных закупок, и даже неполный охват книжной продукции в очень кратких рецензиях часто превращает специальные журналы в сборники рецензий, где статьи занимают едва ли не треть площади, а две трети отведено рецензиям.

И все же, хотя на Западе научные книги худо-бедно рецензируются, ситуация в России куда хуже: специальные книги практически не рецензируются. Исключение составляют (в области литературоведения или культурной истории) «НЛЮ», реже — «Вопросы литературы». Раньше рецензировали толстые журналы, а теперь кроме редких рецензий в «Новом мире» и «Знамени» научные работы практически не рецензируются, что однозначно плохо: рецензирование книг формирует научное поле, создает дисциплинарный ландшафт, без чего ни о каком серьезном диалоге, дискуссии не может быть и речи. В результате некоторые русские научные книги рецензируются на Западе куда больше, чем в самой России. Ситуация эта тем более абсурдна, что новые российские книги на Западе все же доступны, тогда как западные в России — практически нет.

Между тем в России рецензии куда интереснее: рецензирование менее ритуализовано, менее системно, зато рецензии живее, дискуссионнее и в конечном счете полезнее (оборотной стороной, впрочем, нередко является отсутствие культуры дискуссии, когда полемика превращается в стеб, а то и в прямую брань). Отсутствие предложения порождает и отсутствие спроса: факт остается фактом — рецензия требует времени, тогда как статусный уровень этого жанра чрезвычайно низок — нигде серьезной публикацией рецензия «не считается». Увы, рецензирование книг превратилось в форму «общественной работы» — бесплатной и неблагодарной.

4

Мне представляется, что основная проблема взаимного непонимания (или неэффективности диалога) не в ритуалах, а в обычном невежестве. Это видишь в особенности на междисциплинарных конференциях. Мне не раз приходилось удивляться степени неосведомленности коллег в смежных областях. Собираются специалисты по советской культуре: историки, литературоведы, киноведы, антропологи. И вот оказыва-

ется, что традиционные историки просто понятия не имеют о том, что делают, скажем, историки литературы, а те, наоборот, не знают основных работ историков, и ни те, ни другие не знают даже методологических направлений в смежных дисциплинах. Диалога не возникает. Скорее, взаимный шок.

Можно, разумеется, успокоить себя тем, что и раньше люди были «ленивы и нелюбопытны», но дело в том, что раньше междисциплинарность действительно отсутствовала. Трудно назвать, скажем, политического или социального историка, который 40 лет назад интересовался историей культуры. Он вполне мог без нее прожить. Так же, как и литературовед, занимавшийся себе своим Серебряным веком. Но вот сегодня в области культурной истории многие историки открывают велосипед, не зная, что сделано в конкретных областях, не зная просто библиографии по избранной теме.

Другая проблема уже собственно коммуникативная и тоже относительно новая: практически на каждой конференции сталкиваешься с кем-то, кто с легкостью обсуждает самые современные темы с использованием новейшего «научного» сленга. При этом, разумеется, никакой серьезной подготовки за этим не стоит: читается просто случайно купленная с прилавка книга Фуко, Бодрийера или Деррида в плохом переводе, и начинается трансформация речи: на слушателей изливается какой-то наукообразный поток, просто бессвязное лепетание с бесконечными «дискурсами», «симулякрами» и прочими свидетельствами «продвинутости».

5

Несомненно, существует некий национальный стиль ведения дискуссии. После десятилетий советского официоза в постсоветской науке утвердился особый рецензионный стиль — иронического высмеивания с элементами этакого журналистского «разоблачительства» и стремления к «разрушению репутаций». Сформировался даже типаж «рецензента-киллера», а целый ряд научно-популярных изданий основан на таком стебе. Особенно процветает этот жанр в газетах и Интернете. Как правило, «дискуссии» такого рода строятся на подтрунивании над стилем, без какого бы то ни было анализа материала и выхода к обсуждению серьезных тем. Причем рецензенты — никому не известные молодые журналисты, подвизающиеся на этом поприще. Скажем, в западных специальных журналах существует правило: рецензируют книги не просто специалисты в данной области — сами рецензенты должны быть авторами книг. В России ничего подобного нет. Рецензирует кто что хочет. Смешно иногда читать, как вчерашний школяр учиняет этакий журналистский разнос работы ведущего специалиста в конкретной области. Все же это специфически российская

ситуация. На Западе такого рода рецензии печатаются в политически ангажированных изданиях, но никак не в научных. Вообще граница между полемикой и хамством сегодня оказалась в России размытой. Часто рецензенты напоминают персонажа рассказа Шукшина «Срезал». Во всей этой бравате просвечивает чудовищный провинциализм и комплекс неполноценности.

6

Произошедшая благодаря Интернету демократизация академических дискуссий, как мне представляется, привела не столько к формированию продуктивной научной среды, сколько к возникновению атмосферы перманентных скандалов и склок, которые вылились в публичную сферу. Желательно ли участие «широкой публики»? Все зависит от того, что под ней понимать. Просто ли это случайные посетители форумов? С моей точки зрения, персонажи типа Виктора Топорова — это и есть «широкая публика». Польза от участия такой публики, ни в чем толком не разбирающейся, но просто хамящей, невелика.

7

Избегать печатать что-либо специально «для дискуссионности», «для полемики». Как показывает опыт, наиболее продуктивными и провокативными являются собственно аналитические работы, демонстрирующие новые подходы и новый материал. Важны ведь не дискуссии сами по себе, но серьезность в них поднимаемых тем.

ВАРВАРА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

1

Когда мы говорим о запомнившейся дискуссии, то можем иметь в виду две причины вспоминать ее. Во-первых, мы помним дискуссию, когда представители двух или более направлений красиво и убедительно, а главное, вежливо отстаивали свою точку зрения, не скатившись при этом до взаимных оскорблений, рукоприкладства, ломания мебели о голову оппонента, битья друг друга дамскими сумочками и т.п. Во-вторых, мы можем запомнить дискуссию, если ее участники путают научную аудиторию с пивной и ростовским базаром одновременно. Надо признать, что российские фольклористы необычайно далеко ушли от дискуссий первого типа, но, к счастью, еще пока не скатились ко второму варианту. В настоящее время

Варвара Евгеньевна Добровольская
Государственный республиканский
центр русского фольклора, Москва
dobrovolska@inbox.ru

мя на фольклористическом поле дискуссий не наблюдается, хотя все говорят о том, что они необходимы, что надо создавать возможности для обмена научными мнениями, а не просто их высказывать. Отсюда такое обилие круглых столов, т.е. той формы научной мысли, которая предполагает именно дискуссию. К сожалению, большинство круглых столов не оправдывают надежд, на них возложенных.

Еще хуже дело обстоит с дискуссиями, которые готовят заранее. Так, например, произошло с дискуссией о судьбах фольклора на I Конгрессе фольклористов. Эту акцию долго готовили и как будто бы выбрали людей, которые представляли диаметрально противоположные точки зрения на фольклор и традиционную культуру. Казалось бы, вот тут и должна была разгореться дискуссия, в которой старшее поколение должно было объяснить, почему несколько десятилетий в фольклористике господствуют определенные взгляды на традиционную культуру, а молодое племя — доказать, что ситуация изменилась и взгляды должны быть скорректированы. Увы. Этого не случилось.

Создалось впечатление, что на научном поле фольклористики просто нет проблем. Старшие изучают фольклор как искусство слова, причем практически одинаково, в рамках школы кафедры устного народного творчества МГУ, а молодые, отказавшись от слова «фольклор», стали заниматься практиками, опытом, речевой деятельностью и т.д. Для тех, кто хотя бы немного интересуется ситуацией в науке, совершенно очевидно, что всегда были люди, не разделявшие доминирующих взглядов. И во времена старшего поколения были те, кто изучал не только тексты, но и контексты их функционирования; и сейчас огромное число людей изучают только текст, а любое наблюдение о его бытовании рассматривают как выход за рамки дисциплины.

В итоге участники просто не нашли возможности по существу разговаривать друг с другом. И дело даже не в некоей амбициозной некорректности «детей» или в известной «истинной академичности» отцов. Причина того, что данная дискуссия не состоялась, заключается в том, что люди и не пытались вести диалог, им не только все равно, что говорит их оппонент, но по большому счету все равно, как именно аргументируют свою позицию они сами. Мнение собственной школы воспринимается многими как единственно возможное, а потому его оспаривание и защита не вызывают интереса. Люди не только не пытались ответить на вопросы, возникавшие у оппонента, но и сами даже не задавали таких вопросов, следовательно, не на что было отвечать.

Пожалуй, нечто похожее на дискуссию я наблюдала на XIV Съезде славистов, когда на отнюдь не бесспорные предположения С.Н. Азбелева о персонаже некоторых русских былин стали возражать А.Л. Топорков и В.Я. Петрухин. Безукоризненная корректность всех троих участников заставила аудиторию не только проснуться, но и с интересом наблюдать за аргументами, которые они использовали для доказательства своей правоты. К сожалению, именно это обсуждение было прекращено ведущим в силу недостатка времени.

Мне кажется, что в последнее время дискуссии исчезают именно из-за того типа проблем, которые нужно обсудить. Обычно на конференциях состав участников более или менее един в своих взглядах на ту или иную проблему, а поэтому нет предмета для дискуссии. С другой стороны, люди, не разделяющие взгляды организаторов конференции, вряд ли вообще узнают о ее проведении. Поэтому дискуссии могут возникать на крупных общероссийских мероприятиях, но их организаторы по разным причинам стараются развести представителей разных взглядов в лучшем случае по разным дням, а в худшем — по разным секциям. А представители научного сообщества, особенно это касается москвичей, зачастую ходят только на свои доклады.

2

Инертность, лень и чрезмерная загруженность, видимо, появились у отечественных ученых не только сейчас, поэтому вряд ли они могут быть причиной отсутствия дискуссий. Партии и фракции тоже не нововведение, хотя последние лет десять постоянно приходится ловить себя на мысли о том, что «свои» пишут, безусловно, интереснее и профессиональнее, чем «не свои», и то, что это — оценка субъективная, тоже более или менее очевидно. Традиция не спорить — эта причина, безусловно, не для русского научного сообщества. Мне кажется, что причины отсутствия дискуссий в другом.

Во-первых, для многих людей, преподающих в вузах, появление на трибуне человека в возрасте до тридцати лет само по себе есть знак того, что нужно задать «несколько вопросов». Причем приходится констатировать, что такие вопросы часто задаются крайне некорректно и агрессивно. Более того, в таких случаях всегда подчеркивается социальный статус вопрошающего (жаль, что не прикладывается еще и полный *curriculum vitae*). Можно предположить, что это сведение счетов между разными научными школами, но чаще всего это не так. Молодые довольно часто выбирают яркие и спорные темы, в таких докладах есть что обсудить, но, увы, молодых учат уважать возраст (обычно в форме: «что тут возражать — они уже давно все из ума выжили»), и они молчат, к тому же они обижены формой обращения к ним.

Иногда причиной отсутствия дискуссии являются личные взаимоотношения, и вопросы одного из участников дискуссии носят откровенно провокационный и оскорбительный характер. Ответ на вопрос обычно провоцирует скандал, а не диспут. Наконец, есть целая плеяда исследователей, которых объединяет общая характеристика — «у них плохой характер». Я не буду подробно останавливаться на корреляции таких признаков, как «плохой характер» и «уровень научных достижений», но обычно чем «хуже характер», тем лучше научный результат. Причем пресловутый «плохой характер» довольно часто проявляется разве что в некой саркастичности высказываний, а вовсе не в рукоприкладстве или высыпании яда в стакан. Так вот этим людям вопросы не задают из страха, даже если с ними абсолютно не согласны, потому что боятся формы ответа. И наконец, есть люди, у которых с характером все хорошо, но они либо начальники, либо классики, а с этими двумя категориями, как говорят многие, не спорят.

Я не утверждаю, что данные правила действуют для всех. Безусловно, есть люди, которые обожают молодых и всячески им помогают, не превращают начальство в «священную корову», оспаривают его и могут быть сами классиками с «плохим характером». Но их мало. Но в основном исследователи предпочитают не проявлять активности, а свое отношение к происходящему высказать в компании единомышленников, которые разделяют их взгляды. Такой вот замкнутый круг.

3

То, что рецензия как жанр умерла, в общем, очевидно. И вот тут-то одной из причин является лень и чрезмерная загруженность ученых; говорить для большинства легче, чем писать, а рецензию нужно написать, да еще к сроку. Поэтому часто, читая книгу и полемизируя с автором исследования, ты понимаешь, что рецензию писать не будешь — некогда. Другое дело, что в настоящее время рецензии стали выполнять еще одну функцию: они представляют издание, которое зачастую может оказаться только в руках у рецензента. Если не представить данную книгу, о ней могут и не узнать. Заметим, что автор может подарить дорогую или редкую книгу кому-нибудь с просьбой о рецензии, и тут ты чувствуешь себя обязанным сказать о книге что-нибудь хорошее, а плохого как раз не говорить.

4

Прения по докладам, безусловно, способствуют дискусионности, причем обсуждение необходимо проводить сразу же после доклада, а не в конце заседания. Как показывает практика, там, где полемика по докладу не ограничивается временем, могут возникать небольшие дискуссии. К сожалению, таких мероприятий крайне мало. Дискуссии по всем докладам в конце заседания обычно менее продуктивны, все «перегорели»

и рвутся в кулуары. Внутренняя и внешняя рецензии пишутся для ограниченного круга людей, обычно для членов редколлегии журнала или сборника; если они выходят за пределы данного круга, это в значительной степени нарушение профессиональной этики.

Обсуждения в Интернете, как это ни смешно звучит, доступны не всем возрастным группам, а кулуарные беседы во многом зависят от того, где находятся эти самые кулуары. Но любая форма обмена мнениями, безусловно, нужна, хотя мне кажется, что она никак не влияет на уровень дискуссионности и что ни одну из форм обмена мнениями нельзя сделать более эффективной.

5

Западные коллеги более корректны по форме и в то же время более критичны, полемичны и содержательны (а часто и более агрессивны — по-хорошему — в научном плане, но не в личном смысле и не в смысле формы выражений!) по существу в ведении дискуссии, чем мы. По-моему, никаких конфликтов из-за столкновения «национальных» традиций ведения дискуссии быть не может, а вот политика может оказывать влияние на дискуссию. Так, многие украинские фольклористы в последнее время не признают процессов взаимовлияния в пограничных зонах, причем только для украинской традиции (т.е. русско-белорусские зоны есть, польско-белорусские есть, а украинцы даже на границах смогли сохранить свою национальную самобытность). Краснея и бледнея, украинские ученые, работающие на территории Семеновского района Черниговской области Украины, на русском языке доказывают это русским коллегам, работающим в Климовском районе Брянской области.

6

Я с большой осторожностью отношусь к научно-популярным текстам, особенно если их пишут журналисты. Все фольклористы сталкивались с самым неожиданным результатом переказа ответов ученого на большей частью нелепые вопросы журналиста («Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»). Для чего нужен научно-популярный текст в научном мире, мне непонятно, в научном мире нужны научные тексты. Именно по способности написать научную статью профессионала отличают от стороннего человека. Научно-популярные тексты, написанные профессионалами, бывают разными, их по-разному и надо оценивать. А вот любители в науке — это отдельная тема. Любители фольклора очень часто бывают прекрасными и скрупулезными собирателями, но бывают и фальсификаторами. Если они не пытаются объяснить традиции своего города или деревни с помощью отсылок к «Русским ведам», «Велесовой книге» и тому подобным изданиям, то их на-

блюдения бывают хоть и непрофессиональными, но интересными.

Обсуждение научных и научно-популярных текстов в веб-форумах и блогах не вызывает у меня никакого отторжения, любое высказывание своего мнения имеет право на существование, а вот принимать или не принимать его — это другой вопрос.

7

Я думаю, что научные журналы повлиять на уровень дискусионности не могут. Материалы, опубликованные в них, могут стать предметом обсуждения, но я думаю, что в большинстве случаев оно будет носить частный характер (дискуссия между своими), и не в силах журнала сделать ее общенаучным достоянием.

МАЙКЛ ДЭВИД-ФОКС

Когда журнал «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History» был основан в 2000 г., его редакторы были прежде всего заинтересованы в диалоге. Мы считаем, что исследования России в Соединенных Штатах стали слишком замкнутыми. В те времена, перед наступлением нового тысячелетия, будучи молодыми идеалистами, мы объявили, что сделаем эту область «интернациональной». Ведущие журналы по исследованиям России, с нашей точки зрения, стали степенными и скучными, узко специализированными отдушинами главным образом для молодых ученых, которым нужны были публикации для получения должности. Короче говоря, мы хотели встряхнуть эту область, вызвать дискуссии. Но как?

Вопрос научных споров в академической периодике, по существу, связан с проблемой жанра или рубрики. Некоторые форматы с большей вероятностью способствуют подлинному (а не полемическому) обмену мнениями; другие подходят для привлечения в качестве участников авторов из различных дисциплин и на разных этапах их карьер.

Основная направленность журнала «Kritika» на критические статьи (длинные, похожие

Майкл Дэвид-Фокс
(Michael David-Fox)

Университет Мэриленда, Колледж
Парк, США
mdavidf@umd.edu

на эссе рецензии и обзоры, часто множества работ на разных языках, включающие научный аппарат) сама является формой диалога. Журнал обычно рецензирует книги на английском языке, только если рецензент является представителем не англоговорящей научной культуры; в ином случае мы фокусируемся на работах, опубликованных на русском или европейских языках, в основном немецком и французском, или рассматриваем несколько работ на нескольких языках одновременно. Это позволяет избежать проблемы рецензирования работ коллег из своей страны и дисциплины, что, конечно, препятствует критике. В каждом выпуске мы также печатаем длинные, размером со статью «эссе-обзоры», которые рассматривают большее количество работ, и, реже, «статьи-обзоры», которые освещают все поле и содержат элемент оригинального авторского исследования. Благодаря этим особенностям обзоры приобретают характер имплицитного диалога и сосредотачиваются на том, что общего и что различного у научных школ в разных национальных традициях. Обзоры также поощряют англоговорящих читателей уделять больше внимания работам на других языках.

Кроме того, «Kritika» стремилась привлечь ученых из разных дисциплин и с разным научным статусом. Редакторы весьма успешно приглашали самых видных и опытных ученых в своей области, которые перестали публиковаться в журналах по региональным исследованиям и, возможно, не имели материала, времени или желания для того, чтобы представить исследовательские статьи, к участию в более коротких интерпретативных жанрах, таких как «Реакция». Во всех наших специальных тематических выпусках и так называемых «Форумах» (несколько статей, посвященных одной теме) мы приглашаем одного или двух ученых рассмотреть статьи, представленные в «Реакции». Их задача состоит в том, чтобы связать публикации между собой, поместить их в более широкий контекст и предложить направления для дальнейшего исследования. Чтобы избежать аргументов *ad hominem*, авторы статей могут отвечать только в письмах редактору, а авторы «Реакции» проинструктированы, что их главная задача не в оценке публикаций, а в обозрении интеллектуального ландшафта, который они пересекают. В общем, мы успешно привлекаем к участию не только старших ученых, но и славистов и специалистов по литературе и культуре, работающих на кафедрах славистики, а также историков. Мы также с некоторым успехом сотрудничаем с историками из областей за пределами исследований России, особенно с германистами, таким образом вовлекаясь в другой вид обмена. Но гораздо менее результативными были попытки привлечения предста-

вителей социальных наук: политологов, исторических социологов и антропологов.

Для стимулирования более живых дискуссий по интересным и актуальным темам мы ввели рубрику «Ex Tempore», в которой один автор начинает дискуссию, а двое или трое других ее развивают, отвечая на поставленные им вопросы. Задача последних состоит не обязательно в непосредственной критике первоначальной реплики, но в добавлении их собственного видения к обсуждению. Мы можем перенести эти дискуссии в печать без большой задержки. Напротив, гораздо более быстрый медиум, электронное приложение к печатной версии журнала под названием «e-Kritika»¹, не стал площадкой для широкого обмена мнениями онлайн, как мы надеялись. В общем, как нам представляется, ученые сейчас перегружены и связаны слишком многими обязательствами (и, возможно, слишком осторожны, чтобы вывешивать что-то в Интернете без длительной подготовки), чтобы участвовать в электронных дискуссиях в таких объемах, как нам бы хотелось.

Наконец, «Kritika» тратит много времени и усилий для издания специальных тематических выпусков журнала. Мы публикуем по одному специальному выпуску почти на каждый том; всего вышло девять специальных выпусков книжного объема за те десять лет, что журнал существует. Они начались с нашего самого первого выпуска в январе 2000 г. («Сопrotивление власти в России и Советском Союзе») и включали такие темы, как «Переговоры о культурных переворотах: культурная политика и память в России XX в.» (Kritika. 2. 3. Summer 2001), «Политическое насилие в России и Советском Союзе» (Kritika. 4. 3. Summer 2003), «Циркуляция знания и гуманитарных наук в России» (Kritika. 9. 1. Winter 2008) и совсем недавно — «Воображая Запад в Восточной Европе и Советском Союзе» (Kritika. 9. 4. Winter 2008). Летом 2009 г. мы опубликуем следующий тематический выпуск о «Вражде и обаянии: Русско-немецкие столкновения в XX в.».

Эти специальные выпуски являются диалогическими в нескольких смыслах. Во-первых, все они рассматривают темы, по которым проводятся интересные новые исследования и развиваются новые методы, и неизменно включают публикации ученых из России, Европы и Северной Америки. Здесь нужно отметить, что «Kritika» с самого начала запустила обширную программу переводов, в которой переводчики-волонтеры получают только символическое вознаграждение в виде содей-

¹ <<http://web.mac.com/kritika/iWeb/ekritika/Home.html>>.

ствия академическому обмену. Мы с большим успехом привлекаем прекрасных, преданных своему делу переводчиков с русского, начиная от почетных профессоров и заканчивая студентами, но менее успешно работаем с переводчиками с французского и немецкого. Стоит ли говорить, что эта программа переводов стоила редакторам многих усилий и времени.

Во-вторых, все тематические выпуски происходят из международных конференций журнала «Kritika». Первоначально они проводились в США, в Университете Мэриленда и в Гарварде. Но для того чтобы привлечь более интернациональный состав участников и способствовать связям между учеными из других ключевых стран, «Kritika» стала устраивать эти конференции за границей, сначала в EHSS в Париже, а в последнее время в Берлине. Сам формат этих конференций примечателен: это то, что мы называем «workshops», когда участники из нескольких стран читают работы заранее и затем подробно обсуждают. Потом авторы пересматривают свои статьи по итогам обсуждения и представляют их для публикации в специальном выпуске.

Следующий workshop журнала «Kritika» будет проводиться в Европейском университете в Санкт-Петербурге 26–27 июня 2009 г. Его цель — исследовать, как страны на «периферии» Европы наблюдали и взаимодействовали друг с другом, а не только со странами «продвинутого Запада» начиная с XVIII в. Название конференции — «Крайние модели: Россия, Османская империя и Испания». Если вы хотели бы участвовать, напишите мне на mdavidf@umd.edu! Редакторы журнала «Kritika» желают «Антропологическому форуму» дальнейших успехов.

Пер. с англ. Ольги Бойцовой

КАТРИОНА КЕЛЛИ

1	Начнем с того, что вопрос о том, как распространяются информация и идеи среди ученых, является столь же фундаментальным, как и вопрос о способах собирания и хранения материала, а также о том, как на материал влияют ценности ученых и так называемых «информантов» (см.: [Антропологический форум. 2005. № 2]). Однако «поле коммуникации» в науке обсуждается реже второго круга вопросов, что заставляет особо приветствовать данную дискуссию.
2	
3	

Катриона Келли (Catriona Kelly)
Оксфордский университет,
Великобритания
catriona.kelly@new.ox.ac.uk

Опросник предлагает пессимистический взгляд на положение дел: несмотря на то что возможности диалога и дискуссии сейчас лучше, чем когда бы то ни было, подобный диалог и дискуссия по большей части отсутствуют. Если говорить об этом утверждении, я думаю, было бы полезно ввести различие между тремя разными пониманиями «диалога» и «дискуссии»: 1) выражение своей точки зрения целым рядом разных людей; 2) плюрализм мнений (т.е. выражение точек зрения, которые весьма отличаются друг от друга); 3) «диалог» (участники обмена мнениями не только представляют себе взгляды друг друга, но на самом деле интересуются ими и, возможно, даже меняют свои собственные точки зрения под влиянием этих обменов). Хотя эти три понимания до известной степени являются взаимозависимыми — 3 невозможно без 1 и 2 — отсюда не следует, что существование 1 и 2 предопределяет 3.

Изначальным стимулом опросника могло быть, как я думаю, ощущение разочарования, специфического для постсоветской России. Различие между «дискуссией» в первом и втором смыслах легко проиллюстрировать, если вспомнить о преобладании форумов в официальных советских журналах постсталинской эры, которые функционировали в качестве витрины для демонстрации некоторого количества едва отличающихся друг от друга выражений всеобщего консенсуса, а не пространства подлинных дебатов¹. В постсоветский период плюрализм, несомненно, появился, но до подлинного диалога еще далеко. Весьма распространенным является смешение жестких утверждений с аргументацией (фразы вроде «ведь нужна же дискуссионность» или «он имеет право на свою точку зрения» подчас используются для того, чтобы оправдать обмены мнениями, которые могли бы показаться категоричными или даже клеветническими в других, более спокойных академических культурах). Мелкие различия в расстановке акцентов часто возводятся в полномасштабные идеологические расхождения.

Как указывали (среди прочих) Сергей Ушакин и Михаил Соколов², в дебатах, происходящих в российском академическом мире, господствующее положение (и масштабы этого явления очень значительны) занимают воюющие друг с другом клики

¹ Однако возможность выразить мнение является, безусловно, необходимым, хотя и недостаточным фактором для возникновения плюрализма, причем требование «дискуссии» (какой бы ограниченной она ни была) было решающим в подрыве репрессивных механизмов «самокритики» (аннигиляции всех отличающихся друг от друга точек зрения), функционировавших в сталинскую эпоху.

² См. раздел «Форум» в № 2 и 9 «Антропологического форума».

и группки. Сегодня ученые могут без помех, чинимых властью, публиковать все, что они хотят, но они нередко предпочитают пользоваться местными связями (и/или вынуждены обращаться к ним из-за шаткости социально-экономической реальности, в которой протекает их трудовая жизнь). Вездесущая фраза «эта тема до сих пор не привлекала внимания специалистов» возносит на уровень универсальности наблюдение, которое, по сути, означает «в моем непосредственном кругу этим никто не занимается». Поразительной, с точки зрения чужака, является неспособность некоторых русских ученых задавать вопросы — в противоположность высказыванию аподиктических суждений — после прочитанного доклада¹; концентрация некоторых из них на тривиальных информационных моментах («то, что я знаю лучше кого бы то ни было»), а не на больших концептуальных проблемах (по определению открытых для обсуждения); а также тенденция в совместно написанных статьях сшивать на живую нитку два отдельно написанных текста². Быть может, военные коннотации слова «позиция» (неточно переводимого как «точка зрения») объясняют, почему ученые нередко чувствуют, что должны идти на дебаты во «всеоружии», защищая военнослужащих своего батальона до последней капли крови.

Эксклюзивность мешает международному, а также внутринациональному сотрудничеству. Увеличивающиеся возможности контактов с «иностранцами» учеными иногда парадоксальным образом порождают защитную реакцию, не характерную ранее для российской академической культуры. Конечно, доминирующие дискурсы советского общества были демонстративно антизападными: «Правда» бранила (жестко, хотя и с ошибками) таких людей, как «пресловутый

¹ Я думаю, что эта практика, вероятно, основывается на убежденности в том, что вопросы являются знаком невежества (а также, конечно, в том, что дискуссия должна быть демонстрацией «знания как власти»).

² Страх того, что дискуссия и компромисс означают утрату личной автономии, может быть результатом аллергической реакции на принудительную принадлежность к «коллективу», с одной стороны, и странным пережитком советского восхищения «непримиримостью» — с другой. Как бы то ни было, я вспоминаю, как один западный бизнесмен говорил мне, исходя из своего опыта русской жизни, что если вертикальные линии коммуникации (директивы «начальников», отчетность и «руководство снизу» (up management) — озвучивание идей и нужд вверх по цепочке) работают хорошо, то горизонтальные — плохо. Я обнаружила, что мой собственный опыт свидетельствует о том же. В Британии не интересоваться согласием с определенной линией действия людей, которые являются равными тебе по статусу, считается авторитарным; в России, если ты ждешь, что люди, равные тебе по статусу, будут все время с тобой советоваться, твое поведение будет истолковано как контролирующее поведение, которое означает претензии на статус «начальника». Таким же образом, если два автора совместно вырабатывают общую позицию, то потребуется — контекстуально говоря, невозможное — отказ от позиции одного из них или обоих.

советолог Ричард Пайпс»¹, в то время как младшие научные сотрудники Академии наук составляли аннотированные библиографии «буржуазной науки». Однако конкретные ученые делали все, что могли (часто с немалым риском), для того чтобы прочитать работу, написанную западным специалистом, и, где возможно, процитировать ее. Точка зрения, согласно которой работа, написанная нерусским ученым, является просто незначимой, едва ли была уместной: работа или требовала разоблачения, или привлекала именно тем, что в ней высказывалась точка зрения, чуждая советскому мышлению, — как выход из тоннеля.

Ныне, однако, цитирование иностранной работы нередко ограничивается материалом общей теоретической, методологической или культурологической ориентации. В том случае, если обращают внимание на анализ русской культуры, сделанный иностранцем, реакции подчас свидетельствуют о полномасштабном «комплексе жертвы». Почти любое замечание может быть использовано как доказательство «русофобии». Я предвижу с трепетом, хотя и не без любопытства, тот гнев, который, вероятно, породит мой нынешний проект о городской идентичности в Петербурге, а кроме того, думаю, что какое-нибудь банальное наблюдение (например, что многие из наших интервьюируемых считают транспортные пробки одной из наиболее серьезных проблем нынешнего Питера) спровоцирует жалобы на предвзятость иностранцев и их непонимание, а также протестующие заявления, что ситуация в Лондоне и Нью-Йорке *гораздо хуже*.

Если прибегнуть к репертуару когда-то обязательного цитирования, можно сказать, что положение Российской академии наук с 1991 г. описывается формулой «шаг вперед, два шага назад». Однако ситуация не так проста. Прежде всего академический протекционизм является более распространенным вне России, чем иногда полагают. Не только в России сборники сообщений на конференциях часто заслуживают названия «братских могил». Требования, предъявляемые к тем, кто ищет работу, могут функционировать таким же образом, как публикации, необходимые в России для получения кандидатской степени, — как порождение однодневок. Подхалимские цитаты, а также поверхностное или своекорыстное обращение к работам других ученых является широко распространенной практикой, а интернационализм — отнюдь

¹ «С ошибками», поскольку Пайпс был не советологом, а просто наблюдающим за Россией историком, хотя и с необычайно высоким уровнем доступа в самые высокие правительственные сферы.

не вездесущим¹. Специалисты по иностранным культурам (а также дисциплинарные «интернационалисты» вроде антропологов) свободно могут читать работы «не-аборигенов», но это необязательно распространяется на тех, кто работает на материале «национальных» культур и кто сам обитает в пространстве этих культур.

Я поставила эксперимент — грубый, но показательный — «забив» слово «Шекспир» в интернет-систему индекса цитирования (Web of Knowledge Citations Index). Статьи, оказавшиеся на первом месте по цитируемости (от 15 до 31 ссылки со времени публикации) за 1970–2008 гг., появились только в англоязычных журналах («Shakespeare Quarterly», «English Literary Renaissance», «American Historical Review», «Genre», «Publications of the Modern Languages Association of America», «English Literary History»). Наиболее цитируемые публикации по-французски за этот же самый период насчитывают максимум пять позиций, то же самое относится к немецким публикациям. На перечисленные российские публикации ссылок нет².

Я не могу на самом деле вообразить, чтобы многие специалисты по Шекспиру в Британии прилагали бы усилия, дабы выяснить, что же их китайские коллеги пишут, скажем, о «Гамлете». Я, конечно, помню, что книга польского писателя Яна Кота «Наш современник Шекспир» была в списке чтения в старших классах в моей школе в 1970-е гг., однако это произошло благодаря тому, что режиссер Питер Брук сделал Кота знаменитостью десятью годами ранее (национальные театры часто оказываются более восприимчивыми к внешнему миру, чем национальные академии). Обнародование того факта, что Research Assessment Exercise (официальное обозрение научной продукции, производимой всеми британскими университетами) признало «международное значение» за большим количеством факультетов современных языков, чем факультетов английского языка и литературы, было встречено в прессе с из-

¹ Например, в недавнем (и во многих отношениях заслуживающем глубокого восхищения) американском исследовании по культурной истории 1920–1930-х гг. (я не буду уточнять, кто автор и какова тема, поскольку это просто пример общераспространенной практики) другие ученые, писавшие о данном предмете, регулярно трактуются как «воображаемые противники». В примечании автор использует выражение «arguing against» («спорить против»); быть может, решение «arguing with», «спорить с» людьми, работающими в той же самой области знания, заставило бы признать, что выдвинутые в исследовании аргументы легко совместимы с аргументами предполагаемых оппонентов, чья основная вина, кажется, заключается в том, что они не принадлежат к определенному научному кругу. Другим удивительным примером интеллектуальной узости является сборник статей о Санкт-Петербурге, в котором нет ни одного текста, написанного ученым, живущим в этом городе или вообще в России.

² См.: <[http://apps.isiknowledge.com/summary.do?product=WOS&qid=5&SID=Z29km2dcMjDGDDBMfcl8&search_mode=AdvancedSearch&formValue\(summary_mode\)=AdvancedSearch&page=2](http://apps.isiknowledge.com/summary.do?product=WOS&qid=5&SID=Z29km2dcMjDGDDBMfcl8&search_mode=AdvancedSearch&formValue(summary_mode)=AdvancedSearch&page=2)>.

девкой, однако разрыв на самом деле является естественным. Британские специалисты по европейским культурам хотя и нуждаются в том, чтобы печататься за границей; специалисты по британской истории, если они являются безрассудными интернационалистами, обычно смотрят в сторону американских журналов.

Конечно, система внутреннего рецензирования, широко распространенная в англоязычном мире, способствует как диалогу, так и справедливости. Компетентные рецензенты не только внимательно изучают аргументы и исправляют фактические ошибки, но также прилагают все усилия, чтобы авторы статей обращались к другим работам, написанным на ту же самую тему, и воздерживались от необоснованной хвалы в свой адрес. Это может делать и хорошо организованная система рецензирования редколлегиями, но некоторые черты внутригруппового поведения (тактичное обращение с обладающими высокой репутацией, чья идентичность не очень умело скрывается «слепой» системой рецензирования, предпочтительное цитирование союзников или тех, кто может написать рекомендательные письма и оказаться среди рассматривающих прошения на работу) почти невозможно уничтожить. «Протекционистские» практики проникают и в публичное рецензирование, а стандарты рецензий могут колебаться по иным причинам.

Конечно, рецензирование в России иногда является излишне агрессивным. Особенно прискорбно, когда очевидно, что рецензент не очень внимательно прочел книгу. Кажется, существует тенденция считать, что, поскольку истина иногда оказывается неприятной, все неприятные вещи должны быть истинными. Между тем острожный тон, принятый некоторыми британскими и американскими рецензентами, иногда стирает различия между действительно хорошими и посредственными книгами, поскольку формула «легкая похвала плюс несколько формальных критических замечаний» является широко распространенной. Рецензенты, которые на самом деле анализируют аргументацию или изучают доказательства, везде являются редкостью.

Можно также преувеличивать благотворность воздействия электронных средств связи на академический диалог. Интересно, что в мире англоязычной научной периодики значимость диалога уменьшилась (если она и была) за последние несколько лет, как показывает быстрый просмотр содержания ведущих журналов в области гуманитарных и социальных наук на JSTOR. Ключевое слово «дискуссия» (рубрика, обозначающая обмен мнениями между двумя или более людьми)

выдает около 280 номеров, 120 из которых приходится на период 1880–1940 гг. и 117 — на эпоху 1941–1980 гг. На время с 1981 г. и далее приходится только 43 позиции. Конечно, JSTOR весьма запаздывает в своих подсчетах (многие ведущие журналы не выкладывают номера за последние пять лет), и если начинаешь подсчитывать дискуссии, состоявшиеся в электронном виде, картина будет совершенно иной. Однако можно сказать, что облегчение доступа к обмену информацией через Интернет привело к падению престижа формализованных дискуссий, а не наоборот. То же самое можно сказать о значительном расширении газетного пространства, отданного под журналистские «комментарии» и многообразные формы «реплик» («talkback») наряду с традиционными колонками, редакционными статьями и письмами читателей. Преобладание резко выраженных мнений работает как громкий фоновый шум: чтобы быть в состоянии думать, от него нужно отвлечься.

Во всяком случае, честным кажется предположение, что онлайн-ресурсы просто способствовали интересу к межкультурной дискуссии, которая существует в академическом мире уже в течение долгого времени¹. Несомненно показательными и трогательными кажутся дебаты, которые развернулись в журнале Чикагского университета «Current Anthropology» в 1965 г. и которые были инициированы письмом токийского антрополога Эйчиро Ишида о различиях между европейской и американской антропологиями. Редакторы поясняют: «Пока письмо профессора Ишиды готовилось к публикации в “Current Anthropology”, оно было напечатано приватным образом и разослано авиапочтой во все антропологические ассоциации Европы. <...> Затем верстка с этими репликами была отослана нескольким американским антропологам» [European vs. American Anthropology 1965: 303]. Таким образом, были приложены колоссальные усилия, чтобы выстроить диалог, и появившиеся в результате реплики пришли из Голландии, Чехословакии, Норвегии, Германии, Швеции, Ирландии и Швейцарии, а также из США и Канады. Относительная простота международных обменов репликами в электронный век сделала их более частыми и плодотворными: я просто не могу представить себе, как можно проводить регулярные международные дискуссии, вроде той, что

¹ Конечно, диалог сам по себе стар, по крайней мере как Сократ, тогда как международный диалог восходит к истокам академического мира. Действительно, есть основания полагать, что XIX в. являлся отступлением от этого старого мира свободного обмена между «цивилизованными» индивидуумами, когда ученые-гуманитарии связывали свою легитимность прежде всего с изучением национального прошлого. См.: [Byford 2007].

устраивает «Антропологический форум», завися от частных публикаций и почты.

Кроме того, я думаю, что британский академический мир, во всяком случае, стал за последние два десятилетия более оживленным и гораздо более ориентированным на внешний мир. Вспоминаю, что на моих первых собеседованиях для получения постоянного места в 1980-е гг. вопросы «крутились» вокруг методики преподавания, используемой в конкретном месте (что я думаю об оксфордской «tutorial system», «системе консультаций» и т.д.)¹. Научные работы требовали, но их не обсуждали. Место очень часто получал человек, который в двадцать лет был у такого-то самым умным студентом (как говорили такой-то и сам кандидат), даже если он не закончил диссертацию и ничего не публиковал. Иными словами, места доставались клиентам влиятельных патронов. К началу 1990-х реальные достижения кандидата уже имели большее значение. Кандидат мог ожидать подробных расспросов по поводу концептуальных и практических импликаций его исследований и планов на будущее. Умение работать с другими академическими культурами также стало играть роль: несомненным плюсом оказались опыт по организации конференций и публикационная активность за пределами Англии. Десятилетие спустя для многих британских университетов приглашение на интервью и наем на работу кандидатов-небританцев стали чем-то вполне рутинным.

Сдвиг от «круга старых приятелей» (а в системе этих связей преобладали именно мужчины) к меритократическим и интернационалистским стандартам следует напрямую возводить к стратегиям финансирования. Над формализованными попытками оценки исследований повсеместно смеются, и не без причины: трудно не посмеяться над фразами вроде «глобальный фонд знаний» — «the global knowledge pool» (© Department

¹ Это классический пример своего рода «инсайдерской торговой операции» («insider dealing»), поскольку нужно учиться или работать в Оксфорде, чтобы знать, что означает этот термин. Термин обозначает «систему индивидуального преподавания» в оксфордских колледжах (по терминологии, принятой в Кембридже, «supervisions»), где студент или группа студентов встречается со своим преподавателем, чтобы обсудить с ним свою работу — как правило, курсовую или реферат, скажем от 5 до 15 страниц — и научную тему, изложенную в работе или выходящую за ее пределы. От тебя, конечно, ожидают, что ты скажешь о беспрецедентных преимуществах этой системы (хотя те, кто могли бы ответить на этот вопрос, не имеют опыта преподавания или учебы в других местах). «Правильным ответом», как я очень поздно обнаружила, является «это учит тебя аргументировать». В мои студенческие годы (1978–1982) у нас было всего пять членов факультета современных языков, которые обладали постоянным местом и при этом не были выходцами из англоязычного мира, на более чем 100 членов факультета вообще; в 2008 г. их было 20 на 100, прирост более чем на 400 %.

of Innovations, Universities and Skills, факультет инноваций, университетов и квалификаций — само по себе довольно смешное название). Однако тот факт, что высокие баллы при оценке исследований зависят от международных контактов и что международные связи стали важным путем получения грантов, заставляет институции отказаться от мысли о том, что Оксфорд, Кембридж, Эдинбург, Брайтон, Халл или что-либо еще являются центром мира.

Конечно, здесь тоже есть некоторые минусы. Связи, основанные на финансировании, могут быть искусственными и скрывающимися: тема может «выдохнуться» еще до того, как кончится грант, а может случиться и так, что человек, который не входил в первоначальный проект, напишет что-то более значительное, чем его участники. Задаешься вопросом о том, заслуживал ли на самом деле последний семинар потраченных на него денег, которые равняются годовому гранту для исследователя.

В выгодном положении — чтобы воспользоваться этими обмелами мнениями — оказываются прежде всего молодые ученые. Такие инициативы, как ньютонские стипендии (Newton Fellowships), которые дают Британская академия, Королевское общество и Королевская инженерная академия (оплачивающие в рамках постдокторских программ трехлетнее пребывание молодых ученых-небританцев на факультетах британских университетов), акцентируют важность международных контактов для молодых ученых, и это можно только приветствовать. Необходимо сказать, что финансирование подобных «сетевых схем» идет не за счет «индивидуального исследователя». Вполне возможно выстроить сотрудничество таким образом, чтобы исследовательский материал и финансирование являлись общими, а члены группы работали каждый над своей темой — модель, привлекательная для гуманитариев, если не для специалистов по естественным или социальным наукам.

Иными словами, перемен в академических культурах, которые оказывают прямое воздействие на качество и международный облик науки, можно добиться (и может быть, нужно добиваться) концентрацией на помощи научной деятельности, а не на количестве результатов (в смысле индекса цитирования и т.д.)¹. Я думаю, что воображаемому просвещенному бюрокра-

¹ Элементарная идея бихевиоризма заключается в том, что воздаяние является лучшим стимулом, чем наказание. Поэтому сказать людям, что они получают финансирование, если сделают X, логически должно оказаться более эффективным, чем урезывание их финансирования, поскольку им не удалось достичь X (или Y, Z, A, B).

ту, о котором писал в девятом номере «АФ» Михаил Соколов, следовало бы заняться поиском ресурсов для международного сотрудничества и диалога, а не беспокоиться о международном статусе факультетов русского языка и литературы, а также тем, как оценивать их деятельность¹.

Я уже отмечала, что одной из самых больших проблем российского академического мира является его изолированность, результатом чего становятся препятствия для открытого диалога. Международное сотрудничество не поможет попасть на «передний край» науки (чем бы это ни было и где бы ни находилось), однако оно по крайней мере сделает сообщество больше и многообразнее и столкнет людей, принадлежащих к разным академическим культурам, с альтернативными стандартами и способами поведения, включая иные практики сотрудничества и диалога, а также иные способы письма.

Если говорить о себе, я ценю серьезность, с которой научный обмен мнениями рассматривается в России, США, Германии и Франции, а также профессионализм дискуссий и академической подготовки. Благодаря контактам с коллегами я многому научилась. Однако я надеюсь, что некоторая доля способности импровизировать, изменять свою точку зрения при столкновении с аргументами, которые кажутся убедительными, а также представлять свои соображения в доступной форме (что характерно для британского академического мира в его лучших проявлениях) могут быть позаимствованы и другой стороной.

Мне хотелось бы закончить эту часть моих ответов, сказав, что я оптимистически смотрю на положение дел в российском академическом мире. Проблемы, конечно, остаются. К уже упомянутому можно добавить проблему в коммуникации между разными регионами внутри России и ощутимое варьирование стандартов между институциями. Кроме того, выходит слишком много публикаций, напоминающих по содержанию и стилю смертельную скуку советских научных журналов. Однако ситуация неузнаваемо изменилась по сравнению с той, которая была в мои студенческие годы, в 1980-е. Уровень интеллектуального разговора в книгах и журналах, выпускаемых неко-

¹ На самом деле в настоящий момент происходит прямо противоположное. Российские фонды поддерживают местных ученых, в то время как российские ученые, получающие гранты от западных фондов, считаются инструментами враждебных правительств, хотя финансирование — даже если источником его является государство (а в случае частных фондов вроде Форда или Макаруров это не так) — неизменно поручается инстанциям, которые оценивают заявки, исходя исключительно из научных соображений и на основе внутренних отзывов коллег. К тому же глобальный финансовый кризис, естественно, отрицательно влияет именно на финансирование обмена знаниями.

торами издательствами (из наиболее известных назову лишь «Новое литературное обозрение», «Новое издательство» и «Европейский дом»), оказывается самым высоким по любым меркам.

Мне кажется, что ощущение отсутствия фокуса и заинтересованности в дискуссии связано не столько с тем фактом, что некоторые публикации и доклады являются удручающе провинциальными (это можно найти везде), сколько с дезинтеграцией общих представлений о том, что заслуживает чтения и обсуждения. Ни один российский ученый на сегодняшний день не может претендовать на авторитет, который был, скажем, у В.Н. Топорова, и для поколений, которые были свидетелями того, что наука обладала весом именно благодаря господству бесспорных авторитетов, это говорит о значимых изменениях. Однако, быть может, хаотический плюрализм оказывается более совместимым с подлинно новаторской наукой, чем неприступный иерархический порядок. Сравнение ситуации в советской культуре 1920-х гг. с ситуацией 1930-х и 1940-х действительно заставляет так думать.

4

В британском и американском академических мирах контакты с ненаучным миром провоцируют часто немалую тревогу или даже недобрые чувства. Об этом свидетельствует редакционная статья, появившаяся недавно в американском журнале «Kritika», посвященная ряду историков России, ставших предметом немалого внимания со стороны средств массовой информации и получивших, как считается, очень большие авансы [Marketing History 2008].

Я думаю, что в дискуссиях подобного рода обсуждают одновременно целый ряд проблем, каждая из которых нуждается в том, чтобы о ней говорили отдельно. Модель неакадемической публикации, которая часто берется в качестве основы для размышлений, — это книга-блокбастер, посвященная сенсационной теме и публикуемая неакадемическим издательством. Подобная книга, как считается, приносит в жертву исследовательские стандарты ради высоких продаж и сулит автору большие деньги.

Между тем наиболее доходные книги, написанные учеными, часто не вписываются в эту модель. Несколько лет назад по Оксфорду в золотом «роллс-ройсе» развезжал человек, который был не историком-популяризатором и не биографом, а соавтором университетского учебника по химии, имевшего колоссальные продажи по всему миру. Гонорары, которые платят неакадемические издательства авторам-ученым за исследования по культурной истории, литературе и т.д., обычно не пре-

вышают двухмесячной суммы, которую получает заслуженный ученый, что едва ли достаточно для того, чтобы жить в течение года (не говоря уже о 2–3 годах, в которых нуждается даже плодовитый автор, чтобы написать книгу обычного объема).

Впрочем, как написание книги для неакадемического издателя не обязательно обогащает автора материально, так оно необязательно означает жертвование научными стандартами. Оно просто требует другой стилистики подачи материала. Ты должен аккуратно интегрировать в свой текст идеи из области культурной истории, а не цитировать Фуко и Делеза как Маркса и Энгельса, а также избегать стиля, который, как однажды незабываемо сформулировал мой приятель, «читается как перевод с русского, сделанный немцем, живущим в Калифорнии». Нужно избегать невротических полемик с учеными коллегами (или глубже закопать их в сноски), а также оставить в стороне похвальбу относительно оригинальности работы (кого это интересует?).

Конечно, расширение аудитории не является и не должно быть путем, ведущим к каждому читателю. Сложные идеи подчас должны быть поданы сложным языком. Существует опасность того, что люди просто будут озадачены тем, что разговор идет вне привычных клише. Я, например, обнаружила, что моя книга о детстве в России стала причиной немалой фрустрации для рецензировавшего ее журналиста, который просто не смог понять, в чем «смысл» всего этого. Я не говорила, что все русские дети ужасно страдали или что система их воспитания определила кошмарное положение в стране (оба постулата были привычно знакомыми линиями интерпретации). Поэтому он решил, что у меня вообще нет никаких идей. Подлинный импульс книги — стремление продемонстрировать центральную роль детей в модернизаторских кампаниях, проводившихся в России и СССР, а также последствия этого на уровне повседневной жизни — не был понят читателем, ожидавшим каких-то сенсационных мыслей, некоего ответа, данного раз и навсегда. Были, однако, и другие неспециалисты, которые позитивно реагировали на репрезентацию истории повседневности в духе «антихолодной войны». Поэтому, если хочешь найти умных читателей вне академического мира, а не попасть в газетные заголовки или заработать, писание для широкой аудитории не требует компромиссов.

В то же время взаимоотношения между писанием для неспециалистов и научной продукцией, вероятно, оказываются менее напряженными в Британии, чем в некоторых других академических культурах, отчасти из-за иного отношения к про-

фессионализму, о котором я уже упоминала. В Британии существует длительная традиция так называемых «джентльменов-ученых» (в действительности эта категория включала и довольно много «леди») — талантливых историков, литературоведов, решивших не вписываться в академический мир. Недавний пример — исследователь культуры Марина Уорнер, получившая место в университете, когда ей было уже за пятьдесят. Один ведущий британский медиевист перешел с исторического факультета в университете на работу очень высоко оплачиваемого адвоката; он сочетает обе профессии, сочиняя пользующиеся всеобщим признанием исторические работы в свободное время. Равным образом давно укоренившееся британское недоверие к «жargonу» также означает, что отношение к академическому английскому весьма варьируется. Если «бирмингемская школа» теоретиков культуры, таких как Стюарт Холл или Дик Хебдидж, была в целом склонна к герметичному и многословному литературному стилю (хотя профессиональные *litterateurs*, вроде Иейна Синклера, бросают сходный вызов ленивому читателю), «средний уровень» британской английской академической прозы близок литературной норме.

Я думаю, что ситуация является несколько иной в других академических культурах, например в России. Здесь научная легитимность кажется зависящей в гораздо большей степени от использования научного идиолекта, который не очень соотносится с литературным стилем в обычном смысле. И не удивляешься тому, что люди беспокоятся по поводу писания для широкой аудитории, если помнить о наследии советского «научпопа», который нередко исходил из того, что читатель не знает почти ничего. Тем не менее за последнее время издательства вроде тех, которые я уже упоминала, выпустили целый ряд книг, которые могут быть с пользой прочитаны умными читателями, не являющимися специалистами в данной области, что, конечно, к лучшему.

Мне лично нравится, что веселость и энергичность, которую можно найти в русской литературе, в эссеистике таких писателей, как Ходасевич и Лев Рубинштейн, мемуарах и дневниках, интеллектуальном разговоре и даже в некоторых блогах и форумах в Интернете, на сегодняшний день попадает по крайней мере в некоторые российские научные тексты.

5

Как член редколлегии «АФ», я, вероятно, оказалась бы вовлеченной в конфликт интересов, если бы стала детально комментировать, как журнал мог бы участвовать в дискуссии. Я просто замечу, что даже маргинальное участие в организации таких дискуссий дает подлинный умственный стимул

и возможность пересмотреть лелеемые нами установки. Если оглянуться на дискуссии в других журналах, прошедшие десятилетия назад, становится ясно: импровизированные комментарии всегда оказываются интригующими «мгновенными снимками» того, что люди думали в тот или иной момент, хотя и не могут приобрести статус классических характеристик положения дел в той или иной области. Однако если ты действительно хочешь поддержать диалог, может быть, стоило бы прибегать к практике, используемой во многих журнальных дискуссиях за пределами России, когда комментаторы отвечают не только на опросник, но и на реплики друг друга. И, наверное, можно было бы иногда оставлять в стороне опросник ради свободного обмена мнениями (на некоторых иностранных участников вопросы редакции производят впечатление своего рода подсказки, диктующей заранее то, что они должны сказать — хотя вопросы, понятное дело, должны задать фокус дискуссии, а не препятствовать ей).

Однако эти соображения являются вторичными. Главное заключается в другом: публикуете ли вы дискуссии, посвященные конкретным статьям или темам, парные рецензии, дающие диаметрально противоположные или просто разные точки зрения на книгу, материалы круглых столов или даже письма читателей, журналы могут влиять на качество научного диалога — что, к счастью, многие из них сейчас и делают¹.

Библиография

Byford A. Literary Scholarship in Late Imperial Russia (1870s–1910s): Rituals of Academic Institutionalization. Oxford, 2007.

European vs. American Anthropology: Discussion of a Problem Posed by Eiichiro Ishida // *Current Anthropology*. 1965. Vol. 6. No. 3. P. 303–318.

Marketing History // Kritika. 2008. Vol. 9. No. 3. P. 497–504.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

¹ Примеры западных славистических журналов, практикующих этот подход, — «*Kritika*» и «*Slavic Review*». Наиболее традиционно построенный славистический журнал, британский «*Slavonic and East European Journal*», который даже не публикует писем читателей, является наименее живым, хотя и включает великолепный рецензионный раздел.

ВЛАДИМИР КЛЯУС

1

Одна из давних дискуссий, точнее даже серия дискуссий, в которых мне приходится принимать участие уже более 20 лет, — это разговор о характере, методах, путях развития визуальной антропологии. Разговор об этом ведется по крайней мере с семинаров, которые когда-то организовывал Институт культурного и природного наследия в начале 1990-х. Об этом много говорилось на первых российских фестивалях антропологических фильмов в Салехарде, I Всероссийском конгрессе фольклористов, площадках Московского международного фестиваля визуальной антропологии и т.д. Казалось бы, тема рассмотрена со всех сторон и уже вроде бы и сказать участникам дискуссии нечего принципиально нового. Но то, что она еще не исчерпала себя, говорит и обращение «Антропологического форума» к ней (№ 7), и проведение уже после этой публикации целого ряда форумов, где вновь поднимался вопрос о визуальной антропологии, в частности — круглого стола, который был организован О. Бойцовой в рамках II Всероссийского конгресса культурологов в Санкт-Петербурге. Показательно здесь следующее: постоянно расширяющееся пространство этой дискуссии и ее участников, некоторые из которых занимают в ней определенную позицию, не высказывая какие-то свои конкретные представления о визуальной антропологии, а просто выдавая «продукт» (фильм, статью, монографию, доклад и т.д.), название которого как бы включает его в данную область науки. Науки в нашей стране, конечно, молодой, а потому дискуссия о ней не завершена. Еще немало антропологов, фольклористов, историков, культурологов, философов, режиссеров, кинодокументалистов поспорят друг с другом о ее сути.

Владимир Леонидович Кляус

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Москва
v.klyaus@imli.ru

Наиболее понравившаяся и запомнившаяся мне дискуссия, которая была организована

«Антропологическим форумом», — это дискуссия об этике полевых исследований. Благодаря высказываниям ее участников была получена достаточно широкая и многообразная картина того, как решается проблема этичности полевой работы в Америке, Англии, Индии и, конечно, в России. Преподавая в Учебно-научном центре социальной антропологии РГГУ, я занимаюсь организацией и проведением этнологической практики. На одной из них, в 2007 г., когда только-только вышел этот номер «АФ», мы буквально ежевечерне со студентами устраивали дискуссии по высказываниям, опубликованным на страницах журнала. Это было очень интересно: работая в поле, говорить и спорить об этике своих исследований! Сейчас я особенно понимаю, насколько это было важно для моих молодых коллег.

Очень важная для наших дней дискуссия, которая также ведется больше десятка лет, — о культурологии, ее предмете, методах и т.д. (один из последних ярких примеров — разговор, состоявшийся в мае прошлого года в Белых Столбах (Подмосковье) в рамках круглого стола, организованного Институтом культурологии и ИЭА РАН). Культурология в нашей стране имеет недавнюю историю, и в силу ее специфики и пограничности у нее огромный потенциал. Но как-то так получается, что культурология начинает пытаться поглощать науки, на стыке которых она возникла. Конечно, легче всего сказать: «Все, что относится к культуре (этнография, фольклор, литература, социальные институты и проч.), является предметом культурологии и областью ее интересов, а все остальные дисциплины — лишь частность». Но такой подход губителен для культурологов, точнее для их части, видимо, далекой от науки вообще.

Если говорить о дискуссиях в такой области, как фольклористика, которая мне, естественно, ближе всего, то, пожалуй, я мог бы отметить совсем недавно состоявшуюся (хотя также имеющую давние корни) дискуссию о систематизации заговорно-заклинательного фольклора. Организована она была А.Л. Топорковым (см. альманах «Традиционная культура». 2008. № 4), за что ему отдельное спасибо. Поднятые участниками дискуссии проблемы и вопросы, без сомнения, дают новый импульс для развития теории и практики систематизации фольклора в целом и заговорного жанра в частности.

2

Я готов с этим мнением поспорить, хотя, наверно, указанные причины имеют какое-то место. Относительно «традиции». Она разная. В отечественной гуманитарной науке до 1917 г. уровень культуры дискуссии был очень высок. В 1930–1950-е гг. дискуссии могли заканчиваться арестом, даже не начинаясь,

но позже были примеры ярких дискуссий по многим проблемам фольклористики, этнографии, истории и т.д. Мне повезло застать это время (тогда я только входил в науку), и я помню дебаты (правда, только в устной форме) по самым разным вопросам в Институте общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (ныне это Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН), за которыми мы, молодежь, следили с огромным интересом.

Сегодня дело, конечно, не только в загруженности и не только в расколотости. Ученый мир всегда был «загружен», и конкуренция в нем всегда была достаточно высока. Просто в последние годы культура дискуссии резко снизилась: она или продолжает «лучшие» советские традиции охаивания всего без разбора, или же просто отсутствует по причине конформизма. Все говорят о низком уровне защищаемых сегодня диссертационных работ. Это в первую очередь происходит по причине снижения уровня требований научного сообщества к этим работам, по причине снижения уровня их обсуждения. В то же время в нынешних экономических условиях научное сообщество понимает, что «заветный» диплом — это гарантия рабочего места, что порой просто дает возможность человеку как-то нормально жить, а не выживать.

3

Находясь последние два года на посту главного редактора альманаха «Традиционная культура», могу только подтвердить, что действительно интересных рецензий поступает мало, и очень мало. И даже не только относительно каких-то исследований, которые нужно критиковать, но и относительно достойных работ, которые представляют собой существенный вклад в науку. Большую роль, как мне кажется (и я уже отмечал это в ответе на предыдущий вопрос), играет конформизм. Но также, видимо, часто боязно обидеть автора какой-то работы, так как можно быть «наказанным» за это. Знаю это на своем примере. Когда-то давно я написал рецензию на один труд, по делу покритиковал автора. Причем по настоятельной просьбе своих старших коллег, которым показал свой текст, перед тем как отдать его в печать, я снял некоторые замечания. В итоге существует целая исследовательская область, безумно для меня интересная, в которую (как мне популярно объяснили) вход для меня закрыт и, видимо, надолго. К сожалению, у нас отсутствует культура адекватной реакции на научную критику.

Еще одна причина и, видимо, серьезная: сегодня исследователю трудно отыскать время порой даже для того, чтобы прочитать все выходящие по интересующей проблематике работы, не говоря уже о том, чтобы как-то отозваться на них. И тем не менее хорошие рецензии появляются. Одна из последних будет

опубликована в первом номере 2009 г. научного альманаха «Традиционная культура»: рецензия Т.С. Каневой на исследование В.Н. Калущкова и А.А. Ивановой «Географические песни в традиционном культурном ландшафте России» (М., 2006).

4

Конечно, все эти формы способствуют дискусионности. Чем больше их будет, тем лучше. Пожалуй, «кулуарные беседы» на конференциях — это часто не дискуссии, а просто обмен мнениями. Дискуссия должна иметь публичный характер, и именно в этом залог ее эффективности. Наверно, чтобы еще повысить ее уровень, умению вести дискуссию надо просто учить. Учить студентов! На семинарах, при защите курсовых, на специальных курсах источниковедческого характера и т.д. И тогда это, возможно, в будущем принесет свои плоды.

5

Особого различия в «национальных» традициях я не вижу. Различия есть в форме подачи, в форме ведения конференций, семинаров. По своему опыту могу сказать только одно: сначала замечаешь эту разницу, а потом соглашаешься с тем, что дискуссия может быть организована и иначе. Ведь дело не в принятой форме, а в содержании. Если она ведется корректно и доказательно, то это только на пользу всем сторонам, участвующим в обсуждении.

6

Академическая наука не является закрытой масонской ложей. Поэтому участие в ней «широкой публики» может иметь место и может быть весьма полезно для научного сообщества. В первую очередь это указывает на те стороны научного знания, которые востребованы обществом. И заведомый «бред», который кто-то может высказать по отношению к «академическим текстам», интересен как своеобразная оценка «научности» этого текста и характера его изложения.

Значение научно-популярных текстов вообще очень велико, но их мало. Не случайно Российским гуманитарным научным фондом (да, кажется, и Российским фондом фундаментальных исследований) объявлен конкурс на написание научно-популярных работ. Сказать же что-либо относительно их обсуждения в веб-форумах и открытых блогах не могу, так как их не читаю.

7

«Антропологический форум» и так делает все возможное, а может и невозможное, в этом направлении. Относительно других скажу следующее: дискуссии надо организовывать. В «Традиционной культуре» мы сейчас подняли такую тему, как характер и уровень научных конференций, проходящих в России (см. интервью с А.С. Каргиным в № 1 за 2009 г.). В этом году на страницах альманаха хотим обсудить с коллегами проблемы

преподавания фольклористики в высших учебных заведениях. Относительно рецензий: мы не только их ждем, но и специально заказываем у ведущих специалистов в нашей области науки. Не все, правда, соглашаются писать, ссылаясь на отсутствие времени.

Главное: наших специализированных научных журналов не так-то и много, но они реальное поле для дискуссий. Может быть, чтобы повысить уровень дискуссионности в гуманитарных науках, стоит собраться творческим коллективам журналов («Известия РАН. Серия литературы и языка», «Антропологический форум», «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Традиционная культура» и др.) и принять конвенцию о дискуссиях?

ГАЛИНА КОМАРОВА

1

Незабываемое впечатление произвела серия дискуссионных материалов, посвященная вопросам методологии в социологии, опубликованная в «Вестнике общественного мнения» [2008. № 96]. На мой взгляд, начатая журналом дискуссия имеет первостепенную важность не только для социологов и специалистов, интересующихся вопросами методологии в социогуманитарной сфере исследований, но и для всех, кого волнуют проблемы теоретико-методологической рефлексии в отечественной науке и беспокоит ее современное состояние в целом. Однако статьи М. Габовича, Дм. Шалина, Т. Ворожейкиной интересны не только типом поднятых проблем, но прежде всего способом их обсуждения. Парадокс заключается в том, что критические, местами даже жесткие тексты не только опубликованы в открытой, свободной авторской редакции, но посвящены критическому анализу и переосмыслению достижений и разработок известного и авторитетного научного коллектива «Левада-центра», рупором которого собственно и является журнал, предоставивший свои страницы столь достойным оппонентам.

Галина Александровна Комарова

Институт этнологии и антропологии
РАН, Москва
galakom@mail.ru

Подобная позиция журнала может вызвать у неподготовленного российского книгоочера определенную оторопь, но (что гораздо важнее) у всех читателей без исключения вызовет огромное уважение. Ведь только сильные и уверенные в себе профессионалы могут позволить себе такую открытость, переоценку своих общеизвестных достижений, предоставив критикам возможность свободно (без купюр) изложить весь свой аргументационный арсенал и свободно (без помех) соблюсти логические правила изложения и выводов. Подобный характер ведения дискуссии своей публичностью и аргументированностью выгодно отличает ее от таких разновидностей обсуждения научных проблем, как спор ради спора, схватка с целью победить любым путем (используя логические уловки, манипулируя понятиями, вводя собеседника в заблуждение и т.д.), псевдодискуссии с взаимными ритуальными комплиментами. Все они не стоят не только воспоминаний, но и упоминаний.

Честно пыталась вспомнить какой-либо пример столь же духоводъемной аподиктической дискуссии, состоявшейся в последние годы в нашем НЭС (научном этнолого-антропологическом сообществе), испытывая при этом острое патриотическое желание положительно ответить на первый вопрос анкеты. Даже обратилась за помощью к коллегам, однако мини-опрос не дал искомого результата. Общий вывод был таков: «Дискуссии закончились, когда ученые стали переходить на личности». Правда, некоторые еще помнят времена, когда общая либерализация общества в период перестройки затронула и этнографию, породив острые дебаты не только о ее статусе и объектах, но даже по поводу самого названия дисциплины. Именно в эти годы велось критическое переосмысление накопленного опыта и освобождение от советского идеологического наследия. Так что определенные дискуссионные традиции существовали даже в те годы, когда (по воспоминаниям известного этнографа Ю.И. Семенова) представитель Черемушкинского РК КПСС, критикуя научную деятельность Института, возмущался: «Я все понимаю, кроме одного: зачем ученому “отсебятина”». К сожалению, современное российское этнолого-антропологическое сообщество, невзирая на все традиции и изменения, произошедшие за последние двадцать лет, по-прежнему занимает периферийное положение не только в международных, но и в российских научных дискуссиях.

2

Все факторы, обозначенные редколлекгией «АФ» в качестве причин сложившейся ситуации, актуальны. Но прежде всего я бы выделила первый из них — раскол гуманитарного сообщества на «партии» и «фракции», когда дискуссии внутри пар-

тии считаются неэтичными, а между партиями — бессмысленными. Действительно, современное научное профессиональное сообщество ныне не только расслоено, но скорее даже атомизировано и разбито на группы и группки. Сами эти группы выражены слабо: старые постепенно разваливаются и исчезают; новые создают «свой» круг и держатся за «своих». Poleмики, как правило, нет ни внутри них, ни между ними, поскольку нет серьезных идей и научной одержимости, нет дискуссий, нет вопросов: среди «своих» их у нас не принято ставить. Между тем истинная наука начинается именно с вопросов и сопровождается постоянными дискуссиями.

К тому же современная российская этнология испытывает большие трудности в конструировании собственного дисциплинарного поля и не без труда отвоевывает свое место в постоянно меняющемся научном мире, где с ней конкурируют смежные науки. В результате отечественная этнография/этнология/антропология, как и все гуманитарное знание в целом, переживает сегодня глубокие внутренние трансформации, которые в полной мере проявляются и на поверхности академической жизни: в смене поколений, интеллектуальных ориентаций, исследовательских парадигм, языка науки и т.д. В такой ситуации трудно приходится всем тем, кто предан науке, тем, для кого она образ жизни, а не способ карьерного роста или обывательского выживания в период кризиса.

Трудно молодым исследователям, даже самым динамичным и открытым, начинать свой путь в науке, не имея в научном мире не только твердых позиций и достойного материального обеспечения, но и настоящих научных лидеров — ученых, которые по собственному разумению формируют свой исследовательский мир, выбирают свой путь в науке, а потому могут служить образцом для других и повести их за собой. Сложно всем слоям и группам, но среди них сложнее всего ученым старшего поколения. С одной стороны — глубоко укоренившиеся догмы и стандарты (ведь даже в собственной работе не просто привычное «мы» сменить на «я»); с другой — совершенно изменившаяся жизнь и ощущение, что говорить тебе не с кем. Новые люди живут в другом мире, им твои разговоры, опыт и то, что было там, в советском прошлом, не нужно.

В итоге научное сообщество утрачивает свою роль в поддержании устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри НЭС, сохранении его «ядра» и упускает возможности дискуссии, глубокого переосмысления дисциплинарных основ, оформления новой четкой дисциплинарной программы, выработки стратегии с целью упрочения идентичности своей дисциплины в современном российском научном мире.

Смена поколений, а вместе с ней и интеллектуальных ориентаций в профессиональном сообществе в периоды общественных кризисов также процесс сложный и болезненный. В итоге: «Время — без героя, наука — без дискуссий».

Вторую причину, обозначенную редколлегией «АФ», позволю себе несколько отредактировать, убрав из текста такой фактор, как «лень» (лично я не знаю ленивых ученых, или же это не ученые!) и добавив в качестве причины сложившейся ситуации еще одно обстоятельство. Это бесконечное реформирование российского общества в целом и реформа науки в частности, которая не способствует, а мешает проведению научных дискуссий. На мой взгляд, для наук о человеке, например, оптимально и просто необходимо спокойное, устойчивое развитие общества, когда внешний социальный контекст способствует, помогает тому, чтобы человек обратился к познанию самого себя. Бесконечные перестройки, реорганизации, забюрократизированность науки, постоянная угроза сокращений, наконец, мало способствуют проведению дискуссий, как внутрицеховых, так и с реформаторами по поводу государственной научной политики.

3

Отмечу лишь одну из множества причин падения престижа и уровня научного рецензирования. Это упрочение и расширение теневых отношений в сфере современной науки, расцвет т.н. «теневой науки». В отечественной традиции вслед за В.А. Бажановым принято определять теневую науку «как деятельность представителей научных сообществ, микросоциумов (входящих в них по формальным или содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм — правовых, этических и т.д., которые регулируют научную жизнь». Еще в 1991 г. этот (тогда казанский, ныне ульяновский) исследователь отмечал снижение уровня морали и смещение представлений о том, что считать нормой, а что — антинормой в отечественном научном мире. Он расценивал проявления саморецензирования, подписывания рецензий без чтения соответствующих работ и т.п. как патологию, а ученого, направо и налево раздающего «холостые» отзывы и рецензии, — как злостного нарушителя научной этики. Сегодня ослабление этических норм в российском научном сообществе и рост теневой науки отмечают уже многие исследователи.

И это неудивительно. Ведь всякое общество и характерные для него формы нарушения моральных принципов порождают и соответствующий вид нарушения научной этики, а значит — и свои формы теневой науки. Характер теневой науки в разных

обществах постоянно мимикрирует и меняется с течением времени, особенно обостряясь в эпоху перемен. В вашем журнале уже отмечалось, что «наука — это одновременно и профессиональный, и экзистенциальный проект, на который оказывают воздействие стимулы и раздражители по обе стороны». И при этом, как считает А.Л. Елфимов, «процессы в науке, как и в любой другой сфере, опосредованы процессами в повседневности в гораздо большей степени, чем мы иной раз позволяем себе представить».

Действительно, для российской теневой науки, особенно возмужавшей в последние 15–20 лет, характерны резкое увеличение количества сегментов, бесконечное разнообразие форм, расширение, размывание границ, а главное — «экстремализация» и «социализация» ее в целом. Например, общеизвестно, что статус науки и ученого в стране за последние 15–20 лет значительно упал, однако популярность ученых степеней растет. Численность ученых в России постоянно сокращается, а количество защищенных диссертаций, по данным ВАК, неуклонно увеличивается. При этом эксперты отмечают стремительный рост рынка заказных диссертаций. Согласно статистике Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, 20–30 % от общего количества защищаемых в год диссертаций — это работы, написанные за деньги. Они особенно популярны среди российских бизнесменов и политиков. В эту преступную деятельность втянут крайне узкий круг представителей научного мира. Между тем оплаченные тексты диссертаций, статей и их публикация в журналах т.н. «ВАКовского списка», журнальных рецензий на них, заказные отзывы оппонентов и ведущих организаций и весь процветающий рынок заказных услуг в сфере науки вряд ли способствуют улучшению положения в области научной критики.

К счастью, «диссертации под ключ» в области этнолого-антропологической науки малопривлекательны для вненаучных элементов. Тем не менее сегодня, когда вновь, уже который раз в своей истории, наука вынуждена пересматривать свою роль и предназначение в человеческом обществе, несомненно, что лишь профессиональный этос способен не только сплотить научное сообщество, защитить его от политиканства и парананучности, но и способствовать тому, чтобы теневая наука не стала нормой и не диктовала стиль и образ жизни отечественного ученого.

4

В ответе на этот вопрос не могу не сослаться на Г. Коллинза, утверждающего, что даже если ученый вовлечен в интенсивный обмен публикациями, релевантная информация поступает к нему, как правило, посредством межличностного обще-

ния. Думаю, что даже самый достойный, авторитетный и (обязательно) опытный рецензент, эксперт, руководитель проекта, научный руководитель, свято следуя завету «Текст — это всё!», пытается читать между строк, стремясь понять, что текст представляет собою «на самом деле». Так, для отечественного представителя социогуманитарной науки высокорелевантным аргументом могут служить, например, принадлежность к той или иной научной школе, публикации в том или ином журнале. Я, в частности, больше доверяю ученому, пусть лично незнакомому, но известному мне по публикациям в «АФ», «НЗ», «Ab Imperio», нежели публикующемуся в некоторых (пусть и «ВАКовских») журналах. И в то же время считаю малоинформативными такие характеристики автора текста, как место работы, защиты, пол, возраст, этническая идентификация и т.п. Однако, считая прения, «кулуарные беседы», разного рода рецензии, форумы, обсуждения в Интернете в целом источниками высокорелевантной информации, затрудняюсь сказать, влияют ли они на уровень дискусионности и можно ли их сделать более эффективными.

5

Современный процесс глобализации научного мира настолько многосложен и противоречив, что мог бы послужить темой отдельной дискуссии. Естественно, сегодня останутся за скобками многие составляющие этого процесса. Например, животрепещущая проблема интеграции отечественной науки в мировую науку, в частности, весьма распространенное в академической среде мнение о том, что «чем меньше мы интегрированы в западную науку, чем меньше похожи на нее, тем больше у нас шансов создать нечто, что будет замечено ею». Конечно же, у глобализации научного мира существуют не только положительные, но и малопривлекательные стороны: «научный империализм», «интеллектуальное рабство» и т.п.

Однако для оживления дискусионного поля отечественной науки, на мой взгляд, огромное значение имеет такой важный и, безусловно, позитивный аспект глобализации научного мира, как все расширяющийся поверх всех государственных и национально-культурных барьеров обмен научной, социокультурной и иной информацией. К счастью, примеров тому в российской современности (пока) множество. Лично я всячески приветствую «глобализацию» научного мира с «ушакинским» лицом: многолетний, регулярный, многогранный, информационно богатый, полезный, интересный мониторинг Сергея Ушакина. Он один насыщает, «ионизирует» атмосферу антропологического (социогуманитарного) научного мира больше, чем какой-либо целый институт информации по об-

шественным наукам. Он не только способствует обмену информацией научного, лично-бытового, социокультурного, экономического и другого характера, обмену опытом, но и помогает лучшему взаимопониманию исследователей постсоветского пространства, сохраняя и соединяя осколки советского культурного пространства, способствуя созданию нового коммуникационного пространства. Понятно, что исследование современного мира, в котором существует бесчисленное множество культур, сфер деятельности, социальных практик и т.д., подразумевает разнообразие позиций, подходов, взглядов, дискурсов.

Я прекрасно осознаю, что мечта о едином коммуникационном пространстве, где царит всеобщее взаимопонимание, несбыточна, но считаю, что любые попытки его создания полезны и важны для отечественного научного сообщества. Они важны по ряду причин. В частности, даже исходя из того, что каждый научный подход и дискурс являются автономными, что никаких «метанарративов» не существует, нельзя не заметить, что современные отечественные научные коммуникации устроены слишком своеобразно и порой даже экзотично. Они настолько локальны и ограничены «своим» кругом и подходом, позицией конкретных личностей, что не желают, не нуждаются и даже избегают каких-либо нововведений — новых теорий, проектов, подходов, их обсуждений, полемики, дискуссий; поляризации своего коллектива, ярких «непослушных» учеников.

Между тем расширение информационного пространства необходимо для любого научного сообщества, прежде всего для того, чтобы суметь профессионально оценить результаты своего труда. Не секрет, что сегодня отдельные индивиды, слои, группы, представляющие даже одно научное направление, порой не знают друг о друге и не «пересекаются», не слышат и не слушают друг друга, тем самым утрачивая основное, что характеризует научное сообщество: во-первых, обмен результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию научного знания, т.е. обратную связь, столь необходимую в научном творчестве; во-вторых, объективную оценку результатов своего научного труда. К сожалению, наряду с появлением в отечественной науке в последние годы разнообразных исследовательских подходов, значительная часть российских этнологов по-прежнему придерживается эссенциалистских воззрений. Однако мне известны случаи, когда под влиянием ушакинского информационного посыла самые замшелые эссенциалисты начинают, например, интересоваться взглядами Бурдые, изучают Годелье, узнают, что НЛЮ нужно

искать не в темном небе, а на книжной полке и т.д. *Gutta cavat lapidem!*

Вряд ли стоит однозначно утверждать, что глобализация научного мира влияет на научные дискуссии, как дрожжи на процесс брожения. Однако в процессе глобализации научного мира уже заложен определенный конфликтный потенциал, что ведет к ответной реакции на нее и его поляризации. Ответная реакция здравомыслящих людей на любые изменения — это стремление к самосовершенствованию и самоутверждению. Ответная реакция других — категорическое неприятие глобальных изменений. Перемен не боятся, на мой взгляд, профессионалы. Ведь они, как правило, не являются пассивными наблюдателями. Они творцы, а не зрители, и понимают, что, внося свои коррективы, можно выиграть и занять равноправное положение в ряду других. А вот человеку, утратившему опору, психологически дезориентированному, трудно найти адекватные ответы на вызовы глобализации. Подобная поляризация, думается, может послужить росту дискусионности в современной науке.

Нельзя не отметить, что в современном научном мире складывается следующая парадоксальная ситуация: чем теснее и интенсивнее связи ученых, тем более многообразным, более мозаичным и интересным становится научное сообщество. Происходит одновременно и глобализация, и локализация, своего рода «глокализация» (Дж. Комарофф). С одной стороны, наблюдается органическое единство мирового научного сообщества, а с другой — плюралистическое сосуществование разных «национальных» академических традиций, защита их своеобразия. Думаю, что глобализация научного мира таит в себе и новые возможности, и новые риски, но на современном этапе развития российской социогуманитарной науки она необходима.

Мое непосредственное общение с рецензентами в США, Израиле, Японии, Австрии носило в основном позитивный характер. Особенно яркий и полезный опыт издания/рецензирования своих работ я имела в Японии. С одной стороны, запомнились уважительное отношение к автору и безоговорочное соблюдение авторских прав, трепетное отношение к авторскому тексту и искреннее стремление довести его «до идеала» путем использования самых современных технологических возможностей, а главное, мощного штата научных и технических редакторов, переводчиков, корректоров, фотографов, компьютерщиков и других высококлассных профессионалов. С другой стороны, прежде чем стать «избранным» автором и получить право публикации, необходимо пройти несколько

кругов строжайшего, скрупулезного рецензирования на всех этапах жизни текста. В частности, получив предложение и разрешение на участие в научном мероприятии с докладом, его тезисы необходимо предварительно обсудить с руководителем научного семинара, секции, конференции и т.д. После выступления, имея заключение модератора заседания, пройдя дискуссию по теме доклада, получив решение ученого совета о возможности публикации, следует переработать его в статью, требования к которой оговариваются заранее. Затем начинается основное многоэтапное рецензирование. Текст получает две-три анонимные рецензии независимых экспертов. Редактор издания присылает автору их копии, сопроводив их своим обстоятельным заключением, в котором комбинирует все внешние отзывы, дает свои комментарии, тщательно объясняя логику своих решений, предложений и рекомендаций.

В целом известные мне иностранные практики рецензирования и дальнейшего редактирования текстов, независимо от принадлежности их авторов к той или иной национальной традиции, отличаются конструктивным характером критики и заботой о престиже как рецензента, редактора, издателя, так и автора. Все это позволяет мне считать, что опасности конфликтов из-за столкновения разных «национальных» традиций в процессе рецензирования нет. Напротив, «равновеликие» специалисты, как правило, понимают друг друга с полуслова и находят общий профессиональный язык, независимо от принадлежности к разным «национальным» традициям. В этом смысле гораздо больше сложностей таит общение с нашими отечественными или с «бывшими нашими» зарубежными рецензентами и редакторами.

6

Ответ на этот важный и многоаспектный вопрос можно свести к тому, чтобы выяснить, насколько «широкая публика» способна участвовать в дискуссиях по научным проблемам, т.е. готова представить действительно научное знание грамотно, не исказив и не потеряв его научную суть. К сожалению, большинство современных СМИ, веб-форумов, открытых блогов перенасыщены квазинаучным знанием и транслируют мифы, не совместимые с научными данными. А любая попытка обсуждения академических текстов ведется в них по законам журналистики в лучшем случае, а чаще — просто в «уличном» формате. Однако это не означает, что следует полностью отказаться от обсуждения научных проблем с участием широкой общественности. Решение этой проблемы требует активной и постоянной просветительской деятельности научного сообщества, прежде всего — кропотливой и разумной работы с представителями СМИ.

ИВ ЛЕВИН

2

Я не могу согласиться с тем, что научные дискуссии «отсутствуют». Данное высказывание предполагает, что «когда-то» ученые прилежно включались в своих печатных работах в научный обмен по поводу широкого спектра существующих интерпретаций с интеллектуальным смирением и открытостью. Этого золотого века никогда не было. Когда я читаю старые номера журналов, включая тот, который сейчас редактирую («The Russian Review»), я вижу тот же самый уровень участия, что и в прошлом. За исключением статей, цель которых заключается в обозрении текущего состояния знания по данной проблеме, авторы всегда выделяют основные вехи в изучении того или иного вопроса, а затем переходят к своим собственным соображениям. И это не обязательно плохо. Когда авторы пускаются в подробные, пункт за пунктом, опровержения существующих точек зрения, они могут доказать, что их предшественники ошибались, но им не удастся выстроить связную альтернативную концепцию. Чтобы оставить достаточно места для полноценного представления своих собственных находок, ученым часто необходимо отказаться от подробного анализа альтернативных позиций.

И тем не менее, как показывает вопрос, ученые испытывают дискомфорт по поводу уровня научной дискуссии. Почему? Я бы назвала следующие причины:

а. Увеличивающееся количество работ, которые заслуживают упоминания. Новые работы появляются каждый год, при этом старые сохраняют свою ценность. Благодаря новым электронным средствам, особенно библиографическим базам данных, а также онлайн-доступу ко все большему числу старых и новых материалов, у нас остается все меньше оправданий, если мы не рассматриваем работы весьма старые и совсем

Ив Левин (Eve Levin)

Университет Канзаса, Лоренс, США
evelevin@ku.edu

новые. По мере того как постмодернистские вызовы власти литературного канона становятся частью нашего сознания, мы становимся все более разборчивыми по поводу упоминания одних работ и исключения других. Конечно, мы до сих пор делаем выбор, цитируя «великих». Однако сегодня наши «великие» — это мэтры критической теории и ведущие современные исследователи, а не русские ученые императорской эпохи, которых цитировали предшествующие поколения.

b. Стремление к оригинальности. От каждого ученого требуется новаторский вклад в наши знания. Однако большинство ученых не порождает по-настоящему новых концепций и не открывает новых тем, никем до них не исследовавшихся. Для того чтобы выделить нашу собственную работу, мы можем или игнорировать сходные работы, или преувеличивать степень наших отличий от этих исследований. В обоих случаях подлинный диалог с идеями других ученых не возникает.

c. Наше желание доказательств «значительности». Признаюсь в том, что сама предаюсь этой эгоцентричной практике, общераспространенной среди всех ученых: как только я получаю новую книгу или статью, написанную в моей области, я сразу же смотрю на то, перечислены ли мои публикации в примечаниях и библиографии. Цитирование стало профессиональной вежливостью, а также формой профессиональной помощи. В 1990-х гг. американские университеты начали экспериментировать с индексом цитируемости как средством оценки продуктивности преподавательского состава, поэтому цитирование публикаций друзей стало инструментом их академического успеха. В то же время академические авторы обладают меньшей мотивацией цитировать работы ученых, не принадлежащих к их собственному кругу. Русские стремятся цитировать русских ученых; американцы — американцев и канадцев (а также других англофонов). Это происходит несмотря на то, что знание иностранных языков у нынешнего поколения ученых стало намного лучше, как и гораздо выше стала доступность публикаций друг друга.

d. Обеспокоенность по поводу того, что обсуждение научной работы других может быть истолковано как критика. Мы боимся не только того, что коллеги, которых мы ценим, могут обидеться, но и того, что их академическое начальство может использовать наши слова против наших коллег. Многие из нас видели и видят, что комиссии по научному продвижению цепляются за негативные высказывания, чтобы вынести отрицательные решения: «Работа доктора Икс не пользуется всеобщим признанием». В культуре выхваченных из контекста цитат одна придиричивая фраза может заслонить многостраничную

похвалу. Большинство из нас не желает быть ответственными за то, что непреднамеренно разрушили карьеру коллеги.

В целом все эти опасения мешают жесткому разговору в печатной форме, хотя мы и цитируем все большее число работ.

3

Рецензии можно разделить на два типа: 1) обычно появляющиеся в научных журналах оценки опубликованных книг; 2) внутренние рецензии на рукописи книг и статей; их читают только редакторы и авторы. Оба типа рецензий играют ключевую роль в «контроле за качеством» академической печатной продукции.

Рецензии на опубликованные книги провоцируют разговоры в академической среде. Рецензия обычно состоит из краткого пересказа содержания книги, после чего следует разговор о сильных и слабых сторонах исследования. Рецензия может пробудить интерес к книге или наоборот; печатные отзывы могут способствовать карьере автора или помешать ей. Рецензенты инициируют дискуссию об идеях автора, однако предполагаемой аудиторией являются будущие читатели, а также профессионалы, которые на самом деле не читают книгу, но нуждаются в том, чтобы ориентироваться в происходящем в их области знания.

Автор, который является основным объектом обсуждения в рецензии, редко обладает возможностью ответить. У этого есть логичные основания: представьте себе сложность рассылки всех рецензий до публикации авторам рецензируемых книг и сбора всех ответов к сроку публикации! Кроме того, едва ли найдется автор, который удержался бы от того, чтобы опровергнуть каждое критическое замечание. Некоторые авторы будут настаивать на том, чтобы негативные или даже недостаточно комплиментарные рецензии не публиковались вовсе. С американской стороны Атлантики академическую критику трудно так уж запросто назвать «наветом» — американские законы требуют от «жертвы» доказать не только факт клеветы, но и наличие материального ущерба. Однако британское право, напротив, требует, чтобы человек, который делает заявление, мог доказать его истинность. В этом контексте, если автор книги высказывает возражения по поводу допечатной версии рецензии, он может угрожать журналу, редакторам и издателю преследованиями за диффамацию. Многие редакторы в этом случае откажутся от публикации рецензии. Так, в «The Russian Review», американском журнале, который выпускает британский издатель, мы не посылаем рецензии авторам до публикации. За годы мы получили горстку писем от обеспокоенных британских авторов с возражениями против рецензий и требо-

ваниями опровержений. Вместо этого мы предлагаем обиженным британским авторам ту же самую возможность, которую предоставляем американским (а также всем остальным): мы опубликуем письмо к редактору вместе с ответом рецензента. Обиженные авторы обычно приходят в себя — даже если результатом этого станет еще большее внимание к неблагоприятной рецензии.

Более пространные и подробные рецензии могут увеличить собственную ценность, способствуя академическим дебатам. Однако с издательской точки зрения, пространные рецензии мешают полноте обзора выходящей литературы. В «The Russian Review» мы печатаем рецензии небольшого размера, чтобы опубликовать их побольше. Обычно в течение года мы обзреваем более 130 новых книг, включая большую часть англоязычных публикаций по русистике. Благодаря этому читатели гарантированно знакомятся с широким спектром новых научных работ. Однако поскольку большинство рецензий не превышает 1000 слов, они не входят в детали относительно содержания книг и почти не сопоставляют книги с существующей литературой. Другие журналы, и прежде всего «Kritika», фокусируются на меньшем количестве рецензий, которые более глубоко освещают вклад того или иного исследования в науку. Редакторы журнала «Kritika» и я, мы рассматриваем наши функции в качестве взаимодополнительных.

Второй тип рецензии, внутренний отзыв, является важным проявлением академического диалога. В этих отзывах авторы получают (в идеале) прямой, откровенный комментарий на свою работу и соответственно имеют возможность внести исправления в рукопись. Редакторы часто добавляют свои собственные комментарии и помогают авторам разобраться в (иногда) противоречивых советах, которые содержатся в отзывах. Однако рецензии этого типа инициируют очень ограниченный научный диалог, поскольку в него включены лишь автор, 1–3 рецензента и небольшая редакция (или один редактор). Традиция сохранения анонимности авторов и рецензентов, необходимой для того, чтобы сделать процесс рецензирования честным, еще больше сужает рамки дискуссии.

Внутренние отзывы — вместе с экспертным редактированием — порождают «добавочную ценность» академической печатной продукции. В век Интернета кто угодно может писать и распространять свои сочинения, размывая границу между «опубликованным» и «неопубликованным». Среди сотен, даже тысяч единиц, которые выдает Google, как разобраться серьезному ученому в том, что является надежным, а что — нет? Внутренние отзывы дают меру гарантии качества публикации.

4

Уровень дискуссии на академических форумах широко и многообразно варьируется. Все мы посещали и те сборища (лично или в киберпространстве), которые были замечательно стимулирующими, и те, которые были тратой времени.

В идеале конференции, семинары, онлайн-обсуждения и т.д. способствуют обмену среди участников поверх институциональных, национальных и поколенческих границ. Исходя из своего опыта скажу, что отбор участников является ключом к успеху:

а. Нужно приглашать ученых, которые занимаются разными аспектами одной и той же темы. Когда у всех участников одни и те же научные интересы, каждый может выдать что-нибудь связанное и что-то существенное для себя взять у коллег.

б. Необходимо включить двух-трех «аутсайдеров» — признанных ученых, занимающихся связанными по касательной областями, — в качестве комментаторов, задающих вопросы и предлагающих новые подходы. Подобные визитеры могут задать беспрецедентные вопросы, а также предложить альтернативные аналитические модели и концептуальные подходы.

с. Нужно выбрать заинтересованных участников. Тот, кто появляется только для того, чтобы прочитать доклад и исчезнуть навсегда, едва ли будет способствовать диалогу. Стимулирующими научные заседания делают те ученые, которые готовы дать все, что могут, и взять все, что могут, из мероприятий.

В идеале конференции, семинары, онлайн-обсуждения и т.д. способствуют атмосфере взаимоуважения, когда даже критические замечания делаются в контексте признания значимости ученого. Исходя из моего собственного опыта, структура встречи весьма влияет на создание комфортной для академического обмена атмосферы:

а. Когда участники предоставляют тексты своих докладов заранее, фокус перемещается от доклада к обсуждению. Реакцией аудитории может стать более осмысленная оценка, а не первые впечатления от доклада.

б. Когда программа является не слишком плотной, у участников появляется больше возможностей глубже обсудить затронутые проблемы. На многих конференциях дискуссии, возникающие за едой или во время прогулок, оказываются не менее интересными, чем на заседаниях.

с. Модераторы дискуссии должны вторгаться в ее ход. Если дискуссия начинает превращаться в полемику только между двумя участниками или становится однообразной, можно пе-

рейти к другим проблемам. Модераторы должны следить за тем, чтобы все участники имели шанс высказаться — особенно те, кто робок по характеру, занимает менее высокие позиции по академическому рангу или не очень уверенно чувствует себя из-за языка, на котором ведется дискуссия.

Вообще те из нас, кто обладает высоким научным статусом, могут научить более молодых коллег и студентов образцовому поведению во время дискуссии. Мы можем с жадностью искать возможности интеллектуального обмена с широким кругом ученых (и не ученых) на многих этапах карьеры. Мы можем демонстрировать, как не соглашаться, не становясь при этом нелюбезными. Мы можем показать, как высказывать критические замечания, желая помочь, и принять критику в таком же духе. Мы можем изменить свою точку зрения, не боясь показаться неуверенными. Мы можем с благодарностью признать наши интеллектуальные задолженности и сдержанно говорить о своих достижениях. Когда я только начинала свою профессорскую карьеру, у меня была привилегия — передо мной был Аллан Уайлдмен, образец, сочетавший все эти добродетели.

5

Расширение возможностей электронных средств связи, вкупе с затиханием борьбы идеологических политических блоков, сделало возможным беспрецедентную степень глобальной коммуникации. Хотя журнал, который я редактирую, называется «американский ежеквартальник», за последние двадцать лет ему удалось привлечь вполне международную аудиторию, а также все более и более международный состав участников. На сегодняшний день обычным делом является, когда автор статьи, каждый из двух рецензентов и редактор живут на разных континентах и, тем не менее, каждую минуту могут связаться друг с другом.

Я не различаю национальные стили в типах научных дискуссий, возникающих в контексте журналов. Хотя одни рецензенты книг и статей являются откровенно жесткими, а другие — мягкими, нет строгой корреляции между национальностью и стилем дискуссии. Некоторые авторы принимают советы с благодарностью и включают их во всей полноте в свои рукописи, другие раздражаются и упрямо спорят даже с критикой по мелочам. Оба типа встречаются среди представителей всех национальностей, с которыми я сталкивалась. Верно, однако, что ученые из бывшего Советского Союза подчас неверно представляют себе компетентность западных специалистов и дают для публикации статьи, написанные на уровне «научно-популярной» литературы, что слишком элементарно для нашего читателя.

Различия академических традиций становятся более зримыми на уровне персональных контактов. На международных конференциях я встречала некоторых восточноевропейцев, которые читали свои доклады в два-три раза быстрее нормальной речи, надеясь уложиться в отведенные 15 минут. Лишь немногие из иностранцев, присутствовавших в аудитории, могли понять материал доклада, прочитанного с такой скоростью, а остальные, соответственно, упускали возможность оценить идеи говорившего. Европейские модераторы кажутся более почтительными по отношению к слушателям, обладающим высоким научным статусом, и предлагают в первую очередь высказаться и задать вопросы именно им, тогда как американцы предоставляют слово первому пожелавшему. Американские маститые ученые стремятся быть более доступными, готовыми обсудить предмет даже с начинающими студентами. Американские студенты могут вести себя слишком неформально, ожидая, что с ними будут готовы на равных вступить в диалог, даже если они еще не приобрели достаточных знаний, чтобы полноценно участвовать в обсуждении.

6

Будучи преподавателем в университете, который является общественной собственностью, я признаю обязанность ученых заниматься не только просвещением друг друга, но и населения в целом. Вдобавок к публикациям, предназначенным для нашего собственного образования, мы должны также искать способы рассказать о наших открытиях обществу. В противном случае мы рискуем уступить эту роль дилетантам, искажающим наши идеи. Что представляется еще более серьезным — мы рискуем упустить возможность донести наши научные штудии до обычных людей, которые (как налогоплательщики) финансируют наши исследования.

Многие ученые овладели жанром «публичной лекции», где они представляют на университетском уровне изложение какой-то темы для аудитории образованных людей, не принадлежащих к академическому сообществу. Обычно лекторы позволяют аудитории задавать вопросы после лекции. Однако диалог оказывается односторонним; представители публики задают вопросы, а ученый эксперт авторитетно на них отвечает. Цифровые средства предоставляют ученым новые возможности выйти к широкой неакадемической публике, и постепенно число веб-сайтов, которые делаются экспертами, увеличивается. Однако ученые, понятное дело, неохотно пишут для электронных энциклопедий и справочников, вроде Википедии, поскольку их обдуманное слово может быть в наносекунду переписаны кем угодно, обладающим доступом к компьютеру.

Участие неспециалистов в онлайн-овых академических дискуссиях является более проблематичным. Конечно, некоторые неспециалисты участвуют в подобных мероприятиях, чтобы поучиться, а их вопросы могут заставить ученых пересмотреть то, что они имеют в виду. Однако учитывая уровень дискурса, который обычно находишь на публичных сайтах, например спонсируемых газетами или радиостанциями, академические дискуссии скорее пострадают, чем окажутся в выигрыше. Даже онлайн-овый комментарий, который находится на сайте «The Chronicle of Higher Education» — американской еженедельной газеты, посвященной проблемам университетской жизни, — лишь ненамного грамотнее того, что обнаруживаешь на отнюдь не высоколобом Fox network site. Поэтому публичные форумы приносят в академический мир худшее.

Когда доступ слишком свободен, организацию дискуссий могут захватить академические «ваннаби» — люди, которые «кучу всего читали» или которые пытались, хотя и безуспешно, достичь определенного научного положения, — у которых есть свободное время, чтобы заполнить киберпространство малограмотными соображениями. В подобных ситуациях серьезные ученые перестают писать посты и ищут альтернативные способы коммуникации с себе подобными. По этой причине я думаю, что некоторые форумы должны предназначаться только для профессионалов.

7

Хотя академические дискуссии очень часто происходят на профессиональных встречах, онлайн-овых площадках, через рецензирование и частную переписку, их тексты редко сохраняют для того, чтобы взглянуть на них позже. Журналы сегодня редко публикуют стенограммы научных встреч — и по справедливости. По правде говоря, многое в этих дискуссиях не заслуживает сохранения. Хорошие идеи оказываются сформулированными отрывочно и похороненными среди ерунды и банальности. Там и сям возникают золотые самородки малоизвестных ценных знаний, но в отрывочном и неточном виде. Пути к новым идеям являются долгими и непрямыми. Поэтому дискуссии в их сыром виде полезны для участников и непосредственных наблюдателей, но не для читателей.

Материалы, публикуемые как «дискуссии» в академических журналах, готовятся гораздо более внимательно. В «The Russian Review» тексты, которые формируют «тематические блоки», проходят внимательный отбор и многочисленные критические оценки. Часто тематические блоки начинаются как живые дискуссии, или на конференциях, или через электронные средства связи. Авторы пишут наброски статей, со-

ставитель блока сообщает о своих критических замечаниях; авторы переписывают свои тексты. Затем процесс повторяется в журнале: редактор запрашивает внешние отзывы и на их основе предлагает изменения. Затем авторы переписывают свои статьи еще раз. Переписанные статьи способствуют изменениям во введении и комментариях. Когда авторы знакомятся с тем, что печатается рядом с их статьями, они часто хотят внести еще ряд изменений, чтобы ответить на вызовы, которые они там находят. Около половины «тематических блоков», которые мы планируем, не проходят эту строгую проверку качества и поэтому так никогда и не материализуются. Материал, который, в конце концов, появляется в печати, прошел это испытание.

Хотя «тематические блоки» являются частью четверти номеров «The Russian Review», их тема, как правило, оказывается очень узкой: конкретное произведение (вроде «On the Talks in Kabul» Иосифа Бродского, т. 61, № 2, или кинофильма «Цирк», т. 66, № 1); конкретный жанр (такой как «Дневники», т. 63, № 4); или конкретное событие (такое как Русско-японская война, т. 67, № 1). Мы очень редко устраиваем дискуссии по широким методологическим или концептуальным проблемам, вроде двух блоков по постсоветской историографии (т. 60, № 4 и т. 61, № 1).

Поэтому я ценю тот тип дискуссии, который развернул «Антропологический форум». Ставя в центр дискуссии форума важный аспект концептуализации или методологии, редакторы делают его значимым для широкой аудитории. Предлагая ряд вопросов, редакторы структурируют разговор. Редакторы могут сделать конечный продукт более совершенным, дав возможность участникам прочесть статьи друг друга и особо оговорить моменты согласия и несогласия. (Я имела возможность прочитать текст Катрионы Келли, и это вдохновило меня на ряд моих собственных наблюдений.) Быть может, «Форум» мог бы придумать способы продолжить разговор в следующих номерах, активно добиваясь реакции читателей на данный форум и отбирая наиболее разумные ответы для публикации в следующем номере.

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

СТИВЕН ЛОВЕЛЛ

2

Я не вижу серьезных оснований для академического Kulturpessimismus. Ученые, занимающиеся гуманитарными и социальными науками, постоянно что-то обсуждают, даже если и не на страницах журналов. Академический обмен в либеральных обществах — и между либеральными обществами — гораздо ближе к идеалу Хабермаса, чем любая кофейня XVIII в. Возможности подобного обмена за последние пятнадцать лет расширились поразительным образом с ростом Интернета и падением — до некоторой степени — границ между национальными академическими культурами. Что касается сферы моих занятий, русистики, мне бы хотелось сказать, что существующая между британским и американским, англоязычным и немецким, а также западным и российским академическими мирами коммуникация оказывается намного шире по сравнению с тем временем, когда я был аспирантом в середине 1990-х.

Вероятно, представление об академической коммуникации как идеалтипической публичной сфере (области беспристрастной рациональности, находящейся, так сказать, в свободном полете) является уязвимым по целому ряду пунктов. Здесь, как и везде, имеются не столь беспристрастные незваные гости: власть, патронаж, инерция, условности, лояльность. Едва ли будет откровением сказать, что определенные люди, институции и исследовательские области обладают большей властью инициировать дискуссии и задавать их рамки. В русской исторической науке можно указать на гегемонию советского периода как сферы научных усилий или на возникновение дискуссии вокруг определенных тем, связанных с этим периодом. Можно также вспомнить мантру «междисциплинарности» — жест в сторону интеллектуального обмена, который весьма часто позволяет ученым пода-

Стивен Ловелл (Stephen Lovell)

Кингс Колледж, Лондон,
Великобритания
stephen.lovell@kcl.ac.uk

вать в качестве более амбициозных проектов то, что они и так делают.

Это, однако, трюизмы. Подлинный вопрос заключается в том, не становятся ли в настоящее время сильнее ограничения, накладываемые на беспристрастную коммуникацию. У академии имеются свои иерархии, однако они вызывают меньше распрей, чем в других профессиях. Молодой преподаватель или даже аспирант может высказаться откровенно и публично по поводу работы старшего коллеги. Конечно, все мы подвластны самоцензуре, сбавляя тон диспетических первых набросков рецензии, однако вежливость не должна существовать за счет содержания. Возвращаясь к теме настоящей дискуссии, отмечу, что типы дискуссий, которые ведут ученые, на сегодняшний день являются более многообразными, чем ранее, и не менее значительными.

Однако мне хотелось бы закончить предупреждением. Дискуссия не должна становится фетишем. Ее уровень зависит от тех, кто координирует ее, а также тех, кто принимает в ней участие. Она может быть достойной внимания, а может и не быть. Как однажды заметил мне один коллега, наилучший способ сделать быструю и блистательную академическую карьеру заключается в том, чтобы шумно и впечатляюще ошибаться относительно чего-то: ваши коллеги потратят следующие десять лет, наставляя вас на путь истинный и подтверждая тем самым вашу значительность. Быть может, публичные дискуссии рискуют также превратиться в ритуальное лекарство от нашего общего затруднительного положения: все мы являемся одинокими учеными, заикленными на проблемах, которые постоянно крутятся у нас в головах.

Жизнь ученого, вероятно, так и будет требовать от нас поглощенности собой и изоляции — по крайней мере, на некоторое время. Значительная часть осмысленной академической коммуникации так и останется коммуникацией лицом к лицу или один на один, а не на публике и не в обществе. Быть может, нам больше следует думать о модели одинокого ученого, чем о судьбе дискуссионности, поскольку она рассматривается столь благосклонно фондами, которые переносят бизнес-модели в академический мир и более приветствуют совместную работу и исследовательские коллективные проекты, чем менее осязаемые и более случайные формы, которые принимает конечный результат. Дискуссия уже там, где лежат умные деньги.

3

Немногие рецензии, публикующиеся в академических журналах, представляют собой приятное чтение, предлагая откровенный краткий пересказ содержания, а не острый анализ. Кроме того, существует проблема того, что печатные журналы,

ограниченные в объеме, ограничивают и объем рецензий (самый жесткий лимит, с которым я сталкивался, — 500 слов, хотя 750 являются вполне стандартными). Но даже рецензия, которая является не более чем синопсисом, может выполнять полезную функцию, помогая читателям ориентироваться в литературе. Я очень часто использую рецензии именно в этих целях, особенно когда изучаю области, которые лежат вне сферы моей основной специализации. И тем не менее желательно, чтобы даже в самой короткой рецензии содержалась оценка источников и аргументации обозреваемой книги.

Длинные рецензии, а также рецензии-статьи могут быть исключительно эффективны в установлении связей и перемещении центра тяжести полемики. Мне кажется, что больший формат на сегодняшний день используется более широко и творчески, чем это было даже десять лет назад. Примеры, относящиеся к моей области занятий, включают журнал «*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*», а также сетевое издание «*Review in History*», которое предоставляет больше пространства рецензентам (2000 слов, иногда больше) и право на ответ авторам.

4

Самыми полезными конференциями являются небольшие, тематически узкие семинары (если возможно, с заранее рассылаемыми докладами). Большие академические мероприятия — вроде ежегодных тусовок в американских отелях — также могут быть весьма полезными, хотя интеллектуально наиболее стимулирующее общение обычно происходит за пределами секционных заседаний. Основная причина провалов семинаров и конференций заключается в том, что не все участники вполне понимают разницу между письменной и устной речью. Тем не менее замечу, что это становится меньшей проблемой, чем десять лет назад, по мере того как доклады делаются короче и более обращены к аудитории, причем организаторы конференций заботятся об этом.

5

Появление Интернета, конец холодной войны, знание английского языка, а также меняющиеся приоритеты фондов — все это чрезвычайно способствует межкультурному научному диалогу, хотя этот обмен оказывается неравным в некоторых отношениях: англоязычные ученые менее склонны к уступкам, чем все остальные, что вызывает сожаление. Культурные различия безусловно сохраняются, несмотря на проявления конвергенции в работах молодых ученых. На основе своего (конечно, ограниченного) опыта скажу, что в англо-американском мире на институт рецензирования смотрят серьезнее, чем в континентальной Европе. В целом контроль над качеством оказывается слабее в российской академической жизни. Бросается в глаза, что авто-

ры могут позволить себе переносить один и тот же материал из одной публикации в другую, на что косо посмотрели бы в Британии и США. В российских академических статьях прилагается меньше усилий для того, чтобы сделать работу увлекательнее или учесть большие полемики. При сравнении эти работы подчас оказываются не столь модными и более информативными, чем англоамериканские публикации. В России (и, наверное, в Германии) заметно более резкое различие между «серьезной» академической работой и легковесной научно-популярной литературой. В Британии и Америке проще находить нечто среднее, и не в малой степени благодаря экономическим условиям изданий на английском языке.

Англоязычный мир и сам остается в целом ряде аспектов разделенным. В целом я сказал бы, что Северная Америка является более иерархичной и более профессионализированной, чем Британия, по-видимому, благодаря длительности и тщательности американских аспирантских программ и просто величине страны, а также ее интеллектуального сообщества (что весьма повышает политические ставки академических дискуссий).

Следует также отметить тот факт, что британская система государственного аудита (The Research Assessment Exercise) подталкивает ученых к тому, чтобы регулярно и весьма щедро печататься. В результате недавняя публикационная деятельность может до некоторой степени отодвигать традиционные инструменты оценки старшинства — административную деятельность, преподавательский стаж, а также долгосрочные исследования.

6

Публичные использования истории, а также публичная роль историка являются темами множества дискуссий в моей академической области. Редко посещаешь инаугурационную лекцию или просматриваешь факультетский веб-сайт, где об этом не шла бы речь. Опыт последних двадцати лет свидетельствует, что здесь нет «проблемы»: большое число историков пишет и выступает весьма эффективно для аудитории неспециалистов. История — а истоки этого лежат в академическом мире — переживает общественный бум.

Дело, как я полагаю, заключается в том, чтобы избежать лицемерия и в академии, и на публике. Время от времени ученые, которые пишут весьма успешные сочинения для широкой аудитории, говорят коллегам, что это является их моральным долгом. Эти коллеги, со своей стороны, отпускают изрядное количество предсказуемых пренебрежительных высказываний по поводу более оборотистых в отношениях с медиа специалистов. Я сказал бы, что на каком-то этапе было бы интересно

попытаться написать нечто отличное от журнальной статьи или монографии (в конце концов, академическая карьера — дело долгое и не лишенное монотонности), однако предписывать что-либо в данном случае было бы ошибкой. Книга, у которой нашлись бы способные обдумать и оценить ее читатели, является в высшей степени заслуживающей усилий. Насколько это осуществимо экономически, другой вопрос.

Подлинная проблема, связанная с публичной историей, заключается не в том, должна ли она существовать или «хорошее» ли это дело, а в том, удастся ли ей донести интеллектуальное многообразие, богатство, сложность и оригинальность специальных исследований. Историк чрезвычайно трудно заключить контракт на хорошую книгу, если он(а) не делает захватывающий нарратив принципом, структурирующим исследование, не фокусируется на каноническом большом событии, значительной фигуре или уклоняется от включения в книгу немалой порции того, что называется «человеческим интересом».

Кроме того, существуют годовщины. Я подозреваю, что в 2017 г. мы столкнемся с публикацией определенного числа новых историй русской революции, превышающего жесткую необходимость. Однако отступления от царящих норм не являются невозможными. Вспомните, к примеру, о высоколбой, аналитической истории, которая содержится в книгах Н. Фергюсона — «The Cash Nexus» и (с двумя-тремя оговорками) «The Pity of War». Сосредоточенный на «человеческом интересе» нарратив также может стать жанром для чрезвычайно «насыщенного» и пронизательного исторического описания: возьмите биографию Д.С. Мирского, написанную Дж. Смитом, пересмотр дела Павлика Морозова, предпринятый К. Келли, или недавнее обращение Джона Рендолфа к семейству Бакуниных (если называть три примера, на которые я обратил внимание в начале XXI в.). Тот факт, что книга Смита продавалась за 65 фунтов, говорит нам скорее о рыночных просчетах издательства Оксфордского университета, чем о неспособности науки разговаривать с широкой аудиторией.

7

Основным формальным инструментом поощрения дискуссий в журналах является предложение участникам писать в жанре между короткой книжной рецензией и длинной статьей. Однако «Антропологический форум», да и некоторые другие журналы, уже делают это. Как уже отмечал в своих предыдущих ответах, я не вполне убежден, что здесь есть серьезная проблема. Главное — и здесь я рискую сказать банальность — чтобы редакторы выбрали интересную тему для обсуждения.

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

МИХАИЛ ЛУРЬЕ

1
2

Относительно «традиции», обозначенной в качестве одного из типичных объяснений отсутствия серьезных научных полемик, не совсем понятно (и не хочется домысливать невпопад), какая именно традиция имеется в виду (позднесоветская? постсоветская? русская национальная?). Что касается двух других названных факторов (расколотовость на «партии и фракции» и отсутствие у ученых времени и «задора»), то оба они, действительно, имеют место. Однако у самих этих причин есть, так сказать, первопричины, поэтому предложенный реестр вариантов объяснения дискуссионной инертности современного научного гуманитарного сообщества хотелось бы несколько уточнить и дополнить.

Во-первых, для возникновения дискуссионного поля необходимо прежде всего наличие единого коммуникативного поля, что, в свою очередь, упирается в вопрос о структуре самой среды, о которой идет речь. Не берусь судить о случаях других дисциплин (хотя подозреваю, что и там ситуация во многом сходная), но в отечественной фольклористике степень интегрированности профессионального сообщества сейчас настолько ничтожна, что — если иметь в виду общероссийский масштаб — едва ли вообще уместно употреблять по отношению к фольклористам само слово «сообщество». Тем более сложно говорить о наличии в нем «лагерей», «партий» и «фракций» как противостоящих частей условного целого, факт существования которых, а тем более их взаимного неприятия и полемичности позиций (пусть латентной или потенциальной), уже сам по себе свидетельствует о существовании этого целого. Есть конкретные «компании», приверженные более-менее единой системе общих взглядов (например, о наполнении понятия «фольклор»), тематических приоритетов и направлений деятельности. Часто это конкретные рабочие кол-

лективы (стабильные или кратковременные), каждый из которых занят текущими проектами, иногда — устойчивые группы единомышленников, работающих в разных местах, но регулярно сотрудничающих. Эти компании либо периодически «пересекаются» с наиболее близкими по духу (но и сам круг этих пересечений довольно ограничен и предсказуем), либо существуют достаточно автономно.

Последняя ситуация особенно характерна для провинции, но вполне типична и для столичных случаев: если даже ограничиться специализированными фольклористическими подразделениями крупнейших вузов и академических институтов Москвы и Петербурга, можно с высокой долей уверенности утверждать, что в отделе фольклора Пушкинского дома не особенно интересуются тем, чем занимается кафедра устного народного творчества МГУ, а в отделе фольклора ИМЛИ едва ли имеют отчетливое представление о деятельности (а то и о самом факте существования) Пропповского центра СПбГУ. Такую ситуацию, наверное, точнее было бы обозначить не как расколотовость, а как дискретность научной (в данном случае — фольклористической) среды. При этом каждый ученый прекрасно знает все болевые точки современной фольклористики — потенциальные очаги научных баталий, равно как и представляет себе, хотя бы отчасти, какими группами и отдельными фигурами представлены противоположные позиции по каждому из этих вопросов. Но при данной структуре профессиональной среды нет предпосылок для возникновения единого дисциплинарного коммуникативного пространства. Что уж там говорить о дискуссионном поле.

Во-вторых, необходимым условием для того, чтобы дискуссия, как и любая коммуникация, стала возможной, является наличие общего языка. В этом плане для меня наиболее показательным стал случай, связанный с дискуссией вокруг доклада А.А. Панченко на I Всероссийском конгрессе фольклористов. После выступления, в котором утверждалось, что само понятие «фольклор» — не более чем интеллектуальный конструкт, и ставилась под сомнение целесообразность его использования на современном этапе развития гуманитарного знания, состоялась запланированная дискуссия. Зал волновался, казалось, вот-вот начнут кипеть научные страсти, но само по себе обсуждение, происходившее поначалу за столом президиума, где находились «контрдокладчики», в целом оказалось довольно вялым. Одни ученые осторожно спорили, ссылаясь на суждения выдающихся фольклористов прошлого, другие пытались «дать всем сестрам по серьгам», признавая справедливость одних позиций и оспаривая другие. В какой-то момент один

пожилой фольклорист попросил слова и в качестве аргумента против предложенной концепции рассказал известный анекдот, заканчивающийся репликой героя-ребенка: «Как так: ж..а есть, а слова нет!»

Вопрос не в том, допустимо ли такое речевое поведение в ситуации представительного собрания ученого сообщества (почему бы и нет — по логике того же анекдота), была ли шутка уместна или выглядела дико и на какую часть присутствовавших данный аргумент возымел действие. Сама логика этой полемической реплики сразу сделала очевидным, что отвечающий — а с ним и как минимум половина присутствовавших в зале фольклористов — не способны и не пытаются вести спор на том научном диалекте, на котором было выстроено выступление докладчика, т.е. с использованием того же категориально-понятийного аппарата и соответствующей логики построений. Получился типичный «разговор глухих»: контраргумент не пересекался с исходной аргументацией, чего не понял ни оппонент, ни большинство присутствовавших. Возможна ли полемика в ситуации, когда принципиальное различие во взглядах в абсолютном большинстве случаев автоматически обозначает непонимание идиома, которым пользуется другой?

Противоположным примером из сравнительно недавних случаев можно считать ответ С.Ю. Неклюдова на статью И.Г. Левина на страницах «Живой старины»; но такие случаи состоявшейся полемики, когда оба оппонента говорят на одном языке, в последнее время — большая редкость.

При таком положении дел «здоровая полемика» не может быть в порядке вещей, не может быть естественной и регулярной составляющей «научной жизни», предполагающей сосуществование различных школ и направлений, в частности противоположных друг другу по тем или иным ключевым вопросам (классический пример — многолетние споры между исторической и мифологической школами в фольклористике второй половины XIX — начала XX в.). Дискуссии могут возникать только разово, когда их провоцирует определенное выступление конкретного исследователя (или научной группы). В этом случае ученый самостоятельно, вопреки общей непредрасположенности к полемике, формирует вокруг своей концепции (и своей личности) как бы специально выделенное полемическое пространство. Среди российских фольклористов эту роль на себя регулярно берут (и, на мой взгляд, весьма результативно реализуют) только А.А. Панченко и в некоторой степени А.Л. Топорков и К.А. Богданов. Чтобы такие «раскачивающие» сообщество на полемику научные выступления возникали регулярно и не сводились к позиции одного исследователя, долж-

ны действовать определенные стимулы. Обычно в этом качестве выступает или «жажда истины», вызывающая полемический зуд, или стремление к удовлетворению амбиций, к интеллектуальной «победе», обеспечивающей большую степень признания в сообществе; или, наконец, выполнение социального или государственного заказа (вспомним тридцатые — сороковые в истории отечественной гуманитарной науки).

У современного ученого, во всяком случае фольклориста, подобная мотивация очевидно ослаблена. Необходимости осуществлять борьбу с неправильными теориями или, наоборот, противостоять идеологическому насилию сейчас, слава Богу, нет. Профессиональные амбиции, в частности по причине отмеченных выше неразвитости дискуссионного пространства, инертности, лени и занятости ученых, в основном удовлетворяются посредством других стратегий; а «жажда истины» — в общем, свойство не столь уж распространенное в нынешнем научном гуманитарном мире.

4
7
3

Вопросы об эффективности различных форм обмена мнениями и о роли научной периодики в повышении уровня дискуссионности — это, по сути, один и тот же вопрос, и ответ на него вытекает из предшествующих рассуждений.

С одной стороны, при отсутствии грамотно организованного коммуникативного пространства профессиональной среды ученых-гуманитариев функциональность любых форм организации дискуссионности имеет пределы, и не слишком широкие. Нужны целенаправленные усилия, чтобы разработать это пространство и сделать сообщество пусть расколотым, но единым. Учитывая, что в последние годы направление и интенсивность творческих усилий все в большей степени определяются понятием «проект» и размерами гранта, можно предположить, что наиболее результативный (если не единственный) путь к решению обозначенной проблемы — как ни покажется это странным — мог бы состоять в разработке соответствующих программ и получении целевого финансирования на осуществление мер, специально направленных на развитие дискуссионности в отечественной гуманитарной науке и стимуляцию полемических стратегий в поведении ученых. Трудно, однако, предположить, какой из существующих институтов захотел бы взять на себя эту роль.

С другой стороны, все перечисленные варианты организации научной коммуникации (к списку нужно добавить еще специальные семинары, посвященные обсуждению конкретного доклада, статьи или монографии), безусловно, и в существующей ситуации обладают в этом плане определенным потенциалом.

Правда, как это часто бывает, в противоречие входят количественный и качественный показатели. Наиболее интенсивные и увлекательные обсуждения, принципиальные и горячие теоретические и методологические споры возникают, как правило, на конференциях и семинарах (если, конечно, организаторы не предлагают подождать с вопросами и соображениями до конца заседания или всего мероприятия), чему способствует сразу несколько факторов: личное непосредственное общение, особый эмоциональный и интеллектуальный «драйв», возможность высказаться сразу, не успев остыть, не затрачивая дополнительного времени и усилий на уточнение своей позиции и изложение мыслей на бумаге.

Между тем полемика на конференции начинается и заканчивается в аудитории, где происходит заседание, иногда распространяясь потом лишь в виде «слухов и толков», участвует в ней сравнительно небольшое количество исследователей, а материалы этих прений чаще всего не попадают даже в журнальные отчеты, ограничивающиеся перечислением тем и основных позиций докладов. Наоборот, обсуждения на страницах журналов, позволяющие сделать круг участников дискуссии максимально широким и соответственно придать ей наибольший резонанс в научном сообществе, значительно труднее организовать так, чтобы они были живыми, интенсивными и не ограничивались схемой «статья — полемическая рецензия», как это бывает обычно.

Нельзя не оценить старания изданий, целенаправленно стимулирующих своих авторов писать по преимуществу критические или даже «разгромные» рецензии (на первом месте в этом рейтинге «кровожадности» я бы поставил «НЛО», на второе — «АФ»). Но и это не меняет дела принципиально: резонанс таких статей реализуется в устных «пересудах», а задетые придирчивостью и резкостью рецензентов авторы практически никогда не вступают в полемику, но высказывают свои контраргументы ближайшим коллегам. В этом смысле опыт тематических форумов в «АФ» — очень полезное начинание, хотя его потенциал, по-моему, реализуется далеко не полностью. Многие заметили, что наиболее «жаркие» и интересные обсуждения возникают тогда, когда журнал предлагает высказываться не просто «на тему», а еще и «по поводу», приурочивая обмен мнениями к обсуждению какой-либо конкретной работы. Такой была, например, дискуссия вокруг статьи К. Келли «Школьный вальс», запомнившаяся многим и имевшая большой резонанс, причем не только «кулуарный»: например, организовывая конференцию «Учебный текст в советской школе» (СПбГУКИ, 2006), мы пригласили не только саму Катриону,

но и тех (в том числе и зарубежных) ученых, размышления которых в этом форуме показались нам интересными.

И это закономерно: в первом случае высказывания участников, как правило, только формально являются ответами, по сути же становятся первой и последней репликой несостоявшегося диалога; во втором — пишущие изначально реагируют на уже готовый научный продукт, после чего возможность ответно выступить получает и автор этого продукта — таким образом, реализуется нормальная дискуссионная схема. Возможно, журналу имеет смысл несколько изменить приоритетную модель построения форумов, сдвигая ее от «полифонической» модели к «диалогической» (точнее, «полилогической»), что, конечно, усложнит и удлинит процесс заполнения рубрики, но сделает ее результат более эффективным в плане организации научной полемики.

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВ

Почти все дискуссии, в которых мне приходилось участвовать, оставляли неприятный осадок: казалось, что люди друг друга не слышат, не хотят слышать. Почему так происходит? Хорошее приближение к ответу на этот вопрос можно найти в статье Отто Герхарда Эксле, сравнившего современный спор об исторических «фактах» и «фикциях» с дискуссиями столетней давности, в которых на «вызов Ницше» пытались ответить Э. Трельч, Г. Зиммель, М. Вебер. «Я утверждаю, — пишет Эксле, — многое из того, что обсуждается сегодня, причем в “международном” масштабе, обсуждалось уже тогда — правда, тогда для этого имелись гораздо лучшие предпосылки, а результаты были более убедительными» [Эксле 2003: 405].

Утверждение Эксле справедливо и для большинства дискуссий в антропологии. Все они строятся по единой схеме, разворачиваясь вокруг понятий, таких как *традиция*, *фольклор*, *этнос*, *народ* и т.п. По одну сторону баррикады становятся те, кто хочет или привык использовать эти понятия как инструменты, по другую — те, кто занима-

ется их деконструкцией. Казалось бы, позиции сторон должны лишь дополнять друг друга: одни занимаются конкретными исследованиями, другие — методологией. Но вот в силу каких-то причин позиции формулируются чуть более категорично, чем это можно было бы сделать — так, что становятся неприемлемыми для другой стороны. Понятия, лежащие в основе множества исследований, безоговорочно объявляются «устаревшими», определенными современной наукой как идеологические конструкты, за которыми не стоит никакая эмпирическая реальность. В ответ такими же — только «новомодными» — конструктами объявляются утверждения критиков, а привычные понятия, напротив, отождествляются с самой реальностью. В условиях России конфликт между «старой» и «новой» наукой зачастую приобретает черты противостояния «почвенников» и «западников», что также не способствует взаимопониманию сторон.

Так или иначе, дискуссии об эпистемологическом статусе понятий, сохраняя по видимости научный характер, теряют свой смысл. Они превращаются в столкновение ценностей, которое, как писал М. Вебер, «везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой, как борьба “Бога” и “дьявола”» [Вебер 1990б: 565]. О потере смысла свидетельствует и то, что в этих дискуссиях не используется, как справедливо заметил Эксле, опыт предшествующих поколений ученых. Под видом остро современных (или даже постсовременных) дебатов воспроизводятся на разные лады аргументы давнего спора Ф. Ницше с Л. Ранке и неоранкеанцами, но игнорируется предложенный М. Вебером и отнюдь не утративший своей актуальности выход из этого спора.

Согласно Веберу, понятия в науках о культуре не могут не быть идеологическими конструктами: «Ничтожная часть индивидуальной действительности окрашивается нашим интересом, обусловленным ценностными идеями, лишь она имеет для нас значение, и вызвано это тем, что в ней обнаруживаются связи, важные для нас вследствие их соотносительности с ценностными идеями. Только поэтому — и поскольку это имеет место — данный компонент действительности в его индивидуальном своеобразии представляет для нас познавательный интерес» [Вебер 1990а: 374].

Таким образом, поиски «объективного», независимого от ценностных предпочтений языка науки Вебер объявляет бессмысленными. Стремление к объективности должно проявляться в другом: саморефлексии ученого, осознании гибридного характера используемых им понятий, включенных одновремен-

но и в логические схемы теории, и в систему ценностей. «Фундаментальное требование научной объективности заключается в том, — пишет Вебер, — чтобы отчетливо пояснить читателям (и, повторяем опять, прежде всего самим себе), *что* (и *где*) мыслящий исследователь умолкает, уступая место водящему человеку, *где* аргументы обращены к рассудку и *где* — к чувству. Постоянное смешение научного толкования фактов и оценивающих размышлений остается, правда, самой распространенной, но и самой вредной особенностью исследований в области нашей науки» [Там же: 356]. Именно такое смешение придает современным дискуссиям характер скандала.

Как можно повысить качество дискуссий? Как отделить в научных спорах рациональное зерно от элементов скандала и возможно ли это вообще? О.Г. Эксле, кажется, довольно оптимистичен в своем прогнозе: возрастающий с 1980-х гг. интерес к работам полузабытых классиков «науки о культуре» видится ему признаком грядущего возрождения. Но чем же объясняется тогда низкий уровень дискуссий, в которых, как показал тот же Эксле, достижения Вебера и других попросту игнорируются?

Стоит внимательнее присмотреться к ключевому требованию Вебера: признавая принципиально ценностный характер используемых в науке понятий, разделять оценивающие и логические суждения. Определенный этим требованием «идеальный тип» науки вполне пригоден для диагностики современного состояния дискуссионного поля науки. Но способен ли он указать путь к исправлению этого состояния? Почему такое простое и, казалось бы, логичное требование до сих пор не стало общепринятым? Я полагаю, что ответы на эти вопросы надо искать в механизмах соотношения ценностей науки (и ученых) с ценностями жизни, протекающей за пределами поля науки. Основная проблема, на мой взгляд, связана с тем, что эти механизмы оказались отчужденными от ученых. Я попытаюсь продемонстрировать это на нескольких примерах, но сначала хотел бы еще раз обратиться к Веберу, к его представлениям о соотношении науки и жизни.

В конце своей статьи об «объективности» Вебер описывает две формы существования науки, последовательно сменяющие друг друга в зависимости от устойчивости системы понятий и связанных с ними ценностей. Первая из этих форм предполагает кумулятивное развитие, постепенное накопление знаний, ценность которых остается общепризнанной; вторая — перестройку понятийного аппарата, приведение его в соответствие с изменившейся системой ценностей: «В век специализации работа в области наук о культуре будет заклю-

чаться в том, что, выделив путем постановки проблемы определенный материал и установив свои методические принципы, исследователь будет затем рассматривать обработку этого материала как самоцель, не проверяя более познавательную ценность отдельных фактов посредством сознательного отнесения их к последним идеям и не размышляя вообще о том, что вычленение изучаемых фактов ими обусловлено. Так и должно быть. Однако наступит момент, когда краски станут иными: возникнет неуверенность в значении бессознательно применяемых точек зрения, в сумерках будет утерян путь. Свет, озарявший важные проблемы культуры, рассеется вдали. Тогда и наука изменит свою позицию и свой понятийный аппарат, с тем чтобы взирать на поток событий с вершин человеческой мысли. Она последует за теми созвездиями, которые только и могут придать ее работе смысл и направить ее по должному пути» [Там же: 414].

Сумеречный момент, о котором писал Вебер, безусловно, наступил. Однако способна ли наука путем простой перестройки понятийного аппарата вернуть себе утраченное ощущение собственной нужности? Конечно, ценность науки можно измерять ее бюджетом, финансовой поддержкой со стороны государств и частных лиц, а возможность «взирать на поток событий с вершин человеческой мысли» все еще остается привлекательной для многих. И все же сомнения в другого рода ценности — «неуверенность в значении бессознательно применяемых точек зрения» — уже прозвучали и остаются пока без ответа.

Один из ярких примеров осознания разрыва между наукой и жизнью — известная книга Й.Х. Йерушалми «Захор (“Помни”): Еврейская история и еврейская память». Эта книга, по выражению автора, — «наполовину история, наполовину — исповедь и кредо». Она возникла «в попытке самоосознания себя как еврейского историка — не в объективном контексте некоей глобально происходящей научной деятельности, а именно в контексте собственно еврейской истории» [Йерушалми 2004: XVIII–XIX]. Выводы оказались неутешительными: «Еврейская коллективная память» (как ее понимает Йерушалми) не нуждается в исторической науке и в ученых-историках. И не только еврейская. Такое же «отчуждение современного историка от своего коллектива» происходит повсеместно. Если в начале XIX в. историк оставался, как пишет Йерушалми, «укорененным в органической жизни своего народа и в общей паневропейской культуре», то уже к концу века его стремление к тотальному познанию прошлого вышло за рамки потребностей и представлений его «коллектива», что позволило Ницше срав-

нить историю с «изнурительной лихорадкой» [Там же: 124–125].

Как же откликнулось научное сообщество на вызов Йерушалми? Его книга вызвала весьма плодотворную дискуссию, но не по существу сформулированной им проблемы отчужденности современного историка, а лишь в области бурно развивающихся исследований исторической памяти. Иными словами, наука, будучи не в силах преодолеть свое отчуждение от жизни, продолжает делать то, что умеет: изучать обнаруженный разрыв между собой и жизнью, «взирать на поток событий с вершин человеческой мысли», тем самым лишь увеличивая этот разрыв. Между тем, по мнению Йерушалми, «историографии, которая не стремится войти в память, угрожает превращение в злокачественный нарост» [Там же: 111].

Конечно, не везде и не всеми разрыв между памятью и историей воспринимается столь трагически. Другой основоположник исследований памяти, Пьер Нора, также связывает появление своего предмета с распадом былой — и очень прочной до 1930-х гг. — связи между историком и его коллективом, между памятью нации и ее историей [Нора 1999]. Однако во Франции эту связь удалось отстроить заново: историки не только занимаются деконструкцией «национального исторического мифа», но и берут на себя функции «распорядителей национальной памяти», вполне востребованные обществом [Уваров 2004]. Если это действительно так, то французским историкам можно позавидовать. И все же, я думаю, отчуждение, о котором писал Йерушалми, нельзя считать лишь его личной проблемой.

В антропологии линия отрыва от жизни проходит примерно так же, как и в истории, — по самым основаниям этой дисциплины. Антиэссенциалистская критика практически вывела из научного употребления базовые категории, которыми оперировала довоенная наука (такие как *раса*, *народ* и даже, отчасти, *культура*), и приучила с подозрением относиться к любым социальным тождествам, основанным на общности происхождения и телесных, «естественных» признаках. В то же время антропологи вынуждены констатировать, что вытесненный за пределы науки эссенциализм никак нельзя считать доживающим свой век пережитком прошлого. Напротив, он обрел второе дыхание в глобализирующемся мире, став мощным средством консолидации разнообразных групп¹.

¹ Причины этого явления А. Аппадурани связывает с некоторыми практиками современного национального государства, которые способствуют формированию этнических групп, создавая для них возможность ощутить свою общность как телесную [Appadurai 1996: 157].

Этот разрыв, созданный победой антиэссенциализма в науке и торжеством эссенциализма в социальной жизни, замечен антропологами как затрудняющий полевую работу и препятствующий политкорректному представлению результатов анализа (см., напр.: [Fischer 1999: 473–474]). Действительно, далеко не всякому объекту антропологического исследования приятно будет узнать, что его идентичность сконструирована, традиции изобретены, а сообщество, с которым он связан такими теплыми, кровными узами, воображаемое. И не так уж просто будет объяснить ему, что задевающие его слова всего лишь научные термины, в которых нет ничего обидного ни для него, ни для его сообщества. Более того, такое оправдание было бы попыткой обмана, потому что на самом деле язык современной антропологии связан с ценностями, прямо противоположными эссенциалистским.

Я рискну сформулировать последнюю мысль в общем виде, опуская для краткости необходимые оговорки: *язык современной антропологии чужд человеку в той степени, в которой он (человек) чувствует свою сущностную связь с группой*. Это относится, конечно, и к самим антропологам. Впрочем, они могут выбирать между отчуждением от своего профессионального языка или от своих сущностных привязанностей или же впасть в нечто вроде профессиональной шизофрении, пытаясь уберечь «свое» от разрушительного исследовательского интереса. Однако в любом случае сознательное соотнесение научных понятий и ценностей жизни оказывается невозможным.

Все это относится, конечно, лишь к некоторой части антропологии, которую я не вполне точно обозначил как «современную». В нашей современности существуют также и другие антропологии, оперирующие такими понятиями, как, например, упомянутые С. Ушакиным «феномен жизненных сил славянского народа» или «эволюционные перспективы» [Ушакин 2005: 91]. В таких (как назвал их Ушакин) «автономных исследовательских конгломератах» связь понятий с ценностными идеями вполне прозрачна. Вот только сами эти понятия вряд ли могут выдержать проверку на отсутствие эссенциализма и, следовательно, быть допущенными в «большую» науку. Точнее, они могут быть допущены туда, но лишь как объект исследования, который «позволяет увидеть, как конкретные способы проблематизации и тематизации вписываются в более масштабные практики картографии социальной среды» [Там же: 92].

Другой способ войти в «глобальную» антропологию, сохраняя связь со своей группой и ее ценностями, превращает ис-

следователя в native anthropologist — сомнительный статус, сконструированный, как пишет Э. Гучинова, «“постколониальными” антропологами не только чтобы предостеречь коллег от ошибок, но и для того, чтобы указать ученым из бывших колоний их навсегда провинциальное место в науке» [Гучинова 2005: 54]. Происходит своего рода «глокализация» науки.

Возможно, дискуссия между «глобальной» и «локальными» антропологиями позволила бы найти какой-то выход, нащупать новую систему понятий, лучше отвечающую ценностям предпочтениям большинства антропологов и нынешнему состоянию мира. Но для этого необходима возможность осмысленной дискуссии между ними, которой пока нет. Что-то мешает антропологам понять самих себя, а без этого спорить с другими бессмысленно.

Библиография

- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990а. С. 345–415.
- Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990б. С. 547–601.
- Гучинова Э.* Native anthropologist: призвание, диагноз, судьба // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 49–55.
- Йерушалми Й.Х.* Захор («Помни»): Еврейская история и еврейская память. М.; Иерусалим, 2004.
- Нора П.* Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
- Уваров П.* История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 192–211.
- Ушакин С.А.* Ответы на вопросы форума «Исследователь и объект исследования» // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 90–99.
- Эксле О.Г.* Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // Одиссей: Человек в истории: 2003. М., 2003. С. 405.
- Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.
- Fischer E.F.* Cultural Logic and Maya Identity: Rethinking Constructivism and Essentialism // Current Anthropology. 1999. Vol. 40. № 4. P. 473–500.

АНДРЕЙ МОРОЗ

1

Поскольку я отнюдь не часто участвую в конференциях, защитах диссертаций и прочих мероприятиях, на которых могли бы разворачиваться и разворачиваются дискуссии, я вполне могу упустить что-либо из виду, однако, по моим впечатлениям, дискуссионное пространство этнологических дисциплин совершенно свернуто. Конференции обычно устраиваются согласно бинарной оппозиции «свой — чужой», где не только организаторы, но и потенциальные участники руководствуются принципом неучастия в чужеродном кругу. При всем этом неизменно приятное впечатление производят школы фольклористики, организуемые Центром типологии и семиотики фольклора под руководством С.Ю. Неклюдова, куда организаторы стараются приглашать людей с разными взглядами, методами, работающих на разном материале, что и создает благоприятную среду для дискуссий. С одной стороны, аудиторию составляют и лекторы, и слушатели. С другой стороны, у слушателей — аспирантов и студентов — еще не выработался стереотип восприятия докладчиков по принципу «свой — чужой».

2

Согласен, что дискуссионность редуцирована до минимума. Часто дискуссии по значимым вопросам подменяются либо детальным и серьезным обсуждением малозначительных частных вопросов, либо спорами о том, стоит ли дискутировать на ту или иную тему, либо выяснением личных отношений. Причин мне тут видится несколько: во-первых, стало традицией или даже правилом научного этикета не подвергать критике прочитанное или услышанное. Наиболее часто это происходит на защите диссертаций, когда независимо от качества исследования оглашаются положительные отзывы (диссертации «резать» считается неэтичным по отношению не только к диссертанту, но и к институции, где он работает, к научному руководителю, совету). Та же практика пе-

Андрей Борисович Мороз

Российский государственный
гуманитарный университет, Москва
abmoroz@yandex.ru

реносится и на конференции, круглые столы и т.п., тем более что произведен предварительный отбор участников.

3

Рецензия как жанр вообще (не только на научную литературу, но и на художественную, а также на фильмы, спектакли, выставки) заметно изменила характер за последние лет 10–15. Из критического разбора она преимущественно превратилась в источник информации, позволяющий узнать о новой публикации и кратком ее содержании. Это не хорошо и не плохо, такие тексты весьма полезны; правда, в научной литературе это имеет свою специфику, связанную с периодичностью выхода в свет номеров научных журналов и их оперативностью (точнее — неоперативностью): пока выходит номер с рецензией, книга уже перестает быть новинкой. В этом смысле значительно более важным представляется рецензирование зарубежной литературы.

Тем не менее можно не без удовольствия констатировать, что некоторые рецензии становятся явлением научной жизни (пусть иногда и вполне комическим). Последнее время можно наблюдать, как разгорается рецензионная полемика (спор В. Петрухина и В. Напольских по поводу книги В. Райана «Баня в полночь» на страницах журнала «Живая старина») или как рецензия становится заметным событием в научной жизни (рецензия М. Алексеевского на вышедшую в Минске книгу Я. Крука и О. Котович «Колесо времени: традиции и современность»). Последняя стала заметным событием в белорусской научной мысли, я был свидетелем того, как белорусские коллеги с признательностью пожимали руку рецензенту. Неясным остается лишь, почему никто из них не сделал этого первым.

4

Пожалуй, да. Я бы сказал, что возможность кулуарного общения составляет для меня главную прелесть конференций и причину моего в них участия.

5

Существует, но я бы не стал квалифицировать ее как опасность: это как раз может вполне способствовать зарождению дискуссий и несколько оживить научную жизнь.

6

Это зависит от характера дискуссий и тематики. Зачастую посторонний непосвященный человек вносит своим присутствием на академическом собрании в обсуждение комическую ноту. Однако, несомненно, могут быть темы, не представляющие собой чисто научного интереса, так сказать, научно-практические, когда присутствие и участие «широкой публики» может быть не только допустимым, но и взаимно полезным. Что же касается «научно-популярной литературы», то я вижу от нее скорее вред, чем пользу. Разумеется, я говорю о литературе на интересующую меня этнологическую тематику, которая в мас-

се своей засоряет сознание непосвященных и малоподготовленных читателей не только псевдонаучными теориями и идеями, но и — что еще хуже — фальсифицированными «фактическими» знаниями. Замечательно в этом отношении такое явление, как проникновение этой литературы по «народной культуре» в сельские школы, библиотеки и клубы, когда по ним, а не по своим собственным традициям начинают проводиться праздники и устраиваться гуляния.

7

Думаю, было бы полезно заказывать рецензирование одних и тех же изданий разным авторам и публиковать не одну, а по две-три рецензии на одни и те же книги. То же можно было бы устроить и с обсуждением каких-то научных проблем.

МИХАИЛ РОДИОНОВ

1

Не первый год с интересом слежу за дискуссиями в журнале «Новое литературное обозрение». Они привлекают высоким уровнем и тоном, а может быть, еще и тем, что эта область — русская и европейская филология и литературоведение — для меня, арабиста, занимающегося полевой этнографией Хадрамаута, довольно «соседняя». Из более близких вспоминаются долгие дискуссии 1427–29 годов по Хиджре (2006–2008 гг. от Рождества Христова) с краеведами Хадрамаута, особенно с потомками Пророка из Центра им. Ибн Убейдуллы на службе духовному наследию и обществу. Такой полемической культуры, глубоких знаний и ораторских навыков, опирающихся на многовековую традицию и современный опыт, у наших диспутантов я не встречал. Вероятно, конъюнктура, кумовство и демагогия все-таки отступают перед размеренными звуками арабской речи, белыми тюрбанами и пестрыми коврами под древними сводами.

2

Первый порыв — с указанным мнением согласиться. Потом начинаешь вспоминать, что в истории (особенно по вопросу ее преподавания в школах) сегодня идут тяжелые бои, эффективность методики социологических опросов подвергается постоянным

**Михаил Анатольевич
Родионов**

Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
mrodio@yandex.ru

испытаниям, в фольклористике остается немало нерешенных терминологических проблем, в социолингвистике до сих пор не произошло синтеза обеих составных этой сложной дисциплины. Так что явные или сокровенные дискуссии у наших смежников, да и у нас самих, никуда не исчезли. Другой вопрос, что их проявления не укладываются в устоявшиеся публичные формы дискуссионного поля науки. «Партии» и «фракции» в гуманитарном, да и вообще в научном сообществе были, есть и, надеюсь, будут всегда. Тех, кто пеняет на раскол, легко заподозрить в тайных или явных симпатиях к принудительно-единодушию, в условиях которого дискуссия играет роль инсценированного Божьего суда. Споры между своими неэтичны только тогда, когда они ведутся с оглядкой на некую внешнюю силу. Споры между партиями неэффективны, когда нет высшего судии, возвышающего правых и карающего заблудших. Стоит ли сожалеть о том, что его трон пустует?

3

Ну конечно, жанр рецензий отмирает. некогда рецензии служили и анонсом, и рефератом, и экспертизой, и прогнозом, а главное — их писали ведущие ученые, лидеры школ, признанные авторитеты в своей области. В российском востоковедении это создатель отечественной арабистики барон В.Р. Розен и его наследник И.Ю. Крачковский, основатель отечественного исламоведения В.В. Бартольд, буддолог и неперемный секретарь Российской академии наук С.Ф. Ольденбург и многие другие. С установлением тотального идеологического контроля крупные ученые обращались к этому жанру все с большей неохотой, ссылаясь на формальные причины, озвученные в вопросе № 2. Оценки и прогнозы стали уходить из такого рода рецензий (на несколько лет отступив в маргинальный жанр некрологов), подменяясь изложением содержания работ и стандартными обзорами, выходящими из-под пера младших научных сотрудников и аспирантов. Зато пыльным цветом расцвели рецензии-доносы, уличавшие, разоблачавшие, клеймившие и призывавшие к самокритике. Ярким представителем переродившегося жанра на протяжении трех десятилетий (с 1920-х до середины 1950-х гг.) был, например, Люциан Климович (Люцифер Клеймович), которого один из историков советского востоковедения назвал сторожевым псом советской арабистики.

Ученые старшего поколения не забыли и другие печально известные имена. Серьезные отклики (особенно на труднодоступную в советское время зарубежную научную литературу) иногда появлялись, но сам жанр публичной рецензии, на мой взгляд, был безнадежно скомпрометирован. Обзоры, впрочем, не исчезли, сохранившись в диссертациях и монографиях, рав-

но как и оценки, часто довольно строгие и нелицеприятные, которые можно найти до сих пор в ряде внешних отзывов и выступлениях официальных оппонентов.

4 Уровень дискусионности в наших науках отнюдь не низок, низко качество публичных дискуссий, в которых нередко убедительнее выглядит не тот, кто ближе к истине, а тот, кто владеет приемами диалектики, опытный полемист, находчивый и громогласный. Кулуарные беседы в узком кругу, разумеется, приносят больше пользы тому, кто открыт для критики. Да и прочие ритуалы, включая интернетовские, небесполезны и, может быть, станут чуть-чуть эффективнее после этого обсуждения на страницах «Антропологического форума».

5 Научный мир арабистов, исламоведов, специалистов по Южной Аравии, в котором ведутся интересные для меня дискуссии, сколько помню, был «глобализирован» задолго до того, как это слово приобрело такую популярность. Этнокультурные традиции ведения дискуссий, конечно, проявляются в ходе обсуждений и споров, но чем самостоятельнее исследователь, тем мягче воздействие этого фактора. Интереснее вопрос о том, как действует на дискуссию рабочий язык научного форума, но это уже совсем другая тема.

6 Полагаю, что место «широкой публики» при обсуждении академических проблем — в зрительном зале, откуда при случае можно задавать вопросы экспертам. «Собственное мнение» неспециалиста, знакомого с проблемой понаслышке, как правило, отражает устоявшиеся предрассудки и, следовательно, малопродуктивно, если, конечно, речь не идет о будущем науки и всего человечества, где шансы экспертов и профанов уравниваются. Мне кажется, что разумное соотношение научности и доступности демонстрирует передача Александра Архангельского «Тем временем» на канале «Культура». Научно-популярные тексты, написанные вменяемыми компиляторами (скажем, для детей), могут быть полезны для возбуждения в читателе первого интереса к теме. Прекрасно, когда их создают крупные ученые, вроде И.Ю. Крачковского с его «Над арабскими рукописями», но такие примеры, к сожалению, наперечет. Веб-форумы и блоги приносят улов только тем, кто способен отделить зерна от плевел: ведь и помойки былых времен служат информационной базой для археологов.

7 Итак, чтобы выявить, сделать публичным имеющийся в наших науках уровень дискусионности и повысить качество дискуссий, вряд ли существуют новые рецепты. Можно попытаться поднять статус умирающего жанра рецензий (с помощью личных гонораров, премий и т.д.), заказывать их уважаемым

ученым, чей голос может быть услышан. Можно работать на стыке жанра — проблемный диалог или полилог, аннотированный биобиблиографический обзор, характеристика современных научных школ, непарадные статьи к круглым датам и юбилеям, попытки прогнозирования с отталкиванием от существующего положения дел (нечто вроде фьючерсного анализа) и т.д. Главное при этом — не вызвать к жизни верховного судию, какого-нибудь неистового Виссариона или Виссарионича, который объяснит нам раз и навсегда, как надо делать науку.

СВЕТЛАНА РЫЖАКОВА

«Золотом резать слово»: о стилевых, национальных и цеховых особенностях искусства дискуссии и рецензирования

Все перечисленные во втором вопросе причины отсутствия тесно связанных между собой серьезных дискуссий и практики рецензирования, разумеется, «имеют место быть» и, на мой взгляд, совершенно конкретные причины, мотивацию и даже формы проявления. Некоторый анализ в области «антропологии академических сообществ» (см.: [Антропология академической жизни 2008]) вполне способен их выявить, но вот вопрос о возможных **путях и задачах преодоления** создавшейся ситуации далеко не так прост, требует специального размышления. И главное тут — понять, на каких основаниях и для какой цели следует стараться, создавая дискуссионные и рецензионные площадки.

Одним из первых, как мне представляется, должен встать *вопрос о личной мотивации*. Не будем забывать, что участники почти всех, особенно широких и спонтанных обсуждений бывают мотивированы совершенно по-разному (о чем писали еще ранние буддийские проповедники, классифицируя публику как «ученых брахманов, погрязших в своих ложных воззрениях», «наивных простолоудинов», «профессиональных спорщи-

Светлана Игоревна Рыжакова

Институт этнологии и антропологии
РАН, Москва
lana@mega.ru

ков, чья цель — сам процесс, но не получение нового знания» и т.п.). Перед тем как вступать в дискуссию даже со своими коллегами, весьма полезно бывает выяснить, о чем, в конце концов, будет идти речь и кто ее участники. Так, О. Вейнингер написал столь популярный и впечатливший его современников, наполненный lamentациями в отношении женщин труд «Пол и характер», по прочтении которого немало молодых людей (включая самого автора) покончили жизнь самоубийством. Биографы, однако, знают, что производящий такое потрясение выбор точки зрения, подкрепляющих ее фактов и представлений, оформленный посредством блистательного стиля изложения, был во многом (если только не исключительно!) связан с конкретной личной драмой, пережитой юным филологом. Отвергнутый одной дамой, он решил отомстить всем.

В более или менее явном виде мотивация присутствует в избрании этнографом той или иной модели исследовательской стратегии: «сентименталистской», «аналитической», «романтической», «структуралистской», «психоаналитической» и т.д. (несколько иной набор приводит в своей статье «Модели исследовательских стратегий в этнологии: вызов поля и индивидуальный опыт» Александр Пригарин [Там же: 141–161]). При этом он далеко не всегда размышляет «как бы со стороны» над своим стилем, принципами отбора и инструментарием. Как это ни парадоксально, банальная повседневность бывает более рефлексивной. Так, один мой знакомый индеец, женившийся на русской женщине и заказывавший церемонию бракосочетания в индуистском храме Дели, услышал вопрос: «А какого плана обряд вы хотите совершить? Для себя лично, для ваших родственников или для общественного скандала?» В зависимости от ситуации и желаний клиента единый в принципе сценарий индуистской свадьбы может корректироваться. Не исключено, что это связано с богатой индийской традицией сохранения культурной вариативности, с одной стороны, и с привычкой к четкой социальной стратификации с выявлением конкретных групповых практик¹ — с другой.

Некоторый опыт участия в работе индийских научных конференций и семинаров дает мне возможность говорить о высокой вовлеченности участников в процесс, но весьма редко — об их умении «услышать другого», т.е. об освоении нового и реструк-

¹ Признание существования «других» влечет здесь за собой стремление выяснить важнейшие параметры их повседневной культуры и этикетных норм (т.е. коммуникативных аспектов), однако крайне редко — желание «понять их», узнать особенности их мировоззрения и т.п. Поэтому социализация в индийском обществе происходит прежде всего (а в ряде случаев и исключительно) в своей группе.

туризации исходного знания (разумеется, это не касается отдельных вестернизированных элитных научных групп). «Средняя» индийская научная дискуссия весьма театрализована по способу подачи материала, но, как правило, представляет собой не «спектакль», а «концерт», выступления в котором могут быть объединены только отдельными референтными концептами, все «синтагматические» связи между которыми (включая подчас и историческую хронологию) докладчики выстраивают совершенно самостоятельно.

Вторым может быть поставлен вопрос о *национальных и культурных моделях* в постановке и разворачивании дискуссии. При множестве очевидных универсалий в общем подходе к коллективному обсуждению любой проблемы разные исторические эпохи, этнические и национальные культуры мира сформировали свои конкретные способы его реализации. Известны отдельные национальные, региональные, конфессиональные *стили и традиции дискуссии*; структурно они практически всегда располагаются между этикетом, областью этических и даже эстетических (мы говорим как о «недопустимых», так и о «некрасивых», «неэлегантных» типах поведения дискутирующих) представлений, а также мировоззрением. Научные традиции по идее составляют независимую от них сферу, восходящую в перспективе к Античности (откуда, в частности, идут симпозиумы с алкогольными напитками), но на практике мы зачастую имеем дело со своеобразным «синкретизмом», объединяющим научные методы с мифологией, идеологией и даже пропагандой и бренд-менеджментом.

Одной из самых отработанных стала *культура буддийского диспута* — обязательная часть монашеского образования, основоположником которой считается Дигнага, а один из важнейших центров — монастырь Сёра около столицы Тибета Лхасы.

Теперь каждый посетитель может увидеть процесс дискуссии монахов во внутреннем дворике в условленное время (обычно три-четыре раза в неделю, примерно с трех до пяти пополудни). Один монах или послушник, задающий вопросы, сидит на земле, второй, отвечающий, стоит напротив. Первый сохраняет непроницаемость и неподвижность, второй же все время совершает плавные ритмичные движения, похожие на своеобразный танец или композицию боевых искусств. Временами он приходит в возбуждение, а выдвигая удачный тезис, «запечатывает» его хлестким шлепком ладонью о ладонь, словно бы «отсылая» оппоненту. Так юноши тренируют не только умение слушать и слышать, говорить, отстаивать позицию, но и пластику телесных движений, соответствующую понятиям «во-

прос», «сомнение», «поиск», «обретение», «облечение идеи плотью», «соответствие» и другим гораздо более сложным когнитивным категориям буддийской картины мира и монашеской практики по развитию сознания.

Любопытно, что ни культура диспута в частности, ни вообще философия не имеют тут непосредственного отношения к «истине», которая в *махаяне* представляется трансцендентной любому человеческому высказыванию и способна «сама просить» где-то между индивидуальными усилиями и нагнетенным общим обрядовым пространством. Во всяком случае, буддийский диспут ни в коем случае не направлен на укрепление человеческого эго — следствия невежества, главного из *корней неблагого*.

В этнографических трудах описан и *эскимосский обычай группового танца-дискуссии, танца-спора*, который может длиться годами и представляет собой периодически собираемые коллективные «посиделки» с обильной трапезой и вполне дружеским общением, куда инкорпорированы «сеансы» своеобразной пантомимы, участники которой исполняют друг напротив друга ужасающие пляски со страшными выражениями лица, угрожающими движениями и опасными выпадами. Звучит громкая брань, вся окрестность сотрясается от топота и потрясения оружием, но люди не касаются друг друга, не проливается ни капли крови. Через некоторое время участники «дискуссии», утомленные, прекращают свои яростные действия, отдыхают и примыкают к мирно беседующим собратьям. Непосредственный предмет спора (кража, чьи-то неправомерные действия) может даже ни разу не называться и никак не реферироваться в ходе собрания; решение проблемы, таким образом, передается в ведомство соответствующих духов и божеств, «ответ» от которых затем ожидается.

Весьма подробно описан во многом кодифицированный, хотя не всегда записанный *кавказский этикет дискуссий*. Одним из главных его принципов является почтение к старшим, и особенно пожилым мужчинам. «Золотом режу твое слово» — типичное абхазское выражение, которое говорят в случае, если нужно перебить речь другого, уважаемого человека.

Из всех приведенных выше примеров с неизбежностью следует следующая, третья проблема культуры дискуссий, а именно — *обучения*. Речь идет о дискуссии как культурном институте, который не возникает «сам собой», но передается как особый коллективный навык. Умению дискутировать нужно специально обучать в малых группах, немножко в средних школах и особенно в вузах; это уже поздно начинать делать в аспиран-

туре, куда должны приходиться люди с навыками обсуждения проблем, но где стоит в принципе иная задача самостоятельной работы.

Личная образованность, сумма знаний и полученный в полевой работе опыт еще не гарантируют успешность участия в научном диспуте, так же как танцор весьма часто не умеет двигаться в паре или группе. Собрание даже десятка превосходных солистов без умелого и авторитетного режиссера может не только не привести к формированию хорошего общего танца, но стать причиной конфликтов, взаимных обвинений и полного распада коллектива.

Итак, дискуссия — это *ремесло «постановщика»*, которое заключается в навыке оперирования как с «микроскопом», так и с «телескопом», в умении видеть проблему одновременно и в деталях, и на расстоянии. Это мастерство создавать объемную картину, помнить о композиционном общем, рассказывая о конкретном и частном. Разумеется, далеко не все участники научного процесса владеют им на высоком уровне; к тому же тут необходимы и научный авторитет, и некоторые административные ресурсы. Нам всем нужно выявлять людей, способных быть медиаторами, поощрять их к устройению дискуссионных площадок и не отказываться от участия в них.

В свои университетские годы (1989–1994) я не получила хороших навыков научной дискуссии. Лучше обстояло дело во время моего обучения в летних школах Центрально-Европейского университета, где установочные лекции длились, как правило, минут сорок, за чем следовало оживленное обсуждение предварительно поставленной и уже заранее освоенной нами в рамках самостоятельной работы проблемы. С гораздо более высоким дискуссионным и рецензионным уровнем я столкнулась в малых научных группах, объединенных работой по конкретным проектам, а также среди коллег по другой моей сфере деятельности, а именно танцоров, постановщиков и преподавателей индийского классического танца и музыки.

Извините, коллеги-ученые, но музыкальный инструмент и сцена гораздо явственнее, чем письменные тексты, проявляют как личный, так и профессиональный уровень человека; в этой области нет равнодушных, тут идут весьма острые обсуждения, в которых заняты практически все участники. Я многому научилась в ходе танцевально-музыкальных занятий и благодаря моим учителям и сокурсникам, с которыми мы постоянно находимся в состоянии творческой дискуссии и непрерывного взаимного жесточайшего рецензирования.

Многое, конечно, зависит от конкретно сложившейся *ситуации*. Более десяти лет я преподаю в РГГУ, в Центрах изучения религий, социальной антропологии, читаю лекции и студентам-востоковедам. Не во всякой группе удастся создать атмосферу, способствующую плодотворным семинарским занятиям, и это связано как со степенью личной заинтересованности студентов предметом, так и с уровнем того образования, знания и навыков, с которыми они приходят из школы. Организация же качественных семинарских занятий, на которых, собственно говоря, и тренируются навыки участия в дискуссии, является особой деятельностью в рамках курса, усвоение которого можно проверить элементарным письменным тестом (что весьма «облегчает» работу преподавателя и освобождает его от лишней нагрузки).

Среди примеров положительного опыта формирования дискуссии — хотя и не в исследовательской, а всего лишь в студенческой среде — могу привести цикл семинарских занятий об индуистских культах в рамках курса «Религии Индии» в РГГУ (сентябрь—декабрь 2008 г.), на котором я сама была свидетелем зарождения «объемной картины», где все участники обретали опыт «двойного взгляда», с интересом слушая доклады друг друга, задавая, как правило, очень уместные вопросы и анализируя частный материал исходя из конфигурации постепенно рождающегося «мира культа». Каждый докладчик, «ответственный» за определенного бога/богиню, нашел сведения об особенностях данного образа, обрядовых практик, верований и мировоззрения. Излагая материал, почти все студенты выходили на общую проблематику, на само понятие индуистского (да и вообще религиозного) культа, его структуру, вариативность, возможные общественные функции, способы преобразования, формы трансляции в историческом времени и культурном пространстве.

Далее возникает *проблема цеха*. Замеченное отсутствие интересных дискуссий и исчезновение жанра рецензий имеют общую природу и связаны во многом с очевидно падающим уровнем осведомленности о работах коллег, пишущих не совсем по твоей проблематике. Рост общего объема печатной или иным образом публикуемой продукции (реальной и полезной информации там, может быть, и не так много) заставляет нас читать гораздо больше, чем раньше, но парадоксальным образом приводит к ситуации, что прочитанного оказывается меньше (разумеется, тут нужно вспомнить гениальный труд Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»: «Чтобы остаться на месте, нужно быстро бежать, а чтобы переместиться в пространстве — бежать в два раза быстрее!»).

За редким исключением особо смелых и принципиальных ученых, не слишком дорожащих своими связями и не стремящихся сделать карьеру, большинство из нас не выносят в общее публичное пространство журналов свое критическое мнение по поводу конкретных монографий, выступлений на конференциях и иным образом изложенных позиций. Один из уважаемых коллег, известный ученый, уже долгое время не может опубликовать свою содержательную и весьма критическую рецензию на учебное пособие по этнической истории одного из народов России. С.В. Соколовский отметил, в частности, что одна из причин сложившейся практики непубликации отрицательной рецензии восходит к печальной советской практике, где печатное слово почти автоматически означало «официально принятую точку зрения», за чем обычно следовали остракизм, арест и даже расстрел критикуемого.

Между тем то обстоятельство, что ныне рецензии в большинстве случаев носят далеко не аналитический, а скорее информационный и даже рекламный (иногда и саморекламный) характер, имеет, по-видимому, также и другую причину. Она заключается в том, что дисциплина «этнография, этнология, антропология» в целом перестала быть наукой и ныне представляет собой сферу культурной занятости разных специалистов: как этнографов, так и политологов, социологов, психологов, беллетристов, как ученых, так и краеведов, художников, поэтов, (нео)шаманов, бренд-менеджеров и туроператоров. Ни в коей мере не исключая возможности обретения нового полезного знания и видения в междисциплинарном поле, осмелюсь заметить, что дискуссия между ними, как правило, подобна попытке соединения на одном поле для одной игры и со своей экипировкой футболиста, стрелка из винтовки, метателя диска, гимнаста, велосипедиста и шахматиста. Эта сюрреалистическая картина отсутствия не только единой (разумеется, разнообразной, но хотя бы известной и понятной всем) методологии, но и языка описания просто не предполагает единого основания для верификации данных. Тут каждый участник становится элементом общей клиповой модели, а его личный успех зависит исключительно от поверхностного впечатления в контексте этого пазла, который он способен создать. Проистекающая же отсюда «междисциплинарность» довольно часто является не чем иным, как переделом «земель», поиском в любых областях науки и искусства истинных коллег, нацеленных на решение той же задачи, что и ты. Таким образом, усиление «междисциплинарности» можно рассматривать как весьма неблагоприятный симптом, свидетельствующий о разрушении оснований (мировоззренческих, методологических, инструментальных)

исходных наук, которые не исчезают только в силу общественной инерции.

Я встречалась с ситуацией, когда мои попытки выйти на проблемное поле дискуссии встречали полное непонимание и отторжение, за чем следовали даже личные оскорбления. Среди ряда отечественных коллег сохраняется обычай разделения и защиты своих «делянок» исследовательского поля; довольно типичная фраза «да он не специалист в этой области» иногда (хотя, разумеется, не всегда) выполняет роль «метлы», отгоняющей «чужаков» от «своего огорода», что обеспечивает, среди прочего, отсутствие конкуренции. Таким образом, в наши дни можно констатировать черты своеобразного «неофеодализма» не только в общественной российской жизни, но, в частности, и в гуманитарной науке, и ситуация с культурой научных дискуссий и рецензирования показывает это наиболее отчетливо.

Диспуты, форумы, интересные дискуссии отнюдь не исчезли, они идут, и вполне успешно — в малых группах, в локальных научных сообществах работающих в рамках определенных проектов или даже никак не объединенных организационно, а пишущих самостоятельно ученых (и примыкающих к ним лиц). Участники этих коллективов не ангажированы политически и идеологически, не стремятся возвыситься и подавить других, здесь нет места грантовой конъюнктуре и личным «разборкам». Ритм работы подобных групп может отличаться от обычного академического цикла — быть гораздо короче или длиннее. В результате такой работы выходят, как правило, самые интересные труды.

Итак, в проблему цеха входят наличие (или отсутствие) реального (а не декларативного) авторитета, доверия, умения оценить достижение любого, даже самого начинающего исследователя, интерес к творчеству другого и радость его успехам. Можно даже сказать, что само *наличие такого цеха* уже и составляет институт дискуссии и рецензирования. Целью успешной дискуссии может быть только сама наука (или искусство) и ее формы выражения; появление рядом любой другой задачи — политической, идеологической, рыночной и т.п. — с неизбежностью разрушает систему. Я уверена в том, что реальный научный процесс — вещь и элитарная, и во многом даже интимная. Далекое не все, что пишется и тем более произносится тут, может и должно публиковаться и тем более выноситься на широкое обозрение.

И тут встает последний *вопрос о методах дискуссии и рецензии*. Здесь мы должны вернуться к исходному пункту наших размышлений, а именно — к теме мотивации, ведь вопрос «как»

является производным от вопроса «зачем». Дискуссия и рецензия оказываются двумя разными инструментами научного (как, впрочем, и художественного) процесса. Я думаю, что настоящая, добротная рецензия должна быть в какой-то мере подобна «пересотворению» тела шамана: должны быть перемыты все «кости», переварено все «мясо», чтобы осталось по-настоящему крепкое и вечное основание. Но делать это можно только в отношении того, кто правильно поймет, преобразуется и обретет новое «тело». Конечно, речь должна идти не о личности рецензируемого (как, к сожалению, это иногда и выходит; между тем многие авторы слабо способны дистанцироваться от созданных ими текстов), а об обсуждаемой проблеме. Разумеется, не каждому человеку, подвигающемуся на ниве науки, это понравится, да и немного тех, кто умеет это качественно и необидно делать: сам рецензент обязан быть настоящим профессионалом. Все это, естественно, имеет смысл только в том случае, если оба находятся в рамках одной научной традиции и говорят на одном языке (или хотя бы понимают друг друга).

В заключение два слова по поводу *публичности* дискуссий и рецензий. Тут я всецело присоединяюсь к опыту буддийских проповедников, которые, как известно, не стремились «усреднить», сделать отчетливым, понятным и массовым текст своего послания, но отработали практику строгой оценки и дифференциации аудитории и для каждой из многих типов групп предложили разные версии в целом буддийских текстов. Прекрасное умение, доступное, к сожалению, далеко не всем нашим коллегам, — изложение взглядов на разных культурных диалектах — могло бы стать залогом их более активного и успешного участия в разных областях общественной жизни.

Наука же, как и священный мир, я думаю, должна иметь своих «стражей», «демонов-охранителей», только пройдя сквозь которых человек совершенствуется, обретает иной облик, жизненный смысл и признание среди тех, кому он доверяет. Лучшее, красивейшее и сложнейшее не предназначено для широкой публики, и это иллюстрирует, например, следующее обстоятельство. Известно, как высоко развита и популярна индийская классическая музыкальная культура. Завоевание признания аудитории — к этому стремятся все, от начинающих студентов до великих исполнителей. Но самые главные «драгоценности», шедевры, уникальные технические и художественные приемы — кхасы (обычно передаваемые строго по наследству, внутри семей музыкантов) — не услышишь на массовых концертах. Для этого существуют закрытые приемы и немногочисленные сообщества истинных знатоков и ценителей, способных в течение целых ночей слушать выступления масте-

ров. Здесь нет места видео- и фотокамерам, сюда люди приходят только за искусством. Так, например, госпожа Аннапурна Деви, первая супруга великого и знаменитого на Западе музыканта, мастера игры на ситаре Рави Шанкара, никогда не играет для широкой публики; затворившись в частном доме в Бомбее, она дала обет посвящать свое искусство Богу. Зная только ее немногочисленные кулуарные выступления, музыковеды признают, что она играет даже лучше своего выдающегося супруга.

Библиография

Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / под ред. Г.А. Комаровой. М., 2008.

НАРИМАН СКАКОВ

4

Конференции зачастую служат развитию связей и знакомств (networking), а не способствуют дискусионности и поддержанию научной формы. Свободные обсуждения в Интернете часто проходят на низком научном уровне, кроме того, по моему опыту, их участники не придерживаются элементарного этикета. Повысить дискусионность может, на мой взгляд, традиционный метод семинара, усовершенствованного современными технологиями. Это могут быть семинары как интернет-мосты, в рамках которых встречаются специалисты разных стран и школ (к примеру, Skype уже сейчас может использоваться как бесплатная телефонная связь между странами и континентами).

5

Понятие «граница» (дисциплинарная, странственная, государственная) перестает быть доминирующей концепцией в академических кругах. Легкий доступ к всевозможным дискурсам и мнениям (как вследствие революций в новых технологиях — e-mail, Internet, iPod и пр.) подхлестывает быстрое распространение информации. Научные прения имеют место на всевозможных on-line форумах, где часто отсутствует модератор — посредник в процессе

обсуждения. Полная либерализация научной мысли уже становится абсолютной реальностью. В то же время эгалитарное цифровое пространство может стать причиной упадка интеллектуального уровня научной дискуссии: в информационном потоке порой трудно найти осмысленный и интересный текст. Мне кажется, что столкновения разных «национальных» традиций ведения дискуссии — это небольшая опасность. Угроза идет со стороны объема информации, который становится доступным посредством всевозможных дискуссий на различных уровнях. Научные гуманитарные исследования рискуют превратиться в компиляцию-резюме второстепенной информации (на обработку которой уходит все больше и больше времени), в то время как попытка сведения материала в цельную картину и рефлексия над методами и прочими теоретическими вопросами уйдет на второй план.

Между тем некие различия между школами остаются и влияют на методы ведения научной работы. Я ощутил фундаментальное различие между стандартным советским вузом и британским высшим образованием через личный опыт (высшее образование в вузе одной из республик бывшего СССР, заведении среднего уровня, и магистратура и докторантура в традиционном британском вузе). Перестройка менталитета (только в отношении работы с текстами) заняла в общей сложности около трех лет. Я осознал, что концепция «реферата», пропагандируемая в большей или меньшей степени на всех уровнях высшего образования бывшего СССР, заблокировала мою способность свободно взаимодействовать с материалом (главным образом эстетическим). Следы «рефератной» системы видны и в современных российских публикациях, где зачастую формулируется скромная гипотеза и затем для ее подтверждения сводятся все «небожители» дисциплины. Дублирование аргументов и «пережевывание» банальных постулатов должно энергично искореняться как наследие жесткой идеологической системы.

6

Избежать участия «широкой публики» в научных или иных дебатах, на мой взгляд, сейчас совершенно невозможно. Все тайное оцифровывается и выкладывается в Интернет. К тому же речь сейчас не может идти о «широкой публике», а скорее дело в открытости тех или иных дебатов.

Функция «научно-популярной» литературы, как мне кажется, будет расти. Пример: лекция оксфордского профессора экономики о глобальном кризисе была прослушана через iTunes около 20 000 раз за первую неделю публикации в сети. Граница между университетом и «обывателями» стирается. Более того, ряд влиятельных ученых становится все более и более активными в общественных сферах. Ноэм Чомский (политика),

Славой Жижек (права человека), Жак Деррида (защита животных) — примеры стирания границ между общественным и научным.

7

Как одна из идей: сделать несколько выпусков с приглашенными редакторами, которые будут представлять разные научные школы (британская, североамериканская, континентальная европейская, российская). Каждый номер мог бы быть посвящен отдельной «школе» с работами о методе и статьями, использующими данный метод на основе какого-либо антропологического материала. Задача редакторов (которые должны быть флагманами своего академического пространства) — привлечь лучшие и самые показательные работы своей школы. Единственная возможная проблема — это выбор рабочего языка, удобного для всех участников (английский и русский?).

СТИВЕН СМИТ

Похвала академической монографии

Заходя в прошлом году в российские книжные магазины, я был поражен тем, что намечилось разделение между книгами по истории, написанными для широкой аудитории (небольшое количество наименований, часто на политическую, военную или национальную тему), и множеством академических изданий, которые готовятся профессиональными историками и печатаются маленькими тиражами. Согласно данным Книжной палаты, в 2007 г. в Российской Федерации было опубликовано рекордное число наименований — более 100 000 книг и брошюр, из которых 3207 составляют работы по истории. Это меньше, чем по экономике (6945) и юриспруденции (5864), но больше, чем по философии (2619), психологии (2351) или социологии (1529). Средний тираж «научных изданий», однако, составил лишь 490 экземпляров¹.

Стивен Смит (Stephen Smith)
Эссекский университет, Колчестер,
Великобритания
smits@essex.ac.uk

Эти цифры предполагают, что, несмотря на иную, чем на Западе, структуру книжного рынка в Российской Федерации, которая,

¹ <http://www.bookchamber.ru/stat_2007>.

хотя здесь доминируют коммерческие издатели, все еще опирается на субсидии центрального и региональных правительств, модель издания работ по истории стала такой же, как на Западе. В Великобритании и США, например, книги профессиональных историков повсеместно принимают форму специализированных монографий, а их тиражи постоянно падают начиная с 1970-х гг., доходя теперь до той точки, где продажи составляют менее четверти от прежних цифр. В то же время количество монографий по истории увеличилось, отражая рост числа профессиональных историков в университетах. Однако, несмотря на прогресс электронных технологий, публикация исторических монографий больше не выгодна для издателей, так что тиражи невелики (часто около 500 экземпляров), и даже университетские издательства сейчас стремятся издавать исторические книги, ориентированные на широкую публику.

То, что в обществе постмодерна публика теряет ощущение связи с прошлым и начинает жить в бесконечном настоящем, уже превратилось в клише. Но по крайней мере в Великобритании, как представляется, это никак не связано со снижением общественного интереса к истории. Мои коллеги в США часто жалуются на отсутствие исторического сознания у широкой американской публики, но нельзя сказать того же о Великобритании. Исторические телесериалы вроде «Истории Британии» Саймона Шамы имели большой успех; сейчас доступны два спутниковых и цифровых исторических телеканала; фильмы на исторические темы имеют кассовые сборы. Говорят, что в 2006 г. в Великобритании 42 млн чел. сходили в музей — больше, чем на матчи футбольной лиги; интерес широкой публики к охране исторических памятников и археологии также высок.

Можно добавить, что существует множество любителей, занимающихся историей, включая тех, кто исследует историю своей семьи и местной общины, а также вовлеченных в устно-исторические проекты и другие формы фиксации прошлого и тех, кто любит разыгрывать исторические события. Вся эта деятельность, которую по-английски сейчас все чаще называют «публичной историей» (т.е. историей, которую читает, смотрит, слушает и практикует широкая аудитория), свидетельствует об общественном интересе к прошлому, но поднимает весьма болезненный вопрос о том, каким образом большая часть академической истории — в форме монографий, изданных небольшим тиражом для коллег-специалистов, — соотносится с этим общественным интересом и с более общей задачей формирования общественного понимания прошлого.

Несмотря на снижение продаж книг профессиональных историков, академическая история в Великобритании держится на

плыву. По недавней оценке исследований авторитетной компании Research Assessment Exercise (RAE 2008), история находится в «очень здоровом состоянии». Каждый из 1819 историков, работающих на полную ставку в 83 университетах, представил по четыре публикации для рассмотрения, и лишь очень небольшая часть этих работ получила оценку «ниже международного» уровня. И все же только ничтожная доля этих работ будет прочитана кем-либо вне узкого сообщества профессиональных историков.

Видимо, это происходит не от того, что ученые-историки не интересуются широкой публикой. Группа истории RAE прокомментировала довольно распространенную вовлеченность профессиональных историков в публичную историю: «Университетские историки по-разному участвуют в жизни местных и национальных общин, включая связи с музеями, организациями наследия, местными, а также национальным СМИ, инициативы по обучению взрослых и гражданскому образованию»¹. Однако ясно, что работу ученых-историков характеризуют качества, ориентированные не на простого читателя. Новизна, аналитическая острота, убедительность аргументации, глубина исследования, которые ценятся в академическом мире, необязательно будут оценены широкой читательской аудиторией. Что еще важнее: они часто идут рука об руку с узостью видения, сбивающим с толку «научным» стилем, концентрацией на анализе «проблем», увлечением академическими спорами в ущерб повествованию и обобщению, которые привлекают неакадемических читателей.

В последние годы в Великобритании наблюдается рост небольшого числа ведущих ученых-историков, которые пытаются идти навстречу общественному интересу и пишут серьезную, профессиональную историю, избегая при этом худших черт академической монографии или статьи. Это явление особенно заметно в области советской истории XX столетия, где многие книги о Ленине, Сталине и Второй мировой войне принесли большую прибыль авторам и издателям. Это выдвигает на первый план проблему ценности академической исторической продукции. Нужно ли нам большое количество монографий специалистов и постоянно увеличивающееся число специальных научных журналов?

Не так давно вся история писалась для образованной публики. В 1839 г. в начале своей книги по истории Англии с древнейших времен до 1660 г. Томас Бабингтон Маколей отмечал, что

¹ <<http://www.rae.ac.uk/pubs/2009/ov/U0A>>, обзор 62 субъектов.

он будет удовлетворен, только если его труд на несколько дней сменит последний роман на столиках молодых женщин. Конечно, к разделению исторических книг, создаваемых для широкой публики часто непрофессиональными историками, и исторических работ все более и более специализированного типа, написанных для научного сообщества, привел рост исторического образования и письма и их специализация в рамках академии. Уже в 1920 г. Американская историческая ассоциация создала комитет для изучения «общего протеста большей части публики против тяжелого стиля, характерного для значительной части исторических работ, которые сейчас пишут». В одной из глав их отчета Джон Спенсер Бассетт спрашивал: «Могут ли авторы, преданные исследованию и исполненные научного духа, придерживаться своих целей и в то же время писать историю, имеющую обаяние литературы?» Этот вопрос до сих пор встает перед нами.

Мне кажется, что желание обратиться к публике за пределами научного мира замечательно. Качество работ историков в Великобритании, которые недавно имели коммерческий успех, в общем высоко: конечно, выше качества средней академической монографии. Большинство этих работ написаны изящной и привлекательной прозой. В отличие от учебников, которые ориентированы на школьников или студентов, они нередко включают в себя новое историческое исследование и в этом смысле могут претендовать на оригинальность как в содержании, так и (на что есть надежда) в интерпретации. Такие работы часто принимают форму биографии или исторического повествования, и их удобочитаемость происходит оттого, что они фокусируются на «крупных» исторических фигурах, их решениях, склонностях и моральных падениях. В центре таких работ чаще, чем в большинстве научных трудов, стоит историческое событие с последующим акцентом на роли случайности или решительного политического или военного руководства. Иногда для подобных книг характерно красочное описание «опыта» простых людей, застигнутых в водовороте войны и революции. Но здесь и узкое место, поскольку все, что адресовано широкому читателю, — и что само по себе может быть хорошо — имеет оборотную сторону, так что эти тексты нередко ставят проблемы для профессиональных историков. Фокус на индивидуальности, например, укрепляет идею истории как произведения «великих людей»; фокус на человеческих действиях скрывает влияние более глубоких и «структурных» уровней причинности на историческое развитие; фокус на повествовании часто переносит внимание с анализа проблем, так что сложные взаимосвязи человеческих действий и структурных причин сглаживаются в интересах плавного и увлекательного

повествовательного потока. Наконец, фокус на личных мотивах нередко вызывает субъективную — и часто моралистическую — реакцию читателя.

Теоретически академическая история пишется в относительно свободной от давления рынка или государства среде, где беспристрастное научное исследование проводится ради него самого. В действительности, конечно, давление среды — подчинение правилам ради получения академической позиции или производство текстов для продвижения по службе или для следующей оценки RAE — является совершенно реальным. Однако в общем верно, что академическая история в значительной степени пишется ради себя самой, а не из потребности выжить или заработать деньги. Это не так для коммерчески успешного — или потенциально успешного — историка, который стремится писать книги или создавать телесериалы для широкой публики. Такой историк может быть движим желанием способствовать пониманию в обществе и внести вклад в демократические прения. В действительности, однако, он с самого начала находится под давлением — литературных агентов, издателей, телепродюсеров, распространителей, редакторов отдела рецензий на новую книгу в качественном издании — и должен создать то, чего хочет публика, поскольку это наименее рискованная гарантия прибыли. Самым успешным из новой породы историков издатели или продюсеры платят большие авансы, огромные суммы тратятся на маркетинг: в таком случае определяющим фактором должно быть то, что книга или телесериал будут проданы в больших количествах.

Итак, с самого начала то, о чем пишут историки, оформляется — или даже предопределено — представлением агентов и издателей о том, что будет иметь хороший сбыт. Книга о любовниках Екатерины II неизбежно будет продаваться лучше, чем книга о русско-турецких войнах; еще одна биография Сталина неизбежно будет продаваться лучше, чем труд о сталинизме и формировании советской идентичности. При этом «эксперты» не всегда верно понимают ситуацию. Какой литературный агент предскажет, например, что книга о том, почему некоторые общества развивались более 14 000 лет, а другие — нет («Оружие, микробы и сталь» Джаред Диамонда), будет продана в количестве более 1,5 млн экз. и выиграет Пулитцеровскую премию? Кроме того, лучшие из историков, которые сейчас пишут для широкой публики, находят способы убедить агентов и издателей, что инновационное историческое исследование может быть оформлено таким образом, чтобы соответствовать требованиям науки и при этом быть привлекательным для широкой публики. Однако когда ставки настолько

высоки, новизна темы или подхода, а также многие обычные признаки научной истории (типа сносок) или явное включение в работу других ученых невысоко стоят в приоритетах коммерческих издателей.

Существует еще менее очевидное давление: необходимость апеллировать к общественному вкусу не зависит от выбора предмета. Она также влечет за собой удовлетворение — или по крайней мере не разочарование — более глубоких идеологических и этических склонностей публики. В книгах по советской истории, которые появились в Великобритании после того, как Советский Союз прекратил существование, ощутимо желание удовлетворить потребность публики в истории, описанной в терминах политической неудачи и морального банкротства. Конечно, у каждого историка есть этическая ответственность, которая требует обратиться к кровавым преступлениям всех режимов в XX столетии (включая демократические режимы). Однако историческое повествование, выводящее на передний план «преступления» коммунистов или злую волю Сталина, с большой вероятностью создает историю, в которой моральное осуждение «выдавливает» историческое понимание и служит главным образом для конструирования «другого», на фоне которого британские и американские читатели смогут чувствовать себя комфортно. Здесь академическая манера рассматривать преступления в истории без пристрастных суждений, с целью объяснить, а не осудить, является, конечно, предпочтительной. Она может удовлетворить издателя, который продвигает книгу как «спорную», даже «шокирующую», но редкая книга действительно заставляет читателей обратиться к их собственным политическим и этическим стереотипам и при этом имеет хороший сбыт.

В заключение: разные проблемы поднимает коммерчески успешная история, с одной стороны, и академическая — с другой. До некоторой степени они представляют две различные культуры, и шансы их нового объединения через возвращение во времена Маколея невелики. Поток книг и телесериалов, ориентированных на аудиторию мейнстрима, замечателен в своем стремлении сформировать и обогатить понимание в обществе. Но в основе этого стремления в конечном счете всегда лежит потребность делать деньги. Академическая история, напротив, вдохновляется идеей поиска знания ради знания (даже под угрозой внешнего давления), но обычно в жертву приносится любая попытка поставить специальное знание на службу публике. Если желательно, чтобы в обществе простые люди имели больший контроль над своей жизнью, то существенно расширение их знаний о прошлом и поощрение

менее поверхностного, менее идеологического, более критического понимания прошлого.

Профессиональные историки могут внести в этот процесс уникальный вклад, поскольку только через поощрение более сложного понимания исторического развития, расширение границ общественного интереса к прошлому географически и хронологически, развитие критических навыков вовлечения в историческую работу и спора с ней может происходить прогресс демократии. Возможно, все профессиональные историки должны пробовать создать по крайней мере одну работу по популярной истории в течение своей карьеры. В то же время это требует, чтобы в остальном мы занимались историей, свободной от давления рынка и согласно строгим научным стандартам.

Следовательно, профессиональные историки не должны прекращать писать монографии и научные статьи, как бы мало людей их ни читали; поскольку история может внести вклад в публичные дебаты, только если она укоренена в постоянном глубоком изучении сложных исторических проблем, объяснении важных деталей, спорах и расширении границ исторического исследования теми способами, которые отражают изменяющиеся потребности общества.

Это требует, прежде всего, серьезных занятий историческими исследованиями согласно строгим научным стандартам.

Пер. с англ. Ольги Бойцовой

МИХАИЛ СОКОЛОВ

Гоффман, Мэри Дуглас и смысл (академической) жизни: церемониальные аспекты критических дискуссий в теоретической социологии

Этот текст начинал писаться в ответ на один из поставленных редакцией «АФ» вопросов: почему в социальных науках осталось так мало дискуссий? Чем дальше, тем больше, однако, другая загадка выходила в нем на первый план: почему те дискуссии, которые все же имеют место, выглядят именно так,

Михаил Михайлович Соколов
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Государственный университет —
Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал)
msokolov@eu.spb.ru

как они выглядят? В конце концов, я убрал почти все соображения относительно объема и оставил только предположения о характере, поскольку мне кажется, что ответ на второй, качественный, вопрос существенно ответа на первый, количественный, и до некоторой степени предопределяет его. Те дискуссии, которые ведутся в социальных науках, не стоят даже того времени, которое на них тратится сейчас. Можно предложить несложный (хотя и дорогостоящий) механизм, увеличивающий их количество, но никакого диалектического перехода в качество от этого приращения ждать не приходится.

Все предложенные ниже гипотезы относятся только к одной дисциплине — социологии. Любого рода генерализации требуют дополнительных оговорок, но не кажутся заведомо невозможными.

Одно из влиятельных движений в анализе социологической теории настаивает на ее внутреннем родстве с художественной литературой (см. [Nisbet 1976; Brown 1977; Green 1988]). Те «социальные миры» [Becker 1982], в которых происходит их производство, однако, демонстрируют одно важное различие. Литературный мир признает незыблемую границу между произведениями искусства и корпусом текстов, которые посвящены этим произведениям: рецензиями литературных критиков, исследованиями литературоведов, биографиями, написанными историками литературы, пособиями для тех, кто хотел бы написать бестселлер, и т.д. Все эти многообразные жанры имеют своих собственных профессионалов (как правило, не одних и тех же людей), склонных уважать различия между ремеслом друг друга.

Подобное разделение труда отсутствует в социологической теории, где нет даже конвенциональных терминов, противопоставляющих тех, кто занят производством собственно теории, тех, кто оценивает теории, созданные другими людьми, тех, кто пытается понять, как теории создаются, тех, кто учит этому студентов, и тех, кто пишет историю этих попыток¹. От каждого из заявляющего о своих теоретических претензиях ожидается, что он продемонстрирует искусство в каждом из этих ремесел, снабдив свое сочинение прослеженной интеллектуальной генеалогией, инструкциями, которые гипотетически позволя-

¹ Преувеличение, которое содержит в себе самое последнее утверждение, сравнительно невелико: книги по истории социологической теории, разумеется, существуют, но они почти неизменно пишутся одними теоретиками, чтобы преподать другим теоретикам какой-то урок, призвав их следовать путями интеллектуальных первопредков. Исключение составляет лишь некоторое количество чисто институциональных историй и «Хаос дисциплин» Эндрю Эбботта [Abbott 2001].

ют проследить шаг за шагом ход его мысли (и создать целую индустрию по производству аналогичных текстов), нескромным сравнением с работами других теоретиков и всем остальным, что (рассуждая по аналогии с искусством) должны были бы делать другие люди. Теоретический текст, в котором отсутствуют все эти элементы, современный читатель считает в высшей степени экстравагантным (комментарии к Гоффману, вызывающе пренебрегавшему большей их частью, иллюстрируют спектр возможных здесь эмоциональных реакций)¹.

Этому простому социологическому наблюдению может быть дано столь же простое объяснение. Оценка любого рода действия — риторического действия автора теоретического текста в том числе — может производиться с двух разных позиций: *эффективности* или *легитимности*. «Эффективность» указывает на какие-то внешние по отношению к самому действию критерии его успешности, «легитимность» — на соответствие действия процедурным нормам, воплощающим принятые стандарты для данной области поведения.

Мы можем легко предположить, каковы условия, в которых преобладает тот или иной режим оценки². Оценка эффективности предполагает, что у действия есть однозначно идентифицируемые результаты и вердикт по поводу этих результатов может дать значительно более широкий круг, чем круг тех, кто в состоянии вникнуть в тонкости ремесла. Оценка легитимности предполагает разложение действия на серию выборов между курсами поведения и сопоставление с тем, что считается эталоном³. Там, где критерии эффективности считаются применимыми, им чаще всего отводится доминирующая роль: если битвы выигрываются вопреки тому, что считается закона-

¹ Я использовал здесь сравнение с литературой, отчасти чтобы избежать сакраментальных параллелей с естественными науками (их будет достаточно дальше). Последним это разделение труда, разумеется, тоже знакомо: для теоретических физиков в высшей степени нетипично быть одновременно специалистами в истории или философии своей дисциплины. Живопись или архитектура были бы еще лучшим примером: никто не живет в трактатах по теории архитектуры, кроме книжных червей.

² Эти рассуждения ничем не обязаны Тевено и Болтански [2000], помимо самого красивого слова «режим». В рамках каждого из их шести «оправдательных режимов» есть место для каждого из двух склоняемых здесь режимов оценки. Между тем, как читатель, вероятно, уже понял, они многим обязаны институциональной теории организаций [DiMaggio, Powell 1983; Meyer, Rowan 1977] и, по сути дела, представляют собой ее расширение в области интеллектуального производства.

³ Эти выборы варьируются прежде всего по степени соответствия между их определением наблюдателем и наблюдаемым: на одном полюсе находятся ситуации, восприятие которых с достаточными основаниями считается идентичным (шахматный комментатор обсуждает текущую партию), на другом — ситуации, в которых сам акт выбора предстает как аналитическая фикция (литературовед сортирует давно умерших писателей по категориям «пролетарский» — «буржуазный» на основании выбора между классовыми лояльностями, который они, разумеется, никогда сознательно не делали).

ми военной науки, то это обычно служит поводом для ревизии законов, а не для оспаривания результатов сражения.

Шахматные стратегии можно разделить на «арийские» и «еврейские», как это сделал Алехин. Однако надо быть Алехиным, чтобы что-то выиграть от разработки подобной политической классификации: ее консистентность и преимущество одной категории над другой слишком явным образом определяются на шахматной доске. Пока чемпион, ассоциирующий себя с какой-то политической категорией, выигрывает, соответствующая политическая сила имеет все основания поддерживать его, так как его успех символизирует и ее превосходство. По той же самой причине, однако, она откажет ему в поддержке его коалиционных усилий, если он начнет проигрывать. Повлиять же на выигрыш или проигрыш она никаким образом не сможет¹.

Там, где оценка эффективности невозможна, действие может быть оправдано только через указание на легитимность его компонентов. Спорт, война и бизнес являются тремя прототипическими областями, в которых существует ясно очерченный успех, не требующий оправданий через ссылку на практическую правильность организации действия². Культурное производство по большей части лежит где-то далее, между областями, в которых оценка на основании эффективности признается единственно возможной, и областями, в которых она заведомо исключена. Эстетическое воздействие произведения искусства или убедительность естественно-научного эксперимента обладают долей той же упрямой фактичности, что и выигранная шахматная партия: они существуют, временами вступая в отчетливое противоречие с нелегитимностью способа, которым результаты были получены, и оставляя наблюдателей с ощущением, что за ними стоит талант, который невозможно свести к формуле или инструкции.

Признание данного факта лежит за тем свойственным искусству и естественным наукам разделением труда, с описания кото-

¹ Вероятно, она откажет ему в поддержке не сразу: скидки могут быть сделаны на «человеческий фактор», спортивный шпионаж и грязные трюки организаторов турнира. Таких объяснений, пожалуй, хватит на два проигранных чемпионата — вряд ли на третий. Антрепренеры политических номинаций получают известный кредит доверия от тех, в чью пользу они предполагают действовать, но этот кредит имеет свои пределы.

² Любой этнометодологически искусственный читатель заметит, что это утверждение упрощает картину. В процессе совершения действия всегда присутствуют ссылки на его легитимность: звучащие вслух, если мы говорим о коллективном действии (генерал должен объяснить своему штабу план предстоящего сражения, не вызвав подозрений в безумии), или развертываемые в мысленном диалоге в ситуации действия индивидуального. Действия разделяются на обсуждаемые здесь классы на основании того, как о них судят после того, когда они завершены.

рого начался этот текст. Это не значит, что действия, скажем, биологов или физиков оправдываются исключительно или даже преимущественно их самоочевидной эффективностью. Исследования науки последних десятилетий показали, что рождение каждого научного факта сопровождается сбором доказательств законности этого рождения, а также что «эффективность» становится очевидной только в результате искусных демонстраций [Латур 2002 (1983); Lynch 1982; Goodwin 1997; Livingston 1987]. Рассмотрев и приняв все эти доказательства, мы тем не менее остаемся лицом к лицу с тем, что научное производство фактов — насколько бы гиперсоциальным ни был этот процесс — завершается появлением на свет высказываний, которые воспринимаются как отражающие истинное положение вещей, вне всякой связи с контекстом или процессом их появления [Latour, Woolgar 1979]. Именно исходя из этого латуровского определения мы можем лучше всего оценить контраст с социологией, которой, видимо, не удалось произвести ни одного «завершенного» факта за всю свою историю¹.

Я не могу предложить никакого нового ответа на вечный вопрос «почему?». Дело может быть в том, что ни одного способа продемонстрировать эффективность производства факта в социальных науках просто не было изобретено, или в том, что дисциплинарное сообщество слишком сильно зависит от существующих средств приобретения интеллектуального авторитета, чтобы допустить какую-то альтернативу. Мы можем сейчас всего лишь высказать несколько предположений о том, как организованы дискуссии в не-фактопроизводящих дисциплинах. Эти предположения вращаются вокруг одного основного тезиса: не производя фактов, дискуссии в социальных науках, тем не менее, вполне успешно производят смысл своего собственного продолжения, а также смысл академической жизни тех, кто в них участвует.

Исполнение этой функции органически встроено в саму структуру аргументов, легитимирующих интеллектуальные операции². Следуя Дуглас [Douglas 1986], мы можем связать смысл с изоморфностью космического устройства, социальной организации и мыслительных категорий. Смысл, о котором я говорю, возникает из демонстрации укорененности разных порядков бытия друг в друге, из чувства уникальности собственного

¹ Не считая некоторых простых распределений, которые, однако, обязаны своим появлением скорее математической статистике, чем социологии, добавившей только неопределенность по поводу их значения.

² О том, как различается цитирование, служащее производству фактов, и цитирование, служащее легитимации, см. [Hargens 2000].

места в институциональном мире науки и уникальности места самого этого мира в еще большем космосе. Бесмысленность имеет своим истоком разрушение этого порядка — утрату определенности в отношении места, которое индивид и его ремесло занимают¹.

Далее я остановлюсь на частном аспекте увиденных с этой точки зрения социальных наук, имеющем самое прямое отношение к вопросу о характере дискуссий в них. Одна из практических сложностей в производстве социальными науками собственного смысла состоит в том, что они полностью унаследовали институциональную структуру, созданную для нужд фактопроизводящих естественных наук, и не имели возможности изменить ее с тем, чтобы она лучше соответствовала их запросам. Неспособность предложить содержание для институциональных форм обозначало дискредитацию в качестве научного предприятия — и в собственных глазах, и в глазах посторонней аудитории. Напротив, их освоение было доказательством того, что социология является такой же наукой и что она, вероятно, занимает в отношении социального мира то же почетное место, которое естественные науки занимают в отношении мира природы.

На это можно возразить, что большинство ныне здравствующих социологов вовсе не согласны с тем, что их наука должна стремиться стать подобием физики или химии. Именно так большинство из них и скажет, если кто-то из им подобных подойдет с анкетой и задаст соответствующий вопрос. Но декларативный антисциентизм этого рода всегда благополучно сосуществовал с гораздо глубже укорененным сциентизмом, проявившимся, когда дело доходило до оправдания собственного существования. Естественные науки предлагают тем, кто с ними соприкоснулся, место приобщенного к космическим тайнам, избранного, стоящего в своем роде над средним человеком с его ограниченным кругозором и предрассудками. Они предлагают участие в процессе накопления знания, в котором вклад каждого, насколько бы маленьким он ни был, не пропадает бесследно (Карл Поппер заметил, что наука осталась

¹ Мы можем попробовать разделить этот смысл на две части: производящуюся для внутреннего и для внешнего потребления (для того чтобы легитимировать свою работу в глазах всевозможных других, обеспечив ей экономическую и административную поддержку, и для того чтобы оправдать ее в собственных глазах) — и приписать одной из них онтологическую первичность. Эмпирически, однако, различие может оказаться меньшим, чем обычно предполагается, а первичность одной из них и вовсе фикцией. Людьями, успешно ведущими двойную космологическую бухгалтерию, полон академический фольклор, но степень их реальности может быть той же, что и у прочих фольклорных персонажей. Диаграммы на детекторе лжи свидетельствуют, что для подавляющего большинства людей лгать существенно сложнее, чем говорить правду.

единственным институтом, который в такой форме не стесняется обещать современному человеку бессмертие). Наконец, они предлагают, вероятно, оптимальную комбинацию комфортности условий труда, оплаты и статуса, на которую может претендовать молодой человек со средними способностями из подходящей социальной среды.

Очень немного антисциентистов отказываются от всего этого. Разоблачение естественных наук легко встраивается в хорошо узнаваемое грандиозное повествование о движении от тьмы к свету, в котором автору и его единомышленникам удалось впервые (приоритет здесь очень важен) взглянуть жестокой реальности в лицо¹. Требования говорить с простыми людьми на их языке наполняют профессиональную периодику, тем самым укрепляя ее читателя в уверенности, что он-то вовсе не является простым человеком². Призывы покинуть затхлый мир академии поднимают ораторов на самые вершины этого мира. Случаи, когда кто-то из них затем его действительно покинул бы, не покинув заодно и нашего мира в его физической ипостаси, представляют собой исключительную редкость.

В свете всего этого социологи были обречены на то, чтобы читать лекции на факультетах и проводить исследования в лабораториях, собираться на конференции с их пространственно-временными лимитами, отсылать статьи заданного размера и фиксированной композиции в редакции, создавать учебники по заданным шаблонам и составлять следующие общим педагогическим конвенциям учебные планы. Главной практической интеллектуальной задачей дисциплины было создание виденья космоса, которое оправдывало бы существование этих предзаданных институциональных форм: выработка определения социальной реальности, позволяющей разбить ее на курсы и распределить ее изучение по кафедрам и секторам, писать о ней статьи по схеме «обзор литературы — задачи — методы —

¹ Я с трудом удержался от длинных цитат из *science studies*. В отношении многих из них почти невозможно поверить, что они пишутся без тени самоиронии, но, кажется, обычно это действительно так.

² *Public sociology*, эксплуатирующая образ социолога — просветителя масс, могла бы быть здесь отличной иллюстрацией. Ни один из ее апологетов, насколько мне известно, не настаивал на практическом упразднении границы между социологией и журналистикой, хотя кажется, что именно исследовательская журналистика является воплощением ее политической программы. Граница социологии с журналистикой вообще интересна именно своей непроблематичностью: судя по неиссякающему потоку рассуждений о «месте социологии в системе наук», границы с другими социально-научными дисциплинами всегда воспринимались социологами как требующие демаркации и постоянной защиты. Граница с журналистикой не возникала, однако, в известных мне статьях и предисловиях в этом контексте ни разу. Пока мы настолько глубоко убеждены в том, что нас (ученых) и их (журналистов) разделяет такая большая дистанция, наша вера в Науку крепка. Кстати, большинство публичных социологов, судя по CV, не пишут даже статей в газеты.

результаты — дискуссии» на 40 тыс. знаков и издавать учебники, начинающиеся с простых, проверенных и абстрактных истин и продвигающиеся к более новому, современному и партикулярному.

Именно эти формы, в конечном счете, определяли границы между «научным» и «ненаучным» видением социальной реальности, где научным становилось все, что поместилось в них, а ненаучным — все остальное. Открытия и изобретения в социологии всегда были открытиями и изобретениями того, как нечто всем известное может быть втиснуто в формат академической коммуникации. Нельзя сказать, что Гоффман или Гарфинкель открыли что-то абсолютно новое для своих социологических читателей, но они показали им, как о том, что те знают, можно написать статью, которую примет *AJS*¹.

Эндрю Эбботт иллюстрирует этот тезис, рассказывая историю превращения многомерной регрессии в основной метод анализа социологических данных, а «регрессионного middle-range теоретизирования» — в доминирующий жанр. Регрессия опирается на множество предпосылок относительно анализируемого объекта, которые сами по себе выглядят достаточно спорными. Она обладает, однако, огромными преимуществами как сюжетобразующий прием: текст, обрамляющий регрессионную статью, идеально соответствует формату академической периодики [Abbott 1988]². Майкл Линч дополняет это анализом имплицитных представлений о природе социологического знания, которые заключены в стандартной композиции учебника для младших курсов. Знание-для-первокурсников развивается непрерывно и кумулятивно от классических оснований к сложному, современному, частному и дискуссионному, постепенно охватывая все наличные области социальной жизни. Отмечаемая им ирония ситуации заключается в том, что некоторые из принимающих участие в написании подобных учебников в свое время сделали себе имя на доказательстве того, что даже естественные науки не производят знания, которое

¹ Используя словарь самого Гоффмана, мы можем здесь говорить о «дисциплинарной мембране», отделяющей то, что является для ситуации профессионального взаимодействия сертифицированной темой, от того, что таковой не является [Goffman 1961]. Есть вещи, которые социологи с поразительной регулярностью говорят в кулуарах, но никогда — оказавшись у микрофона. Яркие эмоции, которые сопровождают соприкосновение с тем, что затем называется «оригинальной работой», обычно происходят в момент прорыва этой мембраны — в ситуации, когда что-то всем и без того известное, но официально непризнаваемое, получает права гражданства в порядке академической интеракции и не требует больше подавления.

² Справедливости ради надо сказать, что регрессии являются одним из немногих инструментов, который поощряет не-ритуальные реакции на предыдущий ход в дискуссии (вернее, не только ритуальные реакции типа инвектив в область «позитивизма»).

соответствовало бы этому образу [Lynch, Vogen 1997]. Он не поясняет, как такие учебники *должны* писаться.

Поскольку «дискуссионность» является одним из признанных атрибутов научной коммуникации, способность провоцировать дискуссии сама по себе была одним из принципов селекции. Здесь существовал наиболее простой путь, по которому дискуссии в социальных науках преимущественно и устремились: образование небольшого количества непримиримых позиций или лагерей, которые могли бы бесконечно воспроизводить критику друг друга на стандартных основаниях, обеспечивая представителей всех сторон работой в виде произнесения дежурных реплик на семинарах или в литературных обзорах. Наши дискуссии о легитимности хода мысли оппонентов, построенные вокруг идентификации их теоретических или методологических шагов, снабжают нас готовыми ответными фразами по минимальной цене и с наибольшим эмоциональным выигрышем: участники подобного ритуала неизменно покидают сцену с ощущением, что приняли участие в вечной интеллектуальной драме противостояния «объективизма» и «субъективизма», «количественных» и «качественных» методов, «политического консерватизма» и «революционности» или более рафинированных версий чего-то подобного¹.

Характерно, что привлекающие наибольшее внимание и вызывающие самую эмоциональную реакцию события в жизни сообщества неизменно связаны с «вечным возвращением» подобных оппозиций, причем она часто оказывается тем более эмоциональной, чем в меньшей степени в дебатах фигурирует эмпирический материал. Удачным примером может служить сканирование реакций профессионального сообщества на недавнюю конференцию в Москве («Пути России: Картография современных интеллектуальных направлений», 23–24 января 2009 г.), по общим впечатлениям, исключительно удачную, за которой автор вынужден был следить через Интернет. Читатель может повторить этот опыт, установив по электронным изданиям и частным блогам, что двумя самыми важными моментами на ней стали дискуссия между сторонниками концепции проблемно ориентированной и ангажированной науки и сторонниками науки теоретически ориентированной и ценностно-нейтральной на пленарном заседании, а также дебаты между сторонниками «трансцендентного» теоретического языка «теории фреймов» и «имманентного» теоретического языка «теории практик» в последний день. Судя по программе, на

¹ Аналогичные диагнозы дискуссий в социологии см. [Collins 1994], на российском материале — [Радаев 2008].

конференции было прочитано некоторое количество докладов с каким-то эмпирическим содержанием, но ни один из них не удостоился электронного отклика. Фактически за всю свою 15-летнюю карьеру в российской социологии я помню считанные случаи, когда какая-то статья привлекала внимание широкого круга коллег в силу важности изложенных в ней новых фактов, — и во всех случаях важность вытекала из того, что эти факты укладывались в какую-то из политических (даже не теоретических) позиций.

Взглянув свежими взором на то, в чем сами ежедневно участвуем, мы можем обнаружить, что в большинстве наших оценок работы коллег факты — понятые как утверждения о состоянии дел — вовсе не участвуют. Как правило, единственное, что оказывается перед нашими глазами, — это текст, и законы, по которым мы его судим, — это законы жанра¹. Социологический читатель может найти сколько угодно подтверждений для последнего тезиса, пролистав стопку рецензий на студенческие дипломы, диссертации или на статьи и монографии. Самым частым критическим упреком в них будут изъяны в литературных обзорах: или приписывание себе интеллектуальной генеалогии, на которую, по мнению критика, автор не имеет права, или, наоборот, отсутствие в ней имен, которые обязательно должны быть включены. На втором месте по частоте оказываются методологические дефекты — ошибки в допущении, что данные, на обладание которыми претендует автор², позволяют сделать выводы, которые он делает (варьирующиеся от указаний на оставленные пропуски в логической индукции до некорректного употребления многомерной статистики). Третье и четвертое места поделят поиски пробелов в дедукции, требующие от критика лишь знакомства с семантикой родного языка, и политические клеймения — обвинения в том, что аргументы автора относят его к лагерю, к которому, по мнению критика, никому не следовало бы принадлежать. Далее, обычно в более благожелательном ключе, следуют стилистические и композиционные замечания. Если обвинения в фактических ошибках встречаются вообще, то или как часть упрека в незнании с литературой (автор проигнорировал работу видного социолога Х, который утверждает обратное), или как часть методологической критики и политического клеймения (не очень

¹ Это замечание, вероятно, напомнит читателю Латура и Вулгара [Latour, Woolgar 1979]. Но тексты, о которых они пишут, имеют очень приличные шансы встретиться с реальностью еще раз, в то время как для социологических текстов расставание в момент отправки в редакцию обычно является окончательным.

² Мне не известно ни одного случая вне сферы заказных исследований, когда фактическое обладание данными было бы публично поставлено под сомнение.

видный социолог У получил другие результаты, и его результатам следует доверять больше, т.к. в каком-то месте он сделал более правильный методологический выбор, нежели критикуемый автор). И тот, и другой упрек, впрочем, фактически встречаются весьма редко. Более того, и в том, и в другом случае финальная апелляция происходит к недостатку легитимности в аргументации автора, а не к тому, что описанное им положение вещей не соответствует истине¹. Не знаю, кто первый заметил, что современное пристрастие социологов к образу мира, состоящего из текстов, каждый из которых ссылается лишь на другие тексты, точно отражает реальность — ту ее часть, с которой знакомы сами социологи.

Этот способ чтения и обсуждения создает соответствующий ему способ письма. Большая часть текстов, которые сегодня публикуют ведущие российские социологические журналы, принадлежит к одному из двух жанров. Во-первых, это статьи, которые представляют собой пересказ теоретического текста одного из западных корифеев с иллюстрациями для него, подобранными автором в каком-то симпатичном ему уголке. Основной несущей конструкцией текста является теория, не автором придуманная; автору принадлежит лишь ее оживление колоритным материалом. Поскольку жанр статьи заявлен сразу (скажем, «Представление себя другим в X»), эмпирический материал представляет собой цитаты из интервью (которых в любом полторачасовом разговоре можно найти в избытке для практически любой теоретической рамки), а полевая работа проделана где-то, куда критик никогда не попадет (во всяком случае, не сможет доказать, что попал в то же самое место), любая оценка подобного текста, кроме его оценки как образца своего жанра, заведомо исключена. Мы не можем сказать, что автор неправ — только то, что он плохо распорядился Гоффманом и попавшим в его руки материалом. Второй жанр похож на первый, только лишен даже иллюстраций: это прочтение уже ставших классикой текстов, направленное на вычленение в них какого-то хода мысли, который автору глубоко симпатичен:

¹ Обратной стороной дискуссионности, ритуально воспроизводящей вечный спор между теоретическими лагерями, является дефицит того качества, которое Алан Гросс назвал «мотивационным реализмом» [Gross 1990]. Биологи, по Гроссу, верят в объективную истину, хотя и видят ежедневно кухню науки в ее первозданной нечистоте, поскольку только это дает им смелость порывать с идеями старших коллег. Традиционные способы мысли обладают моральным авторитетом. Чтобы решиться совершить покушение на них, не хватает одного тщеславия. Представители дисциплин, для которых истина всегда существует во множественном числе, менее оригинальны, поскольку лишены этого дополнительного мотива. Можно рискнуть жизнью, чтобы истина восторжествовала над ложью, но кто станет жертвовать ею, чтобы к двадцати пяти перспективам прибавилась двадцать шестая? Те, кто думает, что могут обменять Божью правду на «социологическое воображение», не получат ни правды, ни воображения.

доказательство того, что привлекающий его Y принадлежал к теоретическому лагерю Z или наоборот. Именно последний вид текста имеет в настоящее время наиболее высокий статус¹.

Дискуссия в социальных науках не столько производит факты, сколько подтверждает, что виденье дисциплиной самой себя как научного предприятия, транслируемое ею вовнутрь и вовне, соответствует действительности². Ее основной стороной является не передача информации, а воспроизводство концепции происходящего как ситуации, в которой происходит обмен мнениями. То, что Гоффман назвал «церемониальным» аспектом взаимодействия, господствует над «субстантивным» [Goffman 1967 (1955)] — создание смысла над созданием фактов. Увиденные таким образом, дискуссии в социальных науках приобретают известную целесообразность. Их интенсивность в данной дисциплине или в данной национальной академии может существенно варьироваться под влиянием нескольких факторов, главным из которых, видимо, является состояние соответствующего рынка академического труда [Гельман 2008]. Рынок с мобильной рабочей силой поощряет создание «теоретических групп», разрабатывающих ясно очерченные теории и открыто конкурирующих за влияние. Рынок с рабочей силой, мало передвигающейся от одного нанимателя к другому, с большей вероятностью породит синкретические «учения», ведущие себя сравнительно миролюбиво по отношению друг к другу. В первом академическом мире успех в дискуссии дает ощутимый карьерный выигрыш, во втором — никакого. Природа дискуссии от этого не меняется.

В отличие от редакции «АФ» я не вижу поводов для сильного беспокойства в том, что Россия, кажется, ближе к первому идеальному типу, чем ко второму³. Мы все по-прежнему знаем, чем заполнить отведенное для обсуждения доклада время и что надо сказать, чтобы выйти с обновленной уверенностью в том, что приняли участие в новом цикле великой борьбы. Куновская научная революция потребуется для того, чтобы мы выходили, приобретая что-то помимо этого.

¹ Несколько предположений о причинах читатель может найти в [Abbott 1981].

² Описанная здесь разновидность дискуссии, в которой легитимность авторской аргументации постоянно ставится под сомнение, разумеется, делает не только это. Она определяет интеллектуальные генеалогии, она прочерчивает дисциплинарные и субдисциплинарные границы, она подтверждает или изменяет статус своих участников. Я намеренно остановился лишь на очень узкой теме.

³ За исключением Москвы, в которой, кажется, за последние несколько лет возникли свои «теоретические банды» вполне американского образца [Scheff 1995].

Библиография

- Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир! (1983) // Логос. 2002. 35 (5–6). С. 211–242.
- Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 66–83.
- Гельман В.Я.* Ресурсы и репутации на периферийных рынках: постсоветские социальные науки // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 41–47.
- Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 24–33.
- Abbott A.* 1981. Status and Status Strain in the Professions // The American Journal of Sociology. 86 (4). P. 819–835.
- Abbott A.* Transcending General Linear Reality // Sociological Theory. 1988. 6 (2). P. 169–186.
- Abbott A.* The Chaos of Disciplines. Chicago; L., 2001.
- Becker H.* Art Worlds. University of California Press, 1982.
- Brown R.* A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences. Cambridge, 1977.
- Collins R.* Why the Social Sciences Won't Become High-Consensus, Rapid-Discovery Science // Sociological Forum. 1994. 9 (2). P. 155–177.
- DiMaggio P., Powell W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Institutional Fields // The American Sociological Review. 1983. 48 (2). P. 147–160.
- Douglas M.* How Institutions Think. N.Y., 1986.
- Goffman E.* On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction (1955) // Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y., 1967. P. 5–46.
- Goffman E.* Fun in Games // Goffman E. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis, 1961. P. 1–84.
- Goodwin Ch.* The Blackness of Black: Color Categories as Situated Practice // L. Restrick et al. (eds.) Discourse Tools and Reasoning: Essays on Situated Cognition. Springer, 1997. P. 11–140.
- Green B.S.* Literary Methods and Sociological Theory. Case Studies of Simmel and Weber. Chicago; L., 1988.
- Gross A.* The Rhetoric of Science. Cambridge, MA; L., 1990.
- Hargens L.* Using the Literature; Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship // American Sociological Review. 2000. 65 (6). P. 846–865.
- Latur B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. L.; Beverley Hills, 1979.
- Livingston E.* Making Sense of Ethnomethodology. L.; N.Y, 1987.
- Lynch M.* Technical Work and Critical Inquiry: Investigation in a Scientific Laboratory // Social Studies of Science. 1982. 12 (4). P. 499–533.
- Lynch M.* Bogen D. Sociology's Asociological 'Core' // American Sociological Review. 1997. 62 (3). 481–493.

Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // *The American Journal of Sociology*. 1977. 83 (2). P. 340–363.

Nisbet R. *Sociology as an Art Form*. L., 1976.

Scheff Th. *Academic Gangs* // *Crime, Law and Social Change*. 1995. 23. P. 157–162.

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

1

Хотел бы поделиться собственным опытом организации научной дискуссии. В 2007–2008 гг. мы с Т.А. Агапкиной выступили как инициаторы дискуссии, посвященной проблемам компаративного изучения заговоров и возможностям составления международного указателя заговоров. Первоначально в журнале «Традиционная культура» (2007. № 2. С. 59–73) была опубликована наша статья «Указатели заговоров: проблемы и перспективы». Эта же статья была вывешена в Интернете: <<http://www.ruthenia.ru/folklore/agapkinatorporkov1.htm>>. В статье предлагались проекты создания Указателя восточнославянских заговоров и Международного указателя заговоров, обосновывались теоретические подходы к проблеме, приводились схемы статей, посвященных отдельным типам заговоров, а также две пробные статьи.

Английская версия данного проекта была доложена нами в виде доклада на международной конференции о заговорах, которая прошла в г. Печь (Венгрия) 11–13 мая 2007 г. (см. хронику конференции: Живая старина. 2008. № 2. С. 64–65) и вызвала оживленную дискуссию. Английская версия проекта была также вывешена в Интернете на сайте Комиссии по изучению заговоров при Международном обществе изучения нарративов (Committee on Charms, Charmers and Charming of the International Society for Folk Narrative Research): <<http://www.ut.ee/isfnr/page.php?p=10&cm=15>>.

Андрей Львович Топорков

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН /
Российский государственный
гуманитарный университет, Москва
atorporkov@mail.ru

Вскоре в печати появился подробный критический разбор нашего проекта (*Кляус В.Л.* Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора // *Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре: Вопросы теории и методологии.* М., 2008. С. 76–86). Для того чтобы организовать более широкое обсуждение проекта, мы обратились к специалистам со следующими вопросами: 1) На каком основании может быть произведена группировка и систематизация корпуса заговоров разных европейских традиций? 2) В какой мере заговорно-заклинательные тексты европейского Средневековья могут быть рассмотрены как продолжение традиций древнего Ближнего Востока и поздней Античности? 3) В чем заключаются основные различия между магическими традициями Восточной и Западной Европы? Чем объясняются эти различия (влияние православия, католицизма, протестантизма; особенности усвоения культурного наследия древнего мира; особенности фольклорных и литературных традиций и т.д.)?

Примерно половина из тех, к кому мы обратились, прислали ответы на наши вопросы. В частности, это Джонатан Ропер (Англия, Лидс), Уло Валк (Эстония, Тарту), Любинко Раденкович (Сербия, Белград), Е.В. Вельмезова, М.В. Завьялова, В.Л. Кляус, А.В. Чернецов (Москва). Ответы имели весьма несходный характер. В одних наши предложения в целом поддерживались, но предлагались известные дополнения и модификации; в других подвергалась в целом сомнению сама идея создания международного указателя заговоров. Мы проанализировали эти ответы и написали текст, в котором ответили на некоторые замечания. Все эти материалы, включая преамбулу, ответы и наш комментарий к ним, были опубликованы в журнале «Традиционная культура» (2009. № 1. С. 3–16).

Позитивный результат данной акции мне видится, во-первых, в том, что мы имели возможность познакомиться с мнениями и пожеланиями наших коллег, которые мы учтем при окончательной доработке нашей концепции; во-вторых, дискуссия стимулировала обсуждение таких важных вопросов, как проблемы систематизации фольклора, создания указателей, структурно-функционального, историко-географического и компаративного изучения фольклора; в-третьих, в ходе полемики выявились и стали достоянием научной общественности различия в подходах к перечисленным выше вопросам.

Что касается состава участников дискуссии, то он представляется весьма репрезентативным: почти все авторы — известные исследователи заговоров, причем не только русских, но и английских, эстонских, славянских, балтийских. Сама готовность

участвовать в дискуссии свидетельствует об определенной мобильности и толерантности.

Выбранный нами тип дискуссии — заочный, с последующей публикацией материалов — имеет свои плюсы и минусы. К плюсам я бы отнес, во-первых, то, что такая организация дискуссии позволяет узнать мнение людей, которые живут в разных городах и даже разных странах и физически вряд ли смогли бы встретиться; кроме того, письменное слово весомее и долговечнее, чем устное выступление. К минусам можно отнести то, что некоторые моменты, обусловленные недостаточным взаимным пониманием или нечеткими формулировками исходного проекта, можно было бы сразу уточнить в ходе устного обсуждения.

2

Я бы не взялся утверждать, что в нашей гуманитарной науке совсем отсутствует серьезная полемика. Мне приходилось присутствовать при очень интересных и основательных дискуссиях среди историков-медиевистов, историков России XX в., историков средневековых славянских литератур, лингвистов различного профиля.

Что касается фольклористики (моей основной специальности), то здесь дискуссии затруднены по целому ряду причин. Перечислим некоторые из них. Самый общий и наиболее очевидный тезис заключается в том, что гуманитарное знание в принципе не предполагает экспериментальной проверки. В нем имеются отдельные области, которые подлежат верификации. Например, деятельность переводчика с одного языка на другой может быть оценена на основе объективных критериев и признана отличной, удовлетворительной или неудовлетворительной. Аналогичным образом можно оценить работу текстологов, публикаторов текстов, составителей словарей и грамматик и многих других. Совершенно иная ситуация в тех областях, в которых исследователи имеют дело исключительно со смыслом, а не языковыми формами его выражения. Так, в области мифологических реконструкций, основанных на фольклорном материале, верификация гипотез весьма затруднительна. Не случайно это поле открыто для различных квазинаучных построений.

В области фольклорно-мифологических реконструкций существуют так называемые «сильные концепции», созданные отечественными и зарубежными учеными в XIX—XX вв. Перечислю некоторые из них, присваивая им вполне условные обозначения: это концепция мифопоэтического периода А.Н. Афанасьева, концепция архетипов К.-Г. Юнга, концепция генезиса сюжетов О.М. Фрейденаберг, концепция генезиса

волшебной сказки из обряда инициации В.Я. Проппа, концепция славянского язычества Б.А. Рыбакова, концепция «основного мифа» В.В. Иванова, В.Н. Топорова и их последователей. Дело даже не в степени доказательности или бездоказательности самих этих концепций, а в том, что они давно стали фактами своего рода научного «масскульта». При этом идеи, имеющие вполне определенную область приложения, используются в других областях, как если бы с помощью ключей к дамской сумочке пытались открывать сейфы.

Проблема заключается и в том, что концепции, выдвинутые учеными, которые жили в советский период, до сих пор не прошли авторитетной научной экспертизы. Если какой-нибудь студент или аспирант излишне увлекается А.Н. Афанасьевым, то ему можно посоветовать прочитать «Историю русской этнографии» А.Н. Пыпина, и можно быть уверенным, что это чтение отрезвит молодого специалиста и поможет критически оценить взгляды и приемы А.Н. Афанасьева. Подобного авторитетного издания, в котором бы давалась, например, объективная оценка знаменитых «Исторических корней волшебной сказки» В.Я. Проппа, у нас пока не написано. В этой ситуации ошибки и преувеличения, допущенные учеными XX в., стократно повторяются, умножаются и вульгаризируются их последователями.

В принципе возможны два типа построения научного дискурса: условно говоря, индуктивный и дедуктивный. При первом автор анализирует некий материал и на этом основании приходит к определенным выводам. При втором он имеет предварительно некую теорию и привлекает материал скорее для того, чтобы проиллюстрировать или подтвердить априорно данные тезисы. Как правило, отбираются только такие примеры, которые подходят для этого, и оставляются за рамками рассмотрения другие, которые в теорию не укладываются. Очевидно, что первый тип дискурса опровергнуть или хотя бы подвергнуть сомнению гораздо легче, чем второй. Во втором случае иллюстрации подбираются более или менее случайно; даже если один из примеров будет подвергнут сомнению, легко привести другой; если и другой будет отвергнут, нетрудно привести третий, и т.д. до бесконечности. «Сильные» теории слабо проницаемы для эмпирического опыта. Они задают такие критерии отбора материала и его интерпретации, при которых подгонка фактов под заранее данный результат становится естественной и неизбежной. Такого рода теории, как «архетипы», «основной миф» и подобные, предполагают скорее веру, чем аналитический подход. В сущности, они не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты.

Отдельные принципы и приемы, которые широко применяются в фольклористике, не имеют достаточного теоретического и методического обоснования и вполне закономерно приводят к сомнительным результатам. Например, принцип сравнения сам по себе весьма плодотворен, однако применяется подчас не вполне продуманно. В истории науки мы найдем примеры того, как мотивы русского фольклора объяснялись апелляцией к австралийским ритуалам и верованиям; вполне обычные деревья безосновательно отождествлялись с мировым деревом, обычные яйца — с мировым яйцом, горы — с мировой горой и т.д. Все, кто находятся сверху и пытаются чем-нибудь бросить в тех, кто находится снизу, оказывались соответственно громовержцем и его хтоническим противником. В самом деле, если с университетской скамьи человек привык, например, в любой фольклорной реке с неизбежностью усматривать огненную реку, отделяющую «свой» мир от «чужого», то это такая особенность визуального восприятия, которой вряд ли можно противопоставить какую-нибудь рациональную аргументацию вроде того, что реки бывают разные, встречаются не только в фольклоре и мифологии, но и в физической реальности, а в фольклоре в разных жанрах и этнических традициях вступают в разные функциональные связи с другими элементами текста, и им могут приписываться разные смыслы.

Думаю, что полемизировать с горячими приверженцами тех или иных «сильных» теорий достаточно бесполезно, если считать своей целью переубедить их в чем-нибудь. Смысл такого рода дискуссии я вижу не в том, чтобы переубедить оппонента, а в том, чтобы сделать достоянием общественности иную точку зрения. Естественно, что это требует не обсуждения с глазу на глаз, а публичной (устной или печатной) полемики.

3

Вряд ли стоит так однозначно «хоронить» рецензии и тем более обзоры. Можно назвать ряд ярких, интересных рецензий, опубликованных в последние годы на страницах «Антропологического форума», «НЛО», «Одиссея» и других изданий. Что касается обзоров, то они очень полезны, особенно для знакомства с зарубежными работами: уследить за тем, что пишут коллеги в разных странах и на разных языках, без их помощи бывает весьма непросто.

Но в целом, действительно, рецензирование в большинстве случаев имеет формальный характер. И это относится не только к журнальным рецензиям, но и в еще большей степени к «внутренним» рецензиям, которые необходимы для прохождения рукописи через ученый совет и часто вообще подписываются «не глядя». Жанр «рецензии» сохраняется пока главным

образом при защите диссертаций или при обсуждении плановой работы «на отделе» или на «кафедре», да и то не всюду. Опыт показывает, что если в отделе академического института прекращаются обсуждения монографий и коллективных трудов, то это верный признак стагнации.

В таких структурах, как отдел или вузовская кафедра, люди, как правило, тесно повязаны друг с другом и не заинтересованы в конфликтах. Грубо говоря, если сегодня Маша пишет рецензию на Петю, то завтра Петя напишет рецензию на Машу. Посторонние попадают в такие структуры очень редко. Экспертиза со стороны, как правило, отсутствует или весьма затруднена. Если критика со стороны все же раздастся, то она скорее всего будет рассмотрена как невежественный бред или злостная клевета. Если же внутри структуры найдется какой-нибудь нонконформист, то он может быть уверен, что выступление против не пройдет для него безнаказанным. При системном отсутствии ротации такие структуры изначально обречены на застой и деградацию, и вопрос только в том, на какой период времени растянется этот процесс.

Что касается журнальных рецензий, то здесь очень многое зависит от позиции главного редактора: какова общая установка издания — благостная или критическая; какие авторы приглашаются для написания рецензий — более склонные к полемике или к конформизму; какая общая цель ставится — сделать автору рецензируемой книги «приятно» или поддерживать «гамбургский счет». Очень важно, чтобы у редактора или издателя не срабатывала «внутренняя цензура», а критика воспринималась бы по существу, а не как проявление плохого характера или ангажированности рецензента.

4

Устные дискуссии, как мне представляется, наиболее плодотворны в университетах или других учебных заведениях, когда они происходят в присутствии студентов и аспирантов. Возможность выслушать научный доклад и тут же получить его квалифицированную оценку, присутствовать при дискуссии или даже принять в ней посильное участие — это важный элемент профессиональной подготовки.

Думаю, что наиболее эффективной будет дискуссия между крупными специалистами одного профиля, которые расходятся во мнениях по определенным общим или частным проблемам. Пусть каждый из них аргументированно изложит свою точку зрения, выслушает своего оппонента, ответит на его критику и, в свою очередь, выявит слабые стороны в его аргументации. Думаю, что «живое» присутствие известных ученых, их манера вести себя, способ вести полемику обеспечат «обрат-

ную связь» с аудиторией и не менее важны, чем само содержание сказанного.

5

«Глобализация» научного мира, несомненно, явление глубоко позитивное. Во-первых, она вынуждает производить «научный продукт» высокого качества, который в ином случае не найдет «потребителей» за рубежом. Во-вторых, пребывание в зарубежных научных центрах расширяет возможности знакомства с иноязычной литературой предмета, с методами и подходами, разработанными в других национальных научных школах. В-третьих, побуждает к занятиям иностранными языками и чтению литературы на этих языках.

Что касается различий в способах ведения полемики и рецензирования, то они действительно могут привести на первых порах к недоразумениям, но это вряд ли представляет собой непреодолимую проблему. Думаю, достаточно пары семинаров или разъяснений «в личном порядке», чтобы осознать и усвоить эти различия и в дальнейшем не попадать впросак.

6

Предмет гуманитарных наук естественно интересен не только самим гуманитариям, но и другим людям. Они также имеют свое мнение о литературных текстах, проблемах этничности, заинтересованы в том, чтобы понимать, как развивается общество, каковы мотивы поведения человека и т.д. Ситуация в целом, по-видимому, такова, что чем более общий интерес представляет та или проблема, тем более жаркие дискуссии и общественный резонанс она вызывает.

Я вижу две основные функции «научно-популярных» текстов (имеются в виду не только тексты опубликованные, но и произнесенные на телевидении, на радио и в других СМИ). Во-первых, функцию информационную: хорошо, когда умные люди грамотно и со знанием дела говорят об истории, обществе, архитектуре, литературе и т.д., а люди, этим интересующиеся, могут это прочесть или услышать. Во-вторых, просветительскую функцию «разоблачения суеверий». Приходится учитывать, что и в области истории, и в области антропологии, и во многих других у широкой публики существуют ложные представления, порожденные теми же СМИ, унаследованные от родителей, почерпнутые из «шедевров» вроде «Велесовой книги» и т.д. То интеллектуальное поле, с которого могут уйти ученые-гуманитарии, не останется пустым. Его займут разного рода псевдонаучные концепции националистического или фундаменталистского толка. Стоит ли делать такой подарок мракобесам и националистам?

7

Можно было бы провести среди членов редколлегии и постоянных авторов «Антропологического форума» мониторинг по

поводу того, какие вопросы они считают наиболее актуальными и общественно значимыми для обсуждения на страницах вашего издания. Интересно было бы провести публичную устную дискуссию (круглый стол) на одну из выбранных тем (например, в стенах Европейского университета), а уже после этого собирать и публиковать письменные версии выступлений.

МАРК ШТЕЙНБЕРГ

Двойственность критики — заметки редактора журнала

Хотел бы я, чтобы у меня был простой и однозначный ответ на вопрос, поставленный редакторами «Форума»: «отсутствуют» ли подлинные, продуктивные научные дискуссии в гуманитарных и социальных науках и как им способствовать.

С одной стороны, я думаю, можно с полным основанием предположить, что критические дискуссии (т.е. обмен, основанный на различиях и противоположности во мнениях, что является «локомотивом» знания и мышления) находятся в живом и благополучном состоянии в тех научных мирах, в которых я обитаю. Примерами этому служат:

- многочисленные конференции и семинары по русистике, причем многие из этих конференций являются международными и междисциплинарными и ставят обязательным условием предварительное чтение сообщений, чтобы обеспечить максимум времени для дискуссий;
- встречи, организуемые междисциплинарными центрами больших университетов (центрами русских и восточно-европейских исследований, а также центрами гуманитарных и социальных исследований), на которых самые разные преподаватели и учащиеся обсуждают новые работы, причем часто довольно жестко;

Марк Д. Штейнберг
(Mark D. Steinberg)

Университет Иллинойса, Урбана,
США
steinb@uiuc.edu

- регулярные факультетские лекции и коллоквиумы, проводимые приезжими специалистами, после чего всегда происходят дискуссии;
- неформальные и часто междисциплинарные группы во многих университетах;
- аспирантские советы, где часто даются весьма критические оценки диссертаций по мере появления той или иной главы (Иллинойский университет, как и многие другие, требует не только финальной защиты, но и еще более полезной «предзащиты» — не для того, чтобы высказаться за или против, но чтобы сделать ряд замечаний для окончательной версии диссертации);
- дискуссионные форумы, которые организуют или координируют журналы (включая «Антропологический форум») и которые посвящены актуальным проблемам;
- система анонимного рецензирования в научных журналах (подробнее об этом чуть далее).

В научных трудах и преподавательской работе мне были чрезвычайно полезны подчас резкие, но по большей части дельные критические замечания. Я получал их, представляя свои исследования на коллоквиумах (историкам, литературоведам, ученым, работающим в рамках *cultural studies*, а также специалистам из других областей), межуниверситетских семинарах вроде Midwest Russian History Workshop, конференциях вроде недавних конференций по эмоциям в Москве и по восточно-европейским городам в Берлине (для обеих конференций требовалось предоставлять тексты докладов заранее, причем и в Москве, и в Берлине приглашались выступающие по докладам, обе конференции были междисциплинарными и включали ученых из разных стран), а также на междисциплинарном Russian Studies Circle (известном просто как «кружок») в моем университете, где вино, еда и комфортабельные кресла в преподавательской комнате способствовали живой и непринужденной дискуссии. Неэлегантный, но полезный концепт «workshoring» применяется во многих смыслах ко всем этим вполне продуктивным практикам, воспитывающим здоровую критику и, таким образом,двигающим вперед научные дискуссии и мышление. В свете этого я сказал бы, что дискуссии и дебаты по-прежнему существуют, включая дискуссии междисциплинарные и межнациональные.

Между тем я готов признать, что эта оценка является чересчур оптимистичной. С наименьшими основаниями можно указать на нерешительность, с которой ученые фиксируют различия

во взглядах и осмысляют их, а также на то, что слишком часто исследователи, участвуя в междисциплинарных дискуссиях, не могут бросить вызов самим себе и основательно проанализировать иные подходы. В последние годы в Соединенных Штатах излюбленным обозначением дискуссии и дебатов стало мягкое слово «разговор». (Этот термин превратился в клише в средствах массовой информации, бизнесе, политике и академическом мире.) В лучшем случае этот термин должен подчеркнуть корректность: критика не должна быть персональной и оскорбительной. Однако он может означать и некоторую нерешительность (нежелание критиковать чересчур или слишком уж отклоняться от доминирующих парадигм), поскольку тогда приятный «разговор» становится неприятным «спором».

Оборотной стороной является нежелание подвергать скрупулезной критике свои собственные идеи. За те два с половиной года, что я редактирую «Slavic Review», я понял, что некоторые авторы, реагируя на критические внутренние отзывы, защищаются нападением, обвиняя рецензентов в нечестности и непрофессионализме (иногда, впрочем, это оправдано). Кроме того, я знаю внутренних рецензентов, которые дают не более чем краткий пересказ рукописи и несколько мягких замечаний. Равным образом многие авторы рецензий на опубликованные книги испытывают нерешительность, когда дело доходит до критики, чтобы не спровоцировать и не обидеть.

Бывают (редко) рецензенты, которые, согласившись на наше предложение отрецензировать книгу, возвращают ее, говоря, что они не хотят публично критиковать работу с такими ужасными изъянами: отчасти для того, чтобы побережь автора, отчасти для того, чтобы обезопасить себя от враждебности рецензируемого ученого, а отчасти из убежденности в том, что молчание является лучшей критикой. Самозащита в контексте, где жесткие дебаты не приветствуются, не является проявлением несколько параноидального взгляда на мир или гиперчувствительности.

В настоящее время «Slavic Review» стал объектом судебного преследования (и в других журналах встречаются сходные истории) со стороны автора, который считает, что его карьера оказалась под угрозой из-за резкой рецензии на его книгу. Бывает, конечно, что одна рецензия может поставить под угрозу карьеру, однако уже то, что жесткая (даже, может быть, излишне жесткая) критика требует наказания по закону, свидетельствует о той пугающей атмосфере, которая сгустилась вокруг критических дебатов.

Поэтому мой ответ на вопросы о нынешнем состоянии критики и о том, как способствовать подлинным и продуктивным дискуссиям, является двойственным. Как редактор междисциплинарного научного журнала с пестрой международной читательской аудиторией, я регулярно думаю об этих вещах. Так что могу поделиться моим редакторским опытом. Упомяну, что «Slavic Review» является относительно старым научным журналом: он начал выходить в Северной Америке в 1941 г., первоначально как продолжение британского «Slavonic and East European Review», издание которого было приостановлено из-за войны. Кроме того, журнал несет ответственность перед профессиональной ассоциацией: он является официальным научным журналом Американской ассоциации развития славянских исследований (с 2010 г. она станет Ассоциацией славянских, восточно-европейских и евроазиатских исследований), которая выбирает редактора и которой принадлежит контроль над журналом.

Иными словами, как редактор я отвечаю перед большой национальной ассоциацией и, что ускользает от формализации, перед установившимися «традициями» журнала и его репутацией. Я также не вполне свободен в принятии редакционных решений, поскольку почти каждая статья, которую мы публикуем, становится предметом «внутреннего отзыва».

Рецензирование рукописей представляется интересным явлением для того, чтобы поразмышлять о состоянии критической дискуссии в академическом мире. Внутренние отзывы, конечно, являются общепринятой практикой в академических журналах Соединенных Штатов. Естественно, на точный вес внутреннего рецензирования в принятии редакционных решений влияет то, насколько избирательным должен быть журнал, или, говоря иными словами, насколько важной оказывается структурная мотивировка в принятии редактором отрицательного решения (количество принятых к публикации статей ограничено).

В настоящее время «Slavic Review» ежегодно получает около 150 новых рукописей (и более 50 рукописей, исправленных и поданных снова) от ученых со всей Северной Америки и Европы (Западной, Центральной и Восточной). Мы можем опубликовать только около 25 рукописей в год. Можно сравнить наши цифры с некоторыми ежеквартальными изданиями по гуманитарным наукам, про которые я знаю, что они получают около 300 рукописей в год, и другими, получающими не более 50. (Кроме того, мы получаем на рецензирование более 500 книг ежегодно и отбираем из них около 200.)

Цель внутренних отзывов ясна: воспользоваться просвещенным и критическим суждением с тем, чтобы гарантировать, что журнал будет печатать то, что я описываю в стандартном письме внутреннему рецензенту как «важное оригинальное исследование, поднимающее значимые интерпретационные и аналитические вопросы в своей научной области и в междисциплинарном пространстве». Я регулярно говорю авторам, получающим эти рецензии (неважно, отвергаю я статью, прося исправить ее и подать снова, или принимаю текст, рекомендуя, тем не менее, дальнейшие исправления): «Я рассматриваю анонимное комментирование специалистом новой работы не только как оценку того, годится ли эта работа для публикации, но как интеллектуальный обмен, благодаря которому хорошая научная работа становится лучше до публикации».

На практике, конечно, внутреннее рецензирование является несовершенным механизмом создания продуктивной критики. С ним справедливо не соглашаются: признаю, что некоторые журналы, которые не полагаются на внутренние отзывы, оказываются весьма успешными, публикуют ценные и стимулирующие статьи. Однако у меня не только нет выбора в данном вопросе, учитывая ту академическую и институциональную ситуацию, в которой существует «Slavic Review». Мой собственный опыт убедил меня в большой потенциальной ценности внутреннего рецензирования, которое делает именно то, о чем я прошу в своих редакционных письмах: стимулирует критический научный диалог до публикации, гарантируя, что издаваемая работа будет максимально способствовать продвижению вперед знания, интерпретации и дальнейшей дискуссии.

Анонимность помогает создать пространство для честной критики во внутренних отзывах. Мы делаем все, что можем, чтобы скрыть идентичность рецензентов и авторов (несовершенная процедура, конечно, особенно в маленьких сообществах, хотя сделать верное предположение об идентичности автора легче, чем об идентичности рецензента). Анонимные отзывы означают, что — насколько это возможно в несовершенном мире — суждение основывается на содержании статьи, а не на личности того, кто ее написал. В принципе это уменьшает риск пристрастности, фаворитизма и почтения к авторитетам. (Конечно, я знаю, кто является автором, когда принимаю окончательно решение, так что возможная предвзятость не полностью исключена, хотя я и пытаюсь обезопасить себя от этого и особенно стремлюсь избегать дискриминации молодых ученых.)

Существеннее всего то, что внутреннее рецензирование требует критического диалога. Рецензент может реагировать на

статью, как ему хочется. Как и многие другие редакторы, я прошу о тексте для автора, и если у рецензента есть замечания, которыми он не хочет делиться с автором, — о конфиденциальном отчете только для редактора. Большинство рецензентов пишет, однако, один отчет, иногда довольно длинный. В инструкции нашим рецензентам я прошу обратить особое внимание на следующие вопросы: «Обладает ли статья достаточной оригинальностью и интерпретационной значительностью, чтобы заслуживать публикации в “Slavic Review”? Будет ли она ценной для специалиста в данной области? Адекватной ли является методология? Обладает ли текст широтой, желательной ввиду междисциплинарной читательской аудитории “Slavic Review”? Будет ли она интересна ученым, не работающим в данной области?». Рецензенты обычно прямо отвечают на эти вопросы, а также высказывают критические замечания — от весьма конкретных (неверная цитата или ошибочный перевод) до касающихся больших проблем методологии, интерпретации, а также критического анализа одновременно темы и существующей научной литературы.

В частности, я считаю особенно фатальным критическое замечание рецензента, заключающееся в том, что работа просто «заполняет белые пятна» (рассматривая не использовавшиеся ранее архивные документы, исследуя стихотворение, о котором раньше не писали, или политическую партию, оставшуюся в небрежении, описывая с богатыми этнографическими подробностями какое-то место, не описанное ранее, или тип социальных отношений), поскольку от работы требуется именно критическое обращение к большим вопросам анализа и интерпретации, что предполагает, конечно, знание и обращение к существующей исследовательской литературе, аргументации и теории. Таким образом, и как процесс, и как желаемый результат внутреннее рецензирование оказывается мощным механизмом, стимулирующим научную критику и дискуссии.

Я понимаю, что все это выглядит немного идеалистически. И тем не менее я постоянно поражаюсь тому, как часто эта система срабатывает и как хорошо она это делает; насколько ответственным и критически мыслящим является большинство рецензентов; насколько признательным оказывается большинство авторов и насколько они готовы воспользоваться критикой; как часто работа в результате становится намного лучше — это означает весьма часто, что улучшения касаются именно обращения к «важным интерпретационным и аналитическим проблемам», что придает исследованию большую значимость как в своей области, так и за ее пределами.

Не всегда, конечно. Я несколько раз переписывал мое сопроводительное письмо и форму внутреннего отзыва для наших рецензентов, пытаясь заострить выражения, в которых просил авторов быть критичными. Я был разочарован излишне щедрыми рецензентами, которые считали, что, если статья просто заполняет «белые пятна» (неважно, насколько она мала и незначительна), она заслуживает публикации благодаря этой своей «оригинальности». Однако гораздо хуже этой нерешительности в высказывании критических замечаний — злоупотребление маской анонимности. Подобные случаи представляются исключениями, но некоторые внутренние отзывы оказываются откровенно некомпетентными и непрофессиональными — и авторы спешат сообщить об этом мне (а иногда и упрекнуть меня за дурной выбор рецензента). Иногда рецензенты ведут себя излишне оскорбительно: «Если бы эта статья была подана мне на моем аспирантском семинаре, я поставил бы четыре с минусом» — менее чем средний балл в сегодняшних американских университетах и ужасающая оценка для аспиранта. Иногда они просто несправедливы, отказываясь видеть законность конкретного проекта или подхода и поэтому предлагая не конструктивную критику, но совет отвергнуть нынешний проект ради совершенно другого материала, методологии или теории. Конечно, критика общих оснований статьи является оправданной, однако часто она отражает узколобую преданность определенным научным представлениям о том, что квалифицируется как законное исследование. К счастью, такие случаи редки.

Иногда у этих неудач есть национальный, академически-культурный аспект, однако я бы не преувеличивал значимость этого фактора. Некоторые настаивают на его важности. Один восточно-европейский ученый недавно жаловался мне, что «ученым, не принадлежащим к западному академическому миру, почти невозможно попасть в американский журнал с его системой внутренних отзывов, поскольку наш академический подход является иным». Это не совсем точно. «*Slavic Review*» и другие западные славистические журналы на самом деле печатают работы русских, восточно-европейских, азиатских и латиноамериканских ученых. А кроме того, нет единого другого «подхода», даже внутри той или иной страны: методологии и стили варьируются в зависимости от области знания, обучения, поколения и индивидуального выбора.

Однако эта обеспокоенность не совсем безосновательна. В некоторых случаях проблема заключается в научной традиции (общей у российских историков, например), предполагающей, что достаточно исследовать не очень изученную тему, глубоко

прокопать архивные источники и описать свои находки (конечно, эта историографическая традиция не ограничивается только Россией). Требования внутренних рецензентов по поводу необходимости «интерпретации», «критического анализа» существующих работ рассматриваются как навязывание западной академической парадигмы и, следовательно, как препятствие для публикации полезного исследования. Я получаю и статьи от ученых, не принадлежащих к англо-американскому академическому миру, которые предлагают только интерпретацию, теорию, критику других, не основываясь ни на каком оригинальном исследовании. В обоих случаях, готов признать, действуют традиция «Slavic Review» и моя собственная установка не печатать подобные работы, хотя я вполне понимаю ценность исследования, вводящего новый материал, и нахожу чисто теоретические опыты нередко стимулирующими.

Одним словом, прежде всего в интересах стимулирования критической дискуссии двусторонне анонимное внутреннее рецензирование является обоюдоострым оружием. Оно обладает известным мощным полезным потенциалом, особенно уменьшая почтение к признанным авторитетам и поощряя открытую и внимательную критику. Однако анонимность может оказаться маской, скрывающей безответственность и пристрастность. Прежде всего, редакторское настаивание на «критериях» и «стандартах» обладает амбивалентным потенциалом, создавая честную систему отбора работ для публикации, которые будут наилучшим образом двигать вперед науку, и в то же время потенциально защищая влиятельные парадигмы и ограничительные каноны, стоящие на пути новых подходов, методологий, аргументов и даже стилей письма.

Я стараюсь не забывать об этих рисках, когда отбираю рецензентов, оцениваю отзывы и пишу авторам. Выбирая рецензента, я пытаюсь вести себя одновременно ответственно и творчески. «Slavic Review» обладает базой данных, содержащей имена более 4000 ученых, занимающихся исследованиями России, а также Центральной и Восточной Европы во всем мире, и мы постоянно добавляем новые имена. Когда я отбираю авторов внутренних отзывов, мне нужна экспертная оценка по определенной теме (это легко найти, если исследователь уже что-то опубликовал по данной проблеме), а также то, что я называю «критической перспективой», что поможет гарантировать широту и значимость работы за пределами конкретной области знания.

Я, например, могу обратиться с просьбой к ученому, который работает над близкой темой, но в рамках иной, чем автор пришедшей рукописи, дисциплины, или к тому, кто занимается

той же самой наукой и работает над сходными проблемами, но проводит исследования на материале другой страны. Я часто прошу ученых, не принадлежащих к североамериканскому научному миру, оценить рукопись. Кроме того, я стараюсь обращаться и к ученым старшего поколения, и к молодым исследователям. Когда оценки сильно разнятся, я обычно прибегаю к третьему мнению — может быть, члена редколлегии (состоящей из 27 специалистов в разных областях, занимающихся разными частями региона и получивших образование в разных странах).

Лишь некоторые работы принимаются после одного круга отзывов. Даже наиболее сильные статьи требуют переделок и новых отзывов. Все это стало стандартной практикой в подобных журналах. Данный механизм не является совершенным по причинам, которые я уже упоминал. А кроме того, существуют проблемы, связанные с моей ролью. Я не могу быть знакомым с каждой исследовательской областью, которую охватывает журнал, твердо знать, на честность и критичность каких ученых я могу положиться, а также быть осведомленным о целом ряде невидимых постороннему проблем (или даже опознать их) в разных областях знания. Тем не менее я уверен, что преимущества этой системы перевешивают недостатки и гарантируют научное качество, одновременно уважая установившиеся научные стандарты и поощряя оригинальность, новизну и критическую дискуссию. Конечно, многое в критическом диалоге, который осуществляется через внутренние отзывы, оказывается ясным только для участвующих сторон. Однако когда этот механизм работает, он помогает делать научные работы лучше, что, в конце концов, и является смыслом критики.

Как редактор, я часто пытаюсь поощрять публичную дискуссию. Одним из механизмов в данном случае является публикация блока статей, посвященных какой-то определенной теме, которые я стараюсь печатать чаще, чем раньше. Подобный блок, как правило, включает от трех до пяти статей. Все они прошли через систему внутренних отзывов, сопровождаемых критическим комментарием. Вот, например, темы блоков недавних номеров и номеров, готовых к выходу: «Природа, культура и власть» в исследуемом регионе; изучение эмоциональной жизни в русской истории и культуре; современная российская партийная политика; «копия» в литературе; постсоциализм в глобальном аспекте; всемирные ярмарки в Восточной Европе; новые подходы к блокаде Ленинграда; новые этнографические исследования, посвященные Балканам.

Темы такого рода блоков обычно предлагаются учеными, работающими в разных областях знания, которых я приглашаю

помочь нам в качестве приглашенных редакторов форума. Большинство этих форумов являются междисциплинарными, они затрагивают ряд национальных исследовательских странств и включают ученых, работающих в разных странах. Более существенно то, что идеалом, вдохновляющим и мотивирующим тематические блоки, является инициирование межрегиональной и междисциплинарной дискуссии. Приглашение комментаторов только увеличивает возможность критического диалога. Например, все статьи, составившие посвященный эмоциям форум, касаются России, но написаны они учеными из трех разных дисциплин и трех разных стран (и в большинстве случаев получившими образование не в тех странах, в которых они сейчас работают). А комментатором является влиятельный теоретик и историк, занимающийся эмоциональной жизнью и специализирующийся главным образом по французской истории (его задача — сравнительный и критический взгляд).

Кроме того, подобно другим журналам, «Slavic Review» периодически публикует «дискуссионные форумы», посвященные конкретным статьям, затрагивающим темы критические или вызывающие споры. Сами по себе эти статьи являются скорее эссе, чем научными работами в обычном смысле. И иногда они оказываются вполне провоцирующими на дискуссию. Недавно мы напечатали, например, дискуссионную статью антрополога права Роберта Хейдена о геноциде и «отрицании геноцида» на Балканах вместе с двумя критическими комментариями (один был написан антропологом права, занимающимся сравнительным исследованием военных преступлений, а другой — историком, специалистом по Германии) и ответом автора. Для другой дискуссии я пригласил четырех историков сталинизма (принадлежащих к разным поколениям и странам — России и Соединенным Штатам), чтобы они прокомментировали статью Шейлы Фитцпатрик, посвященную ее личному опыту «ревизионизма». Все оригинальные статьи прошли через систему внутренних отзывов, и авторы нашли критику полезной.

Иногда статьи, которые оказываются, в конце концов, в «дискуссионных» разделах, являются теми самыми, которые внутренние рецензенты советовали мне отвергнуть как неубедительные в интерпретационном отношении, хотя потенциально полезные в качестве повода для дискуссии; в этих случаях критически настроенный рецензент выходит на публику в роли комментатора.

Близкой формой является статья-рецензия, посвященная новым научным подходам к конкретной теме (часто анализирующая ряд соотнесенных друг с другом публикаций), вроде

недавней статьи-рецензии о проблематике «личности и субъективности» в исследованиях, посвященных советскому периоду, или фокусирующаяся на конкретной сфере деятельности, вроде обзоров недавних театральных постановок и кинопродукции России и Восточной Европы. Я также отдаю их для внутренних отзывов, чтобы понять, насколько текст ценен, а также для пользы авторов. Целью статей-рецензий, как и других публикаций, является критический анализ.

Наконец, существуют письма читателей. Здесь дискуссия может выйти за строго очерченные рамки обсуждения статьи или рецензии. Естественно, эти письма почти неизменно оказываются критическими. В своих мечтах я представляю себе человека, который пишет, какое удовольствие он получил от статей, форума, дискуссий или рецензии. Но тогда, вероятно, такое письмо не следовало бы печатать! Единственным ограничением является объем, научный подход к проблеме и необходимость воздерживаться от «личных оскорблений».

На самом деле именно проблема «личных оскорблений» чаще всего заставляет меня просить автора письма отредактировать свой текст (что я предпочитаю отказу в публикации письма). Мы всегда предоставляем автору, ставшему объектом критики, возможность ответить. В принципе письма могут быть очень интересными поводами для диалога. Иногда, боюсь, их авторы занимают оборонительную позицию, слишком конкретны или банальны, чтобы быть интересными всем.

Наконец, два слова о рецензиях на книги. Как я уже говорил, многие ученые предпочитают ограничивать себя, рецензируя книги. Другие пускаются в изложение своих частных теорий и аргументов относительно области в целом, вместо того чтобы рассказать о содержании книги и проанализировать ее. Наши инструкции для рецензентов дают следующий совет, составленный коллективно и пересматривавшийся на протяжении ряда лет редакторами, а кроме того типичный для подобных журналов: «Пожалуйста, помните, что авторы и читатели нуждаются во внимательных, честных и вдумчивых оценках. Краткое описание содержания книги представляется полезным, но основной является оценка вклада книги в науку, интерпретацию и методологию, ее сильных и слабых сторон. Критическая оценка соответствует научному дискурсу, хотя оценка должна быть научной, а не личной». Мы особенно настаиваем на критическом подходе к книге и исследовании ее «более широкого значения» в длинных «специальных рецензиях» («featured reviews»).

Все эти требования конструктивного критического подхода — во внутренних отзывах и статьях, эссе и комментариях, рецен-

зиях и письмах редактору — принадлежат сфере идеального. Все мы знаем, что одни авторы замечательно пишут статьи, внутренние отзывы и книжные рецензии, а другие делают это чудовищно. И даже некоторые из самых блистательных критических текстов могут быть нечестными и бесполезными — скорее критическим самоэкспонированием, чем ответственным участием в критической дискуссии с другими. Однако если говорить об очевидном, так устроен мир, и поэтому состояние критической дискуссии и реальные последствия наших усилий всегда будут двойственными. Учитывая обстоятельства и не оставляя попыток сделать больше, мы должны радоваться тому, как неплохо обстоят дела.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

ТАТЬЯНА ЩЕПАНСКАЯ

Институт этнографии Академии наук (теперь МАЭ РАН), 80-е годы прошлого века. Мой стол на галерее, под нами — музейный зал, экспозиция этнографии Австралии и Океании. Сидя на галерее, мы часами спорили с моим научным руководителем, а затем и с другими сотрудниками института, тогда казавшимися непреодолимо старшими. Это повторялось месяцами, изо дня в день, спорили едва ли не по каждой строчке моих аспирантских статей (такое внимание к работам начинающего исследователя!). Время от времени нас окорачивали экскурсоводы: «Вы мешаете вести экскурсию!» — если в пылу ученой дискуссии стороны слишком повышали голос. Тогда мы перемещались в кафетерий академички — академической столовой в соседнем с институтом здании. Помнится, в те годы и официальные обсуждения сборников статей, диссертаций и монографий длились иногда часами и проходили очень жарко; но основные дискуссии шли уже неформально.

Татьяна Борисовна Щепанская

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург
ethnic@inbox.ru

Дискуссии задают особый стиль научной коммуникации, не в последней степени определяя удовольствие от научной работы,

личностную вовлеченность в профессию. Именно вечные споры придают научной коммуникации чрезвычайно интенсивный и глубокий характер — то, чего все меньше становится в повседневной городской жизни.

В 2005–2006 гг. я проводила групповые интервью с учеными Физтеха (ФТИ им. Иоффе, СПб.); вспоминая начало своей работы в науке, собеседники говорили об особой атмосфере академического института: «И вот что еще было очень ценное, — замечает одна из участниц нашего разговора в Физтехе, кандидат физических наук. — У нас абсолютно не было дистанции между шефом и даже аспирантом, все обсуждения — не как-то так, а за столом, склонившись, или на стульях, в коридоре, там, часами — и вот в этом было огромное значение, что у нас могли расти молодые. Вот чего, по-моему, сейчас, не знаю, меньше стало. А вот даже тот же Пирель или Дьяконов — сидели там вообще часами, где-то в коридоре на диванчиках каких-то там, и с ними люди росли. Причем в очень сложных науках — теоретическая физика очень сложная, и если нет такой школы вот повседневного общения, чтоб ты схватывал прямо все со своего шефа, вместе обсуждали, и никакой дистанции практически в науке, по-моему, не было». Собеседницы говорили о том, что теперь эта атмосфера потеряна, распадаются научные школы. «Ну, у нас тоже сохраняется, но меньше, потому что вообще: сейчас такой упор на финансы... все так озабочены грантами... что перестали даже вот так вот» — «Семинары». — «Да не семинары, а просто вот обсуждать, ноздря в ноздю, часами — просто времени нет, все всё время исступленно... и все время говорят: “У меня нет времени”... но у нас-то точно времени ни у кого нет, никто тебе не уделит просто так, бесплатно — совершенно» [Полевые материалы автора, 2005 г.].

Г.А. Комарова, открывая сборник «Антропология академической жизни», пишет о снижении уровня научной полемики в этнографическом сообществе [Комарова 2008: 11]. Судя по высказываниям физиков, мы здесь не уникальны. О том же пишет и Ю.Л. Качанов применительно к социологии: «За последние десять лет не было ни одной теоретической дискуссии, имеющей хотя бы какое-то значение для “социологического сообщества”» [Качанов 2001: 111].

Дискуссии как тип коммуникации лежат в самой основе научного типа мышления, взаимодействия и творчества. Позволяя лучше понять собеседника, четче сформулировать свою позицию, они — форма коллективного, здесь и теперь происходящего творчества. Тем самым в дискуссии формируется коллективный субъект — творчества, познания. Как это совместимо с конкурентными отношениями в научной среде, особенно на

фоне атомизации научного сообщества, с конкуренцией индивидуальной? Г.А. Комарова связывает снижение дискуссионной насыщенности научной коммуникации с атомизацией научного сообщества (в сфере этнологии и близких ей) и расчленением его на кружки и группы [Комарова 2008: 11], конкурирующие между собой, а то и вовсе лишенные взаимодействия. Однако эта связь необязательна: ведь те же кружки и группы могут возникать и в процессе дискуссий, вокруг общих идей, концепций, объяснительных схем, кристаллизующихся в этих дискуссиях, давая начало научным школам. Что же еще?

В последние десять-пятнадцать лет заметно изменение характера научной коммуникации. Некоторое снижение уровня дискуссионности, на мой взгляд, — только внешнее проявление трансформации самого института науки. Один из аспектов этой трансформации связан с перераспределением контроля между профессией (сообществом профессионалов) и внешними по отношению к ней структурами: «менеджериализм». Сейчас внешние факторы — в первую очередь финансовые (от источников государственного бюджетного финансирования до фондов), в советское время — административные органы, так что и в советское время фактор внешнего контроля действовал, хотя и в несколько иной, чем сегодня, форме. Как внешний контроль связан с уровнем дискуссионности в науке?

Имеет ли смысл подбирать аргументы, зная, что конечная правота («победа») в научной дискуссии зависит не только от убедительности тезисов дискутанта, но и от поддержки его внешними инстанциями?

С.И. Брук в интервью В.А. Тишкову рассказывал, как в процессе работы над «Атласом народов мира» ученые Института этнографии АН СССР то и дело вынуждены были снимать нанесенные на карты обозначения (области расселения тех или иных народов) то из-за запрета упоминать репрессированные народы, то из-за требований со стороны иностранных государств (официальная позиция которых была отлична от данных составителей атласа). С.И. Брук вспоминает эпизод, когда из-за одной такой картографической проблемы из Болгарии были разосланы телеграммы десяти высшим государственным деятелям — руководителям СССР и советской науки. Реакция советских этнографов — срочные действия по исправлению публикации: прямо в типографии просят снять оранжевую краску, обозначающую область расселения спорной этнической группы [Узнать из первоисточника 2008]. Научный вопрос об этнических группах и их расселении решается не в дискуссии сторонников разных позиций, а вполне административным путем. Таких примеров административного «решения»

научных проблем много в воспоминаниях, относящихся к советскому времени.

То, что происходит сейчас, может быть связано еще и с пониманием дискурсивных механизмов власти, точнее с экспликацией этого понимания после постмодернистской деконструктивной работы. Особенно это актуально в общественных науках, для которых то, что было механизмами внутрипрофессиональной борьбы и конкуренции, вдруг стало предметом и в какой-то мере даже методом изучения... Это уникально интересная для анализа ситуация. Но такой анализ должен быть на конкретном материале: интервью, наблюдениях. Классическая этнография с ее невинным взглядом здесь как раз была бы уместна. Это гипотеза, требующая исследований, здесь только намечу ее очертания.

Дискуссии в рамках науки как института (по опыту XX в.) и были инструментом выработки/согласования дискурса (и через это — определения границ научного сообщества — тех, кто этот дискурс разделяет и соглашается им оперировать), а также дискурсивной стратификации (конструирования внутрипрофессиональных иерархий на базе этого дискурса — распределения влияния через признание права высказывания в рамках принятых дискурсивных схем). И потому дискуссии были механизмом перераспределения власти. Конечно, эта социально-распределительная функция существовала наряду с функцией дискуссий в выявлении «истины», т.е. в определении того, что признается «знанием» и, следовательно, может (с санкции науки как института) использоваться уже во внешних общественных дискуссиях как инструмент власти по отношению к обществу в целом.

Микрополитические функции дискуссий в науке (кто кого «подсидел», «завалил» либо, наоборот, «протащил») были «подводной» частью и обсуждались разве что в кулуарах. Отдельные публикации ([Формозов 2005], например), где подобные вещи раскрывались, выглядели скандальными.

А постмодернистская деконструкция сделала такое понимание дискуссионных практик — именно как практик перераспределения власти (через установление правил признания информации «знанием») — легитимным.

И какой смысл теперь вести дискуссии? В них уже нельзя победить, потому что всем понятно, что это просто демонстрация превосходства ресурсов влияния, социального капитала, так сказать. Если так, то эту цель можно достичь и минуя дискуссии (прямой самоорганизацией в кружки взаимоподдержки, например, или опорой на другие виды капитала — от админи-

стративного до экономического, что мы и видим, например, по изменению источников рекрутирования ряда академических учреждений).

После экспликации микрополитического аспекта дискуссионных практик их собственно «знаниевый» аспект как бы отошел на задний план. Причем эта экспликация, возможно, не только результат профессиональной работы по деконструкции научных «битв» как репрезентации властных отношений. Понимание и обсуждение научных дискуссий как «политики» достаточно ясно сформировалось уже и в повседневном, «фольклорном» дискурсе профессиональных сообществ, и не только у социальных исследователей.

Выход? Теоретически возможные варианты. Один — с упором на социальные механизмы перераспределения влияния — мы уже видим (все эти формы самоорганизации и внутренних разграничений внутри научного сообщества). В этом случае дискуссия низводится до уровня ритуала и может быть элиминирована или сведена до формальных мероприятий. Только вот научный поиск теряет при таком подходе свой едва ли не основной инструмент. Другой выход — возвращаться к практике дискуссий, понимая, эксплицитно обсуждая и контролируя микрополитические их аспекты. Должна быть конвенционально принятая практика каких-то форм контроля «политических» последствий научных дискуссий, чтобы они опять могли бы использоваться для получения знания. Препятствие такой конвенции — конкурентные отношения в рамках научного сообщества.

Выход нужно искать, анализируя конкретный опыт по-настоящему удачных (в смысле способствования познанию) обсуждений. В последнее время дискуссии, которые действительно оставили впечатление плодотворной работы, по моему опыту, редки. Запомнилась трехдневная работа в рамках российско-французского симпозиума «Разработка новых методов и подходов в социальной антропологии», который проходил 25–27 сентября 2008 г. в Москве, в Институте этнологии и антропологии РАН. Рабочая обстановка и накал дискуссии, как мне представляется, поддерживались тем, что:

- доклады и сообщения (на каждый отводилось 15–20 минут) сопровождалось вопросами и обсуждением сразу же, по свежим следам, пока еще сказанное докладчиком не забыто аудиторией;
- докладов не было слишком много, и не было ощущения ограниченности во времени, что давало возможность подойти к обсуждению вдумчиво и серьезно;

- тематика симпозиума — обсуждение методологических вопросов — также способствовала остроте дискуссии;

- удалось избежать нередкой для научных мероприятий ситуации, когда аудитория рассеивается по мере того, как прочитываются ключевые доклады и сообщения «наиболее интересных» докладчиков. Возможно, такой эффект был связан с тем, что были представлены две близкие, но в то же время и разные научные традиции, и вокруг каждой темы разворачивался диалог, обнаруживались возможности иных, отличающихся от привычных точек зрения, формулировок, подходов. Все это оставляло впечатление свежести и вызывало эффект соучастия в дискуссиях даже не выступавшей вслух части аудитории. Этот эффект соучастия проявлялся и в живом обмене мнениями в зале, и в продолжении дискуссий в кулуарах.

Думаю, что накалу и открытости обсуждения способствовало и еще одно обстоятельство: были сняты барьеры, связанные с конкурентными отношениями в профессиональном сообществе. Различие точек зрения в данном контексте легитимировано различием национальных научных традиций. Поэтому высказывание в ходе обсуждения доклада противоположной точки зрения не означало обязательно необходимость доказать «неправильность» и нелегитимность другой позиции, теоретическая дискуссия не «скатывалась» к выяснению отношений, стороны были готовы к серьезному обсуждению возражений и конструктивному диалогу.

Из более раннего опыта рабочей обстановкой и затем яркими научными результатами запомнились многолетний периодический семинар в ИВГИ РГГУ под руководством С.Ю. Неклюдова (о современных фольклорных феноменах) и состоявшийся в 2004 г. в Институте социологии РАН трехдневный семинар по социологии и антропологии профессий. В обоих случаях дискуссии развивались опять на фоне встречи двух традиций (фольклористической и этнографической в первом случае и этнографической и социологической — во втором).

В семинаре С.Ю. Неклюдова я участвовала на начальных этапах работы над проектом «Современный городской фольклор» (впоследствии вышла одноименная книга). Дискуссии по этнографии профессий в социологическом институте вылились в публикацию сборников статей по этой новой для отечественной общественной науки тематике. Были обозначены дискуссионные рамки обсуждения этнографии профессий, важно было согласовать понимание социологических и антропологических терминов, а также подходы, сложившиеся в рамках социологии, этнографии, фольклористики, социальной и культурной

антропологии. После этой дискуссии и в ходе подготовки сборников статей по их материалам сформировалась и сеть исследователей этнографии работы (профессий, организаций, трудовых практик и отношений), причем не только в столицах.

Вернемся к тезису о снижении уровня дискуссионности научной жизни (конкретно — в области социогуманитарных наук). Ю.Л. Качанов пишет об этом как о симптоме, иллюстрирующем снижение конкуренции теорий, поскольку уже неактуально представление об «одной единственно верной теории»; структура научного знания представляется в терминах «теоретического плюрализма» — подобно ризоме Делеза [Качанов 2001: 111; Deleuze, Guattari 1976]. Предмет социального познания — социальная реальность — в этой парадигме оказывается результатом конструирующей деятельности самих познающих, зависит от избранных ими парадигм. А следовательно, спор об «истинности» той или иной парадигмы теряет значение — в рамках каждой из них истина определяется по-разному. В этом контексте конкурентные отношения между исследователями и научными школами больше не выражаются через конкуренцию их парадигм, поскольку разнообразие последних признается легитимным. «Теоретический плюрализм» в этом отношении может рассматриваться как форма конвенциональной меры снижения конкуренции в профессиональной среде.

Вообще антиконкурентные меры в рамках профессионального сообщества характерны для различных профессий как одна из форм поддержания профессиональной автономии, снижения зависимости от внешних факторов (в данном случае от рынка). Интенсивность конкуренции, даже по мнению экономистов, может стать не только фактором развития профессии, но и препятствием, особенно это заметно в области порождения знания. Так, британский экономист Р. Мэттьюз отмечает, что «растущая конкуренция между учеными в Соединенных Штатах, которая, как можно было ожидать, ведет к достижениям в знании, в то же время повысила страх ученых, что их полуголосные идеи могут подвергнуться плагиату; предполагается, что это повысило скрытность и снизило доверие, а поскольку доверие и ранний обмен (диффузия) идей важны для достижений в науке, то неясно, стал ли чистый результат усиления конкуренции в итоге положительным или отрицательным» [Matthews 1991: 744–745]. Так что снижение накала дискуссий или их информативности может быть и симптомом повышения конкуренции в научной среде, связанного с ее функционированием в контексте рынка.

Ну и напоследок: а был ли мальчик? Действительно ли дискуссий нет? Или они есть (а я склоняюсь скорее к этому тезису, на

мой взгляд, дискуссии как вид коммуникации идут, и случаются весьма напряженные), но не приводят к тому результату, который ожидают авторы тезиса об их отсутствии? Если нынешнее положение описывается как отсутствие дискуссий, то по сравнению с чем? С громкими обсуждениями советского времени с игрой на выбывание, когда одна из теорий должна была остаться, а другая подвергнуться осуждению (зачастую вместе с ее автором)?

Я бы сказала, что дискуссии сейчас идут, только вот результативность их под вопросом. Возможно, и потому, что у участников нет ясного представления о желаемых результатах.

Библиография

- Качанов Ю.Л.* Социология социологии: антитезисы. М.; СПб., 2001.
- Комарова Г.А.* Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2008. С. 5–25.
- «Узнать из первоисточника». Интервью с С.И. Бруком // Тишков В.А. Наука и жизнь: разговоры с этнографами. СПб., 2008. С. 42–58.
- Формозов А.А.* Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005.
- Deleuze G., Guattari F.* Rhizome. Introduction. P., 1976.
- Matthews R.C.O.* The Economics of Professional Ethics: Should the Professions to Be more like Business? // The Economic Journal. 1991. 101 (July). P. 737–750.

ДИНА ХАПАЕВА

«Только бизнес, ничего личного»

Антиинтеллектуализм наук о человеке — такова, на мой взгляд, главная причина отсутствия дискуссий, дебатов, рецензий. Отсутствие интереса к идеям проявляется в том, что сегодня академическое сообщество стало без стеснения функционировать исключительно по законам деловой среды и социальной сферы. С редкими вылазками в политику. Безыдейность в современном гуманитарном знании вызвана в значительной степени тем, что науки о человеке все более превращаются в бизнес — «ничего личного».

Дина Рафаиловна Хапаева
Смольный институт свободных искусств и наук, Санкт-Петербург
khapaeva@smolny.org

Острый антиинтеллектуализм социальных и гуманитарных наук — порождение кризиса гуманитарного знания. Понятно, что привлекало в научном познании в годы, когда отцы-основатели социальных наук и их последователи верили в то, что научная истина постижима и достижима, и осталось чуть-чуть, чтобы с ее помощью преобразовать человека и общество. Понятен был энтузиазм и их критиков в 1970-е гг., когда они с увлечением доказывали, в силу каких причин обещанное отцами-основателями постижение истины невозможно, недостижимо и недоступно. Если верить в достижение научной истины или разоблачать ее недостижимость, то идеи имеют смысл. А если такой веры больше нет? Если главной и единственной идеей, на которую удастся опереться наукам об обществе и человеке (если они хотят оставаться науками) оказывается доисторический позитивизм с присущим ему сциентизмом? Причем позитивизм осадный, осознавший свою собственную ограниченность, понимающий, что за пределами осажденной крепости поджидают враждебные силы, способные высмеять его, позитивизм напуганный, который не просто запрещает, но боится задавать вопросы, выходящие за пределы узкой предметной области?

Ибо в тот момент, когда обнаружилось, что социальные и гуманитарные науки не способны излечивать общество от его недугов, когда их диагнозы перестали убеждать, а их методы оказались скомпрометированы, сциентизм превратился в способ психологической самозащиты от разочарованности общества, от недоверия «профанов», от утраты интереса публики к исследователям и их делу, а также от сомнений, периодически возникающих у исследователей относительно осмысленности их собственной деятельности. Позитивизм стал единственным прибежищем тех, кто решил продолжать делать из гуманитарных исследований науку. Аутизм гуманитарного знания достиг своей зрелой формы в момент, когда гуманитарные науки вступили в старческую пору своего развития, когда престиж гуманитарного знания в глазах общества резко упал, а наступившая интеллектуальная дезориентация девальвировала ценность идей.

Интересно отметить, что столь плачевное состояние науки практически не сказалось на престиже университетского диплома в гуманитарных областях. Вероятно, одна из причин такого положения дел заключалась в том, что университет давно превратился в такую же эйджистскую организацию, как и школа, через которую положено проходить в определенном возрасте. Университеты продолжают оставаться крайне успешным бизнесом, несмотря на то что их выпускники больше не верят в возможность получить от своих мэтров золотую отмычку

метода, который обеспечил бы им интеллектуальную уверенность в правильности дела, «которому они служат».

Надо признаться, что и потребность в такой вере резко снизилась. Если в 1960–1970-е гг. было необходимо придерживаться каких-либо взглядов (или принципиально отрицать приверженность любым парадигмам), чтобы принадлежать к академическому сообществу, в наши дни такого рода приверженность выглядит исключительным чудачеством. Коллеги обсуждают при встречах политику, погоду, природу, дела — т.е. конкретные бизнес-вопросы продвижения по службе, поиска выгодных мест работы и нужных людей, зарплаты и недвижимости, составляют альянсы, но практически никогда не говорят о своих взглядах или о своих «творческих планах». Для этого существует формат годовых отчетов, зачем же портить вечер?

В эпоху отсутствия идей борьба за платных студентов, конечно, сказалась на качестве и направлении учебных программ. Примером может послужить преподавание истории, где необходимость «завлекать» студентов интересными и доступными для понимания темами начала существенно менять профиль этой дисциплины. Например, программы по истории ведущих американских университетов (за исключением, пожалуй, Принстона) уже группируются вокруг четырех важнейших тем, на которые разложимы все преподаваемые страны или периоды: пища, ведовство, зверства и, конечно же, секс. Такой «гастрономический» поворот в исторической профессии, безусловно, очень точно отражает антиинтеллектуальную направленность современной академии.

Одним из последствий интеллектуальной дезориентации эпохи кризиса стал крах представления о том, что идеи — во всяком случае в сфере наук о человеке — обладают самостоятельной ценностью. Иными словами, гуманитарная наука уже не есть способ самовыражения, она превратилась в практику, связь которой с миром идеей перестала быть ощутимой и значимой. В эпоху дефицита идей и кризиса веры в науку надо быть подлинным маньяком, чтобы одна и та же тема или область узкопрофессиональных интересов занимала на протяжении многих лет и вызывала искренние чувства. А поскольку подлинная маниакальность — редкое состояние, то после лет ученичества возможны два пути, два сценария. Интеллектуальная деятельность может стать способом самовыражения, но оно уже никоим образом не связано с «наукой». Это — обращение к интеллектуальному письму, которое не передается по научному наследству и которому нельзя научить, как нельзя заставить человека быть талантливым. И второй путь — когда сначала область узко профессиональных интересов набивает

оскомину, а потом проходит и это. И остается, за неспособностью к более полезной деятельности, университетская карьера, способ зарабатывать себе на жизнь. Только бизнес, ничего личного.

Теперь поговорим о том, как функционирует среда. «Лучшие специалисты в своей области получают работу в лучших университетах» — кто сегодня поверит в идею меритократии? Можно ли смело заявить, что работы — например, историков из самых престижных университетов — гораздо хуже или гораздо лучше работ их коллег из менее продвинутых? Дело не в качестве того, что коллеги пишут, и уж точно не в способности производить новые и интересные идеи, а в том, насколько хорошо и правильно они помещены в среде, кто был научный руководитель, насколько глубоко укоренены в своей узкой области. Организация по правилам социальной среды, где главное значение имеет то, с кем ты знаком, какова твоя репутация (симпатичный ли и светский человек, приятно ли с тобой в компании и т.д.), играет важнейшую роль и в принятии решения о зачислении на работу. Кому проще попасть в академию — человеку, который отрицает хоть что-нибудь из того, с чем согласен его шеф или коллеги, или тому, кто ничего не отрицает? А наоборот, спокойно слушает и спокойно пишет то, что хотят от него услышать собратья по цеху, — только бизнес, ничего личного.

В прежние времена, когда идеи имели ценность, у аспиранта всегда оставалась надежда выступить в защиту или против идей учителя и тем самым возвыситься. Сегодня любому студенту понятно, что идеи опасны, ибо о них известно, что в прошлом они были способны порождать несогласие, а следовательно, конфликты. Они просто вредны для успешного продвижения по службе.

Видали ли вы переполненного оригинальными идеями ассистента профессора? Для успешного ведения деловых отношений приверженность оригинальным взглядам является очевидной помехой — да и при чем здесь взгляды, если ты на службе? И в чем разница, служишь ты в банке или на кафедре в университете? Ведь это только бизнес, ничего личного.

Девальвация идей сказалась и в том, что их кража перестала шокировать и восприниматься как нечто невозможное, постыдное и т.д. Исследователи с вороватой репутацией ничуть от нее не страдают — напротив, «сообщество» с пониманием относится к такой «практике», рассматривая ее, вероятно, как «промышленный шпионаж». В общем, опять-таки ничего личного.

Отвлечемся теперь от кризиса и поговорим о журналах, которые, безусловно, составляют основу «производства научного знания». Разве всегда дебатов было так же мало, как сегодня? В эпоху господства великих парадигм проблема отсутствия дебатов или рецензий не возникала: «Социологический ежегодник» Дюркгейма или «Анналы» Блока и Февра состояли в основном из рецензий, в которых основатели журнала выражали свое идейное несогласие с противниками и множили ряды идейных сторонников. Какой из журналов сегодня может похвастаться наличием идейной программы, которую его сотрудники готовы были бы отстаивать с пером в руках? А если нет программы, то как отличать «своих», тех, кого стоит печатать, от «чужих»?

В чем видят свою задачу peer review journals или академические журналы? В поиске оригинальных идей? Но как можно оценить новую и оригинальную идею на основе консенсуса, причем анонимного консенсуса, когда никому из референтов не грозит опасность прослыть ретроградом? На основании консенсуса могут приниматься только тексты, которые уже заранее усреднены, «зачищены» пронизательными авторами, понимающими, чего от них ждет «профессиональное сообщество».

Может быть, журналы озабочены хваленной междисциплинарностью? Попробуйте опубликовать по-настоящему междисциплинарную статью, написанную на границе двух дисциплин, и вы поймете, о чем идет речь. Поэтому сегодня научные журналы следовало бы описывать как машину распределения будущих рабочих мест и зарплат, как закрытую корпорацию, в недрах которой — в рамках каждой узкой профессиональной среды — происходит распределение и перераспределение потенциальных доходов, этакая фьючерсная биржа, на которой решается, кто что получит на рынке труда.

Если журналы не отличаются между собой идейно, то чем-то они все-таки должны отличаться. И они отличаются — тематикой, а в случаях, когда и она совпадает, им остаются некоторые стилистические отличия, которые не формализуемы никаким исчисляемым научным методом. Помимо этого неуловимого стиля их главным отличием, и вполне ощутимым, оказываются интересы, социальные связи и альянсы людей, стоящих во главе или за этими журналами. И опять же, о чем дискутировать, если всем все и так понятно — и про расстановку сил, и про личные отношения между членами редколлегии, и про личные отношения с редакторами других журналов...

Но даже если допустить, что все сказанное выше — это злая напраслина, то о каких дебатах может идти речь, если мир ака-

демических журналов давно и счастливо пребывает в длительной протяженности Броделя? О каких бурных дискуссиях можно говорить, если в самом активном журнале ваша статья увидит свет в лучшем случае через полгода, а в нормальном — через год после ее написания? А отклики на нее появятся в печати еще через год? Идеи, как и все мирские сущности, пребывают во времени. Жизнь не стоит на месте, а за год у людей думающих меняются интересы. Академические журналы движутся со скоростью почтового дилижанса, как в конце XIX в., тогда как в остальной своей жизни — переписке, обмене новостями и т.д. — коллеги живут скоростями Интернета. Поэтому можно смело утверждать, что для дискуссий у научных журналов просто нет — и не может быть! — времени.

Безусловно, дебаты случаются и сегодня. Мотивированы они обычно личными обидами, идиосинক্রазиями, невербализуемыми стилистическими разногласиями или войнами между группами. Но, вероятно, эти редкие перебранки не относятся к дебатам, о которых просила высказаться редколлегия «Антропологического форума».

Выход, безусловно, есть. Это выход в публичное пространство, где за представление о том, что идеи имеют самостоятельную ценность, сегодня тоже придется побороться. Но не стоит забывать, что публичное пространство функционирует по совершенно другим законам. В нем судьей является не коллега, а читатель. Правда, работа зависит от коллег, а не от читателей. Поэтому жесткий подлинный выбор, который приходится делать «современному гуманитарии», — между бизнесом и интеллектуальными интересами, тем, что дорого в себе (если таковое окажется), и полным отсутствием всякого «личного».

Конечно, точка зрения, выраженная здесь, намеренно преувеличена, даже гротескна. Но мне хочется надеяться, что она позволит задуматься о процессах, идущих в современной академии. Во всяком случае, уж точно — ничего личного...

ЮННА ХИРАМАЦУ

2

Я согласна с тем, что в академическом мире дискуссия идет не очень активно. Одну причину этого, в добавление к перечисленным, я вижу в самой природе академической работы. По существу, она может идти намного медленнее, чем в других сферах общества (таких как политика или экономия). Напри-

Юнна Хирамацу (Junna Hiramatsu)
Оксфордский университет,
Великобритания
junna.hiramatsu@sant.ox.ac.uk

мер, обычно нужно несколько месяцев (в худшем случае больше года) для того, чтобы статья была опубликована в журнале (если отказывают или требуют переработки, приходится трудиться над ней еще полгода). А отзывы об этой статье автор получает еще через полгода или год после ее опубликования. Причем академическое сообщество — это, как указано в вопросе, общество специалистов, работающих в маленьких, раздробленных специализацией и фракционностью и закрытых группах, несмотря на то что они вроде бы разделяют более или менее общую проблематику и научный язык. Такой характер академической деятельности (особенно гуманитарной науки), на мой взгляд, затрудняет быстрый и активный обмен мнениями среди ученых. Даже когда обмен происходит, например на конференциях, мы чувствуем, что он не всегда сразу приносит что-то полезное для развития исследования.

Между тем собственно академическая дискуссия, по моему мнению, не обязательно должна приносить выгоду или зримые результаты, в отличие от бизнеса, так как работа эта чаще всего прямо не связана с практической социальной деятельностью. Научная дискуссия может дать ученому ключ к его исследованию гораздо позже, даже через несколько лет после дискуссии. Мнения других могут быть усвоены ученым и косвенно помогать в работе, даже когда он не отдает себе в этом отчета. Такая дискуссия происходит не всегда там, где присутствуют два или больше человека. Когда я читаю книги других исследователей, в моей голове идет дискуссия между некоторыми противоположными позициями, результат которой (т.е. результат моего участия в ней) может появиться в моей индивидуальной статье. Я нахожу немало прекрасных примеров такой внутренней дискуссии в высоко ценимых работах других ученых. Для меня это одна из должных форм дискуссии в мире исследователей. В этом смысле академическая дискуссия, может быть, идет незримо и имеет больше ценности, чем мы полагаем довольно пессимистически.

3

У меня нет достаточных знаний, чтобы констатировать, что этот жанр отмирает. Правда, рецензия, которая только реферирует книгу, указывает мельчайшие ошибки в изложении фактов или, наоборот, просто хвалит автора, не очень поможет широкому читателю. Но, как мне кажется, рецензия еще нужна и полезна исследователям, если она показывает, какое место рецензируемая книга занимает в истории исследования той или другой сферы, и четко формулирует актуальную проблематику этой сферы, сопоставляя несколько работ. Например, как делается в некоторых хороших рецензиях, рецензент может познакомить читателей с противостоящими друг к другу аргу-

5

ментами и указать направление, по которому можно вести дальнейшую продуктивную дискуссию.

С точки зрения японского исследователя, одно из наибольших последствий глобализации в научном мире, — это дальнейшее развитие гегемонии исследований, написанных на английском языке, в связи с чем люди все чаще и чаще забывают о существовании исследований, проведенных на других языках.

Если говорить о ситуации в Японии (возможно, это случается и в других регионах мира), то система гуманитарной науки этой страны и даже сама ее «традиция» складывалась на основе импорта из западных стран после модернизации страны до сегодняшнего дня. Поэтому нельзя сказать, что японские конвенции четко отличаются от западного типа, за исключением самого языка, и нельзя увидеть какой-либо серьезной коллизии между ними. Для нынешней японской гуманитарной науки, которая сталкивается с ускорением глобализации, проблема находится где-то в другом месте, хотя дальнейший разговор об этой проблеме может отдалиться от заданной здесь темы.

Дело в том, что японский академический мир до настоящего времени довольствовался односторонней коммуникацией в отношении с другими культурами. Не только специалисты по иностранным культурам, но и критики вообще все читали, в том числе тексты на иностранных языках, переводили их на японский, а писали только по-японски для японцев (крайне редко на других языках) и не имели читателей за границей.

А когда вследствие глобализации все иностранные культуры начали попадать на японский рынок через каналы, основанные на англоязычных культурных институциях (в том числе и переводческой системе), изучение иностранных культур учеными-специалистами потеряло привилегированный статус. (Здесь есть еще один фактор, который привел отечественный рынок изучения иностранных культур к разрушению, — падение ценности гуманитарной науки вообще.)

Таким образом, мы теперь не находим читателей ни в своей стране, ни в заграничных академических обществах. Исследование на японском языке становится ни к чему не годным мертвым грузом. Глобализация приводит японский академизм не к столкновению с другими культурными традициями, а к его исчезновению. Говорят, что глобализация с гегемонией одного языка и благодаря Интернету теперь позволяет ученым легко находить работы других исследователей во всем мире. Но в этой ситуации коллеги все больше упускают работы на японском языке из-за языкового барьера (такой сервис, как Citation Index в Интернете, не включает работы на японском). Вот так и сло-

жилась ситуация, что автор работы является ее единственным читателем.

Японской гуманитарной науке сейчас не до того, чтобы недоумевать, раздражаться из-за разницы традиций или настаивать на своих конвенциях от имени мультикультурализма. Нехорошо просто одобрять господствующую систему и поддаваться ей. Но если быть реалистом, японским исследователям (может быть и не только) для того, чтобы иметь больше шансов для дискуссии, предстоит думать о том, как участвовать в коммуникативной сети сильных языков, и в то же время рассматривать политические значения тех условий, вне которых мы уже не можем работать.

6

Я снова буду говорить о ситуации в Японии. Как мне кажется, верная картина сегодняшнего гуманитарного сообщества демонстрирует, что не широкая публика входит в академический мир, а наоборот.

Раньше (20–30 лет назад) сфера «критики», связывающая академизм с публикой, еще имела довольно мощное влияние на формирование общественных мнений, а теперь ее компетенция ослабляется. Говорят, что уровень гуманитарных журналов резко снизился за последние десять лет. Параллельно происходит замена профессиональной критики мнением широкой публики. В Интернете место известных ученых занимают любители, они и формируют общественное мнение. По мере того как расширяется дискурсивная сфера публики в Интернете, место академических обсуждений суживается и удаляется от публики. Но вместе с этим можно наблюдать, что объекты академического и публичного обсуждения сегодня начинают совпадать все больше и больше. Т.е. наука стала больше иметь дело с непосредственно социальными, эмпирическими вопросами. Например, в социологии уже непопулярно теоретическое обсуждение. Университеты и журналы преимущественно принимают социологов, занимающихся практическими вопросами, которые сразу принесут пользу обществу.

Следовательно, сейчас, на мой взгляд, нам надо думать не о том, хорошо или нет включение публики в науку, а о (не)возможности сосуществования этих двух форм дискурса в одном пространстве, о том, что (не)возможно или (не)значимо независимое существование академической дискуссии.

7

Изменить характер дискуссионности в академическом мире не очень легко, потому что, как я говорила в ответе на первый вопрос, кажущееся отсутствие активности связано в некоторой степени с самой природой работы этой сферы. И я не могу утверждать, что это плохо, так как думаю, что именно кажущиеся

ся неактивность и медлительность обеспечивали качественный уровень академической работы.

Если мы ускорим темп дискуссии, то это может повлиять на ее качество. Скорость и качество обмена мнениями чаще всего обусловлены институциями коммуникации, которые трудно изменить только изнутри академии. Как можно наблюдать сегодня, Интернет ускоряет и расширяет дискуссию и распределение информации, что изменяет и качество высказываний. Изменения могут идти и в хорошем, и в плохом направлениях. Дело только в том, что и сам критерий, по которому мы оцениваем качество, будет меняться по мере того, как меняется форма коммуникации, и мы должны быть готовы к такому изменению, если хотим изменения формы академической дискуссии.

Но если отложить этот вопрос и обратить внимание на усилия, которые журнал «Антропологический форум» направляет на повышение уровня дискуссионности, то мы увидим, что академическое сообщество еще может многое сделать внутри своей системы. Каждая тема, поставленная в разделе «Форум», дает возможность рассмотреть саму нашу работу критически. В ситуации, когда большая часть академической работы проходит без серьезного осознания того, что мы делаем, попытка «Антропологического форума» отличается своей рефлексивностью и прогрессивностью, результаты которых я вижу в международных и междисциплинарных проектах этого журнала. Если высказывать дальнейшие пожелания, то я бы хотела больше читать о том, что выдающиеся ученые или критики из соседних со славистикой областей говорят или пишут о проблемах, связанных со славянскими регионами, и об их дискуссиях со славистами. Подготовка такой дискуссии требует много времени и средств (для этого участники разговора должны изучить другие области по сравнению с тем, чем они обычно занимаются). Она может закончиться провалом, так как есть вероятность, что их интересы и проблематика никак не совпадут, но в то же время в таком пересечении разных сфер мысли таится и возможность представить самые интересные аргументы и открыть новое поле зрения.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Традиционное послесловие к состоявшемуся обсуждению с разбором присланных реплик нам показалось излишним. И дело не в том, что их оказалось необычно много, а разброс мнений, оценок и соображений поразителен, а в том, что картина получилась столь яркой и показательной в своих противоречиях, что мы не сочли нужным ее препарировать. Каждый читатель вынесет из этого обсуждения что-то свое. Для нас важно было сверить свое видение состояния дискуссионного пространства с тем, каким оно представляется нашим коллегам, представителям научного сообщества, пребывающим в иных культурных, дисциплинарных и ситуативных контекстах. Если говорить о самом общем впечатлении от представленной в комментариях картины, то оно оказалась более оптимистическим, чем мы предполагали (наш пессимистический настрой отчетливо проявился в предложенных к обсуждению вопросах). Да и само обсуждение продемонстрировало высокую степень заинтересованности в обмене мнениями. И это обстоятельство не может не радовать, но вместе с тем заставляет еще больше задуматься над аргументами представителей пессимистического направления. Видимо, социальные и гуманитарные науки подходят к тому, чтобы заново осмыслить свой статус, свое место в системе знаний. Такое движение можно только приветствовать.

В любом случае обмен мнениями оказался в высшей степени полезным. Многие высказанные соображения требуют обдумывания, а некоторые из них — скорейшего претворения. Для нашего совсем «юного» журнала особенно полезен опыт, которым щедро поделились редакторы журналов «Slavic Review», «The Russian Review», «Kritika».

Мы благодарны всем участникам обсуждения.